

На земле
сингалов
и тамиллов

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Серия
основана
в 1957 году

На земле сингалов и тамиллов

Москва
«НАУКА»

Издательская фирма «Восточная литература»
1992

ББК 26.890(5Шри)
Н12

Kenneth M. de Lanerolle
SOUTHERN RIVER
Hansa Publishers Limited
Colombo, 1971

C. V. Velupillai
BORN TO LABOUR
Olcott Mawatha
Colombo, 1970

Перевод с английского
И. В. СУЧКОВА

Ответственный редактор
и автор послесловия
Ю. Н. МАСЛОВ

Спонсор книги — фирма «Грин СТ-91»
Москва
Телефон (095) 230 15 88

На земле сингалов и тамиллов / Пер. с англ.
Н12 И. В. Сучкова. Послесл. и примеч. Ю. Н. Маслова.— М.: Наука. 1992.— 192 с.
ISBN 5-02-017449-1

Предлагаемая книга составлена из двух произведений современных писателей Шри-Ланки. Это «Южная река» Кеннет М. де Ланеролла и «Люди зеленого царства» К. Велупиллаи. В живой привлекательной манере в них описываются быт и нравы двух основных национальных общин острова, их культурные и региональные традиции.

Н 1805030000-102 75-92
013(02)-92

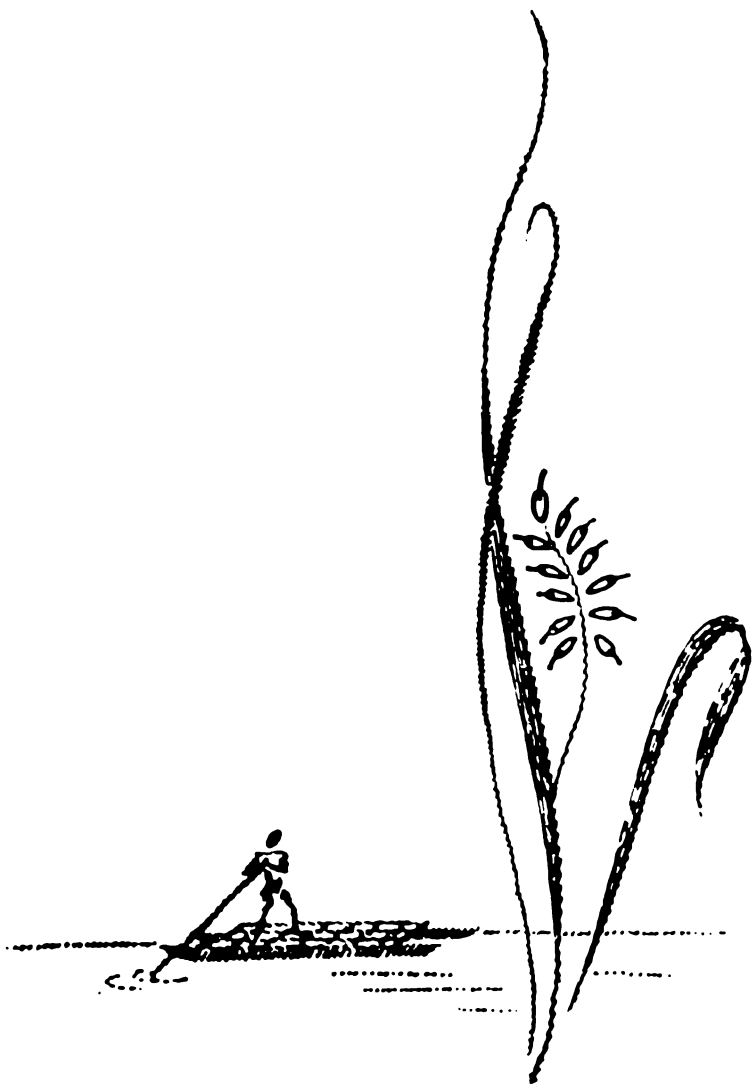
ББК 26.890(5Шри)

ISBN 5-02-017449-1

© Издательская фирма
«Восточная литература»
ВО «Наука», 1992

Кеннет М. де Ланеролл

Южная
река

ДЕРЕВНЯ

Я часто благодарю всевышнего за то, что прогресс обошел нас стороной. Бездушное поколение покупало и продавало земельные участки на берегу океана, ширилась сеть шоссежных дорог, призванных служить его интересам. На землях, покрытых девственными лесами, в горах, по склонам холмов теперь хозяйничает Его Величество Каучук, а в подчинении у него — механизированный транспорт.

Селение Синадхая, что в переводе значит «журчащая вода», — на удивление нетронутый уголок природы, невероятный анахронизм, островок старого мира, спокойствия и высокой нравственности, открытости и бесхитростности, тишины, еще не взорванной телеграфом и радио.

В Синадхае обычно никто не раздражается, если письмо опаздывает, и не спешит на деловую встречу. Неторопливое передвижение на буйволиной повозке по сельской дороге и на лодке в океане устраивает всех местных жителей.

Пороги

В Синадхае протекает река Нилганга (Голубая река). Она берет начало на высоких холмах и у самой деревни образует порог — нагромождение отшлифованных временем камней, между которыми суетится вода. На ее поверхности играют солнечные зайчики. Слышится мерный шум, похожий на идущий вдалеке дождь.

В своих потаенных убежищах притаилась проворная речная рыба, а лань и известный своим пристрастием к древесной коре олень, поборов робость, торопятся поскорее напиться. Возле реки растет *китхули*, царственная индо-малайская пальма. А рядом посадки железного дерева, густолиственные вечнозеленые кроны которого отбрасывают мягкую тень.

Между стволами непролазные заросли вездесущего папоротника. Над водой нависают орхидеи.

Чуть поодаль от порогов журчащий поток превращается наконец в мощную реку, которая величественно течет по плодородной равнине. Вот здесь-то, ниже порогов, и раскинулась по обоим берегам реки наша деревня, обязанная им своим названием.

Вдоль левобережной части деревни бежит шоссейная дорога. Там стоят крикливые домики, крытые черепицей и с оконными рамами цвета индиго. Тут расположена и базарная площадь, некогда знаменитая своим гудроновым покрытием, но теперь она изрыта и прорезана колеями. На берег выброшены две лодки. Их приспособили под жилье, а привязанные цепями к деревьям утлые долбленки дополняют картину общего неприглядного антуража. Здесь много тощих беспризорных собак. Они уныло бродят вдоль берега в поисках пищи и незлобиво лают на играющих в закоулках голых ребятишек.

Действительно, зрелище это довольно непривлекательное. Чтобы проникнуться атмосферой, нужно пройти вдоль правого берега реки, посидеть на уроке в сельской школе, который проходит под развесистым деревом, сходить в храм, понаблюдать за юными верующими, когда они прутиком изображают на песке ритуальные знаки.

Конечно, можно совершить прогулку в повозке, чтобы полюбоваться буйно цветущими зарослями у обочины дороги или просто подремать под скрип колес и звон колокольчика на шее вола. Но не менее приятно побродить пешком, подняться на холм и оттуда насладиться видом на лоскутный зеленый ковер равнины, подышать чистым воздухом и прислушаться к монотонному шуму стремнины.

Хорошо прогуляться по узеньким, поросшим травой дорожкам. Кое-где от них отходят тропинки, ведущие через сады к окраине деревни. Там под голубым небом раскинулись поля, начинающиеся прямо от стен уютных коричневых коттеджей.

Если вы захотите опустить руки в быстро текущую речную воду, как это обычно делаю я, то увидите неизвестных вам рыб, которые выстроились, возбуждая у вас любопытство, против течения. Пойдите немного в воде в дождливую погоду в саронге¹, подвернутом выше колен, и увидите рыбешек,

снующих у ваших ног, а на деревьях — диких голубей, вдохнете запах мха и листьев, облезлой коры и поймете, что мир прекрасен!

НОЧЬЮ И УТРОМ

Ночь всегда здесь наступает внезапно, словно неожиданно закрывается дверь к свету. Что такое ночь? Это время, когда нет солнца. А у нас тут нет даже электрических лампочек, не говоря уже о неоновых фонарях, чтобы искусственно продлевать день. Люди ложатся спать, как только замолкает птичий гомон и возвращается с лугов скотина.

Но для нас, детей, перед сном наступает время сказок. Мы моем ноги, меняем уличную одежду на ночную, гасим светильники в бутылках, кроме одного, стелем циновки и ставим стул для кого-нибудь из старших. Теперь все готово.

С нами всегда находятся пожилые родственники — тети и дяди. Они коротают вечера с теми, кто в силу долга или по любви постоянно поддерживает с ними тесные связи. Словно тени бесшумно двигаются они по дому, где пользуются заслуженным уважением, но практически не принимают никакого участия в делах семьи. Лишь по вечерам, когда наступает время сказок, они оживают, и это чудо, которое происходит с ними, творим мы, дети.

Мы садимся в кружок, тесно прижавшись друг к другу, и ждем удивительных историй, которые текут плавно, словно сами собой, из уст взрослых и никогда нас не утомляют. Это и сказки про зайца и черепаху, и притчи из джатак², и легенды, а также смешные рассказы про шутов, правителя южноиндийского княжества Андрха и неизменные анекдоты из жизни великого глупца Махадхемутхи и его незадачливых дружков.

Коварная возлюбленная сказочного героя Гамаралы не вызывала у нас возмущения, не испытывали мы ужаса и тогда, когда кровожадный злодей начал орудовать кухонным ножом, а упоминание о подзатыльнике как единственном средстве от неизвестных недугов и болезней казалось нам очень смешным. Мы внимательно слушали и дружно хохотали, когда же наконец ложились спать, то тут же забывали обо всем на свете.

Но ночь не вечна. Легкое от едва заметного ветерка шевеление ветвей деревьев — и листья понемногу сбрасывают на землю росу. Тают облака, рассеивается темнота, медленно встает солнце, возвещая о наступлении нового дня, и он вступает в свои права, неся с собой тепло и многообразие жизни.

Первыми о смене ночи и дня возвещают птицы. Вот закричал петух, и его тревожный крик пробуждает ото сна других пернатых. Засуетились вороны. Черноголовые иволги, пристроившись на вершинах деревьев, чистят свои перышки, ласточки стремительно кружат над низкорослым кустарником, а дятел своим клювом испытывает прочность ствола фикуса. Воробьи упрямо носятся вокруг облюбованных ими домов. Гигантская стая пестрых птиц облепила дерево. Они прыгают с ветки на ветку и громко щебечут. Что-то ищут в траве майны, фазан же с важным видом индивидуалиста-добытчика упорно изучает былинку за былинкой и довольно ворчит, когда в конце концов находит вожделенную улитку. Одна лишь славка-пересмешник всегда беззаботна: вращается словно в ритуальном танце, сопровождая его утренним песнопением. И все это — только для самой себя, без оглядки на зрителей или слушателей, воистину баловень природы!

ТИХИЙ УГОЛОК

Я хорошо помню это уютное местечко неподалеку от дома. Здесь Голубая река огибает скалу, а затем величественно течет по маленькой долине. Там по обоим ее берегам тянутся, создавая радующую глаз мозаику, рисовые поля. Далее у подножия беспорядочно теснящихся холмов растут кокосовые пальмы, а за ними синяя горная гряда сливается с небом. Воздушное пространство создает иллюзию некоего неприступного бастиона, на который надвигаются грозные облака муссона, но, побежденные, тут же тают.

Иногда, когда мне хотелось побыть одному, я уходил по лесной дороге в этот уединенный уголок. В ветвях дерева, возвышающегося на уступе скалы, был сделан настил. Когда-то на нем проводил ночи земледелец, чтобы уберечь от диких зверей урожай

на своем участке земли, расположенном прямо под деревом.

Этот настил — свидетель бренности наших суетливых потуг. Искусная рука сооружала его основательно, и хотя он и поскрипывал на ветру, доски скреплены настолько надежно, что казалось, будто настил, даже брошенный человеком, не подвержен воздействию времени.

Там был тайник, где хранились удочки, леска, спрямленный обломок железного обруча для копки червей, старый столовый нож и другие принадлежности, дорогие сердцу юного рыболова. Червяков было много в сыром иле, нанесенном рекой, и я безжалостно насаживал эти нежнейшие создания на крючок своей удочки. Иногда на приманку неожиданно клевал угорь — натянет удочку как струну, а затем сорвется и уйдет в глубину. А вот ленивому большеголовому и мелкотелому бычку не уберечься от моей наживки.

Ловля рыбы научила меня быть терпеливым, ибо между поклевками проходят долгие минуты ожидания. Мне это занятие не казалось монотонным. Я умиротворенно взирал на заброшенный участок и наслаждался тишиной. Трава здесь, как везде, невысокая. Деревья с пышной листвой стояли еще без подлеска, уничтоженного огнем, запаленным крестьянами, некогда возделывающими в этих местах землю³. Одна часть изгороди, установленной от мародерствующих диких кабанов, еще сохранилась, но была увита мощными и скользкими стеблями ползучих растений, другая же обрушилась на ствол старого дынного дерева — папайи, никак не желающего умирать. С замшелой корой и преждевременной пожелтевшей листвой, оно вело безуспешную борьбу со все плотнее обступавшей его дикой лесной растительностью, которую его же собственные похожие на зонты листья невольно укрывали в спасительной тени.

Иногда мимо меня медленно проплывала превращенная в дом на воде лодка, покрытая тентом, с гончарным горшком, который влачил за кормой на веревке, выполняя роль своеобразного плавучего якоря, сдерживавшего ход этого суденышка. Навстречу, уже вверх по реке, двигалась другая лодка, которую тащили бечевой шедшие берегом люди. Порой одинокий гребец, сложив весла и доверившись течению,

заводил старую, знакомую реке песню: о дне и ночи, которые вечно сменяют друг друга, о счастье уединения, о нескончаемых странствиях и безответной любви.

Однако порой даже терпению рыбака приходит конец. Бывают дни, когда ничто не привлекает твоего внимания. Не движутся облака, не шелохнется ни один листок на дереве, лишь сверкает на солнце поверхность реки, и тебя, словно одеялом, окутывает истома. Рыба не клюет, хотя время от времени ты насаживаешь нового червячка. Даже водяные пауки не желают играть с поплавками в такую жару!

Тогда не остается ничего другого, как отправить миску из скорлупы кокосового ореха, в которой я держу червей, по воле волн и наблюдать за тем, как она станет тонуть. Сматываю удочки, прячу их в укрытие и пытаюсь заняться чем-нибудь другим.

МАЛЫШ

Помню время, когда мне так хотелось быть старшим, а не младшим ребенком в семье. Теперь-то я хорошо понял преимущества моего положения, ведь я — самый младший.

Мой старший брат был несносным проказником. Мне приходилось выполнять всевозможные его просьбы: что-то найти и принести, стащить или стоять на страже, когда он стал покуривать самокрутки из газет в туалете.

Впрочем, имелись и свои плюсы. Учитывая мой возраст, меня освобождали от многих домашних дел, в которых участвовали остальные. Я довольно рано почувствовал свое особое положение: стоило мне только появиться в комнате, где находились одни взрослые, как они замолкали — речь их иссякала подобно реке, теряющейся в пустыне. Ну и притворщики же они! Со временем и я, и они осознали, что лучший способ поладить друг с другом — это никому не мешать. И я, предоставленный сам себе, старался как можно реже попадаться на глаза старшим.

Это освобождало меня от многих обязанностей, которые в противном случае мне пришлось бы выполнять. Итак, я был сам себе хозяин: шел, куда хотел, делал, что нравилось. Общаясь как с молодыми, так

и с пожилыми, я приобрел многие знания и опыт, которые впоследствии оченьгодились.

Как самый младший в семье я больше других пользовался вниманием и заботами взрослых, особенно когда болел. Даже гости, которые часто приходили к нам, в такие дни обращались со мной по-особому. Больному, мне доставался самый лакомый кусочек в дар от любящих сердец.

Малышом я подолгу оставался в окружении подруг матери. Фактически я был своего рода маминым придатком. Обо мне, наполовину скрытом ее юбкой, нередко забывали во время ее встреч с друзьями и соседями. Благодаря этому я оказывался первым, кто узнавал, какая женщина в деревне забеременела, кто тайно лечится у женского врача, какое приданое у той или иной невесты и почему нотариус вгорячах дал пинка под зад Метхье.

Конечно, не все, что я узнавал, расширяло мои знания, важно другое — дети моего возраста не подвергались дискриминации. Такие темы разговоров, как прожиточный минимум, любовь, поведение молодежи, судебные разбирательства, последствия употребления алкоголя и безнравственность, и подобные им стали для меня книгой жизни, при том с иллюстрациями. С каким интересом наблюдал я, как работает мать! Она могла все: из сухих стеблей сплести занавески или красивые цветочные гирлянды из бумаги; распустить модную кофточку, которую до того носила на зависть всем женщинам в округе, и связать новую; так разукрасить утиные яйца золотыми и серебряными нитями, что они смотрелись как настоящие произведения искусства; изготовить вязаные пуговицы — предмет вожделения всех модниц из округа Амбаватха. Она чинила одежду, великолепно штопала. А если шила, то всегда по самым удачным выкройкам и каждый раз по-новому. Мать никогда не удовлетворялась шаблонными рекомендациями из журналов и книг — она видоизменяла модели по своему вкусу и возилась до тех пор, пока материал не приобретал желанной формы, а ее тетрадь, предназначенная для расчетов, не превращалась в замысловатые цифровые дебри, в которых никто, кроме нее, не мог разобраться.

Да и готовила мать лучше всех в деревне. Мы наслаждались ее китайским соусом, жареным мясом,

домашним хлебом, деликатесным гарниром из хлебного дерева. Да, она была искусным кулинаром! Но из всех блюд, которые она готовила, пожалуй, больше всего нам нравились те, которые она стряпала по ее собственным рецептам.

Изобретательности ее не было предела. Я помню, что вскоре после начала войны, вошедшей в историю как первая мировая, исчезли продукты и мы оказались в бедственном положении — не хватало риса даже для двухразового питания. Но и в этих условиях матери удавалось печь вкусные лепешки из вываренных плодов хлебного дерева. Несколько таких деревьев росли у нас в саду. Это лакомство мы всегда получали на ужин вместе с чем-то похожим на гуляш, который мать ухитрялась приготовить из мяса и овощей, остававшихся от завтрака. Думаю, моя мать намного опережала свое время. Это благодаря ее заботам в доме было много книг, но она не стремилась указывать, что и как читать. Мать предоставляла нам много свободного времени; она хотела, чтобы мы чувствовали себя самостоятельными и попали в объятия самого лучшего наставника в мире — доброй земли-кормилицы. У нее всегда не хватало денег, но она никогда не делала из них фетиш и, как бы ни бедствовала, при первой возможности помогала другим.

Мать понимала, как необходимо нам знать английский язык (она прекрасно говорила по-английски), и поэтому старалась все делать для того, чтобы мы получили хорошие языковые навыки. Она никогда не сердилась на нас во время занятий и не заставляла зубрить, если мы ленились. Мать учила нас уважать разные религии и жить честно, в согласии со своей совестью.

Она всегда что-то экспериментировала, поэтому соседи иногда поглядывали на нее осуждающе. К тому же затеи эти требовали не только много времени, но и денег. Так, мать держала пчел, выращивала экзотические растения, красиво вязала и прекрасно шила, да еще и вкусно готовила, о чем я уже говорил. В общем, она — мой идеал матери. Я не только ел из ее рук, спал рядом с ней, но и был союзником во всех ее затеях и делах. Ведь я — самый младший в семье.

ПЧЕЛЫ

В Синадхае никто ничего толком не знал о пчелах, да и не пытался узнать. Люди думали, что они каким-то образом связаны с овощными культурами, поэтому их присутствие на участке, где обычно сажали баклажаны или тыквы, на вьющихся растениях, которые добирались до крыш домов, и даже в живой изгороди из вечно цветущих кустов принималось как само собой разумеющееся и даже поощрялось. Пчелы были как бы частью деревенской жизни, подобно сельским песням или устным преданиям.

Когда в период роения пчелы, словно гроздь, грудились на ветвях деревьев и лишь жужжанием напоминали о себе, каждый ребенок знал, что нельзя бросать в них камнями, хотя, конечно, сделать это им очень хотелось. Да и взрослые жители деревни держались от такого дерева подальше, хорошо понимая, что пчелы скоро покинут это место и вернуться в свои пристанища.

Случалось, что какого-то ребенка жалила пчела. Конечно, тут начинались слезы и жалобы. Но взрослые лишь журили малыша за неосторожность и советовали приложить к больному месту лук. Иногда Сирисоме, тому, который незаконно готовил тодди⁴, приходилось вынимать из поставленного еще с утра горшка одну или две попавшие туда пчелы. И только один житель деревни знал секрет, как проникнуть в пчелиную обитель. Это был Виламу.

Он держал этот секрет в тайне ото всех. И когда совершал набеги на гнездовья диких пчел, с собой никого не брал. Однако его семья хорошо знала, что он обязательно вернется с добычей — бидоном, доверху набитым коричневатыми присыпанными пыльцой сотами, полными меда. Женщины выбирали мед из сот и разливали его по бутылкам, чтобы давать ребенку при приеме горьких пилюль или если кто-то пожелает приготовить на меду домашний джем. Иногда при растяжении сухожилий больное место мазали медом, смешанным с топленным маслом.

Все знали, что у клерка мудальяра⁵ был большой запас меда, который он продавал по баснословным ценам. Но люди опасались, что он не натуральный, а с добавлениями, поэтому покупали его неохотно. Я хорошо помню, как наш почтальон, прихрамывая,

подошел к нам и пожаловался, что был вынужден пойти к этому клерку, не брезгающему таким бизнесом. По его мнению, клерк получает этот мед из Ванни.

— Как же можно ожидать, что мед будет хорошего качества,— говорил он всем,— если он не из ваших ульев!

Отец посочувствовал ему и предложил наш мед. Попробовав его, почтальон согласился с ним.

Действительно, мед был отменный, ведь мать сама доставала его из ульев. Она одна в деревне знала о пчелах все, что необходимо пчеловоду.

В те далекие дни в деревни еще не навевывались служащие департамента сельского хозяйства, которые могли бы дать квалифицированный совет по этому вопросу. Но мать не только владела терминологией по пчеловодству, но и знала, где достать нужную брошюру и как лучше сбить улей. Ей было известно все о местах обитания пчел, их размножении и лучших способах откачивания меда.

МЫ И НАШИ СОСЕДИ

Я часто любил наблюдать за тем, как мать готовила еду. Что касалось кухонной утвари, все у нее было верхом достижений. Одна двойная ступа чего стоила. О ней еще расскажу подробнее. Даже в наше время любая хозяйка почувствует себя беспомощной, не окажись под рукой ступки и пестика. Они необходимы сингальской хозяйке так же, как жернов и щипцы для колки кокосовых орехов, ядра которых используются для приготовления приправ. Впрочем, на юге следует иметь не одну, а по крайней мере две ступы: высокую, в которой обычно толкут рис, пока не получат муку, и мелкую — для других продуктов. Во многих домах кроме крупного жернова есть еще небольшой. Этот второй жернов должен быть чистым и не иметь никаких посторонних запахов. Для чего же он нужен? Хотя бы для того, чтобы смолоть кофе. Кому же понравится пить в постели напиток, у которого привкус гвоздики?

У нас в доме было четыре больших ступы. В той, которая была выше меня ростом, женщины толкли рис. Обычно две женщины с пестиками в руках сту-

чали попеременно. Они стояли лицом к лицу и во время ударов наклонялись друг к другу. Слышались ритмичные удары, звучащие «дег-дог, дег-дог», а иногда как «дик-док, дик-док». Что касается двойной ступы, то мать одной ее частью толкла гвоздику, а другой — остальные продукты и приправы, кроме риса. Эта ступа, на вид довольно странная, была подарком друга отца, являя собой свидетельство изобретательности его ума, позволившего создать сей аналог раздвоенного ствола хлебного дерева, напоминающего собой две большие поднятые вверх руки. На столе стояло много металлических кастрюль. Они не были громоздкими, и там оставалось место и для меня. Сидя на столе, я чувствовал себя наверху блаженства и с удовольствием мотал ногами, в то время как мать готовила пищу и рассказывала сказки и разные истории.

К сожалению, в детстве мне так и не удалось познакомиться с героями сказок братьев Гримм и басен Эзопа, зато в пересказе матери я услышал адаптированные и препарированные ею, согласно моему возрасту и вкусу, классические произведения индийского эпоса. Она часто рассказывала о событиях из жизни или о людях, которых я видел на фотографиях. Эти рассказы я любил больше всего. Они нравились мне душевным тоном повествования. Мать говорила спокойным ровным голосом на безупречном, хотя и старомодном английском языке. Иногда я ловил ее на том, что она в уже знакомую мне сказку привносила новые, только что придуманные ею детали. Интонацией, а то и просто поднятием бровей она придавала сюжету дополнительные штрихи. Все это усиливало драматизм повествования и оказывало на меня огромное впечатление.

— Твой отец — глупец! — однажды сказала она мне, когда резала бананы на мелкие кусочки. — Никогда не купит ничего толкового! Решил, что сделал удачную покупку, а на самом деле принес перезревшие фрукты, их нельзя даже хранить. Вот и придется резать и крошить их, чтобы хоть как-то использовать.

«Ну и хорошо, — подумал я про себя. — Я очень люблю фруктовый салат, а не причудливые блюда, залитые маслом и погруженные в паточку. Впрочем, где там разобраться, что надо готовить, а что нет.

Разве не говорится в народной сказке, как муж побил жену за то, что, перепутав, он попросил сделать одно, в то время как сам хотел совсем другое».

Мать знала о соседях все. На юге каждая семья — будь то Гунатилаке, Переры, Джаявардене или Бандаранаике — чем-то отличалась от других. Одни семьи болели туберкулезом, другие были известны тем, что у их женщин далеко вперед выступали зубы, что уже само по себе несчастье: как с такими зубами появиться в гостях или на людях? Встречались и весьма предприимчивые (этим обычно славятся тамилы), либо деспотичные нравом. Здесь проживали также семьи, членов которых отличало скверное поведение. Так, один из семьи Тилакаратне, по словам матери, питал особое пристрастие к алкоголю.

— Я была у них и знаю точно. Например, готовится пища. Время — около часа дня. Хозяин привычно отправляется к соседу, тот о чем-то шепчется с другим. Так весть о предстоящем возлиянии передается по цепочке, пока наконец выпивохи не соберутся вместе и не скроются в комнате за занавеской. Затем с некоторым смущением они выходят на улицу, при этом поправляют свои саронги и поглаживают усы, и, встав в сторонке, продолжают вести беседу. После нескольких таких заходов «по приглашению» становится ясно, что компания уже дошла до кондиции, да и самим участникам надоело притворство, и теперь они уже открыто и «вне расписания» бредут в заветную комнату. Еще до того, как подадут закуску, некоторые из них так упиваются, что их выпроваживают слуги. Довольно омерзительная картина! — Стоя у плиты, мать прибавила огонь и повернулась ко мне лицом. Никогда не забуду ее каламбур. Она была женщиной остроумной и, весьма оригинально сочетая основу сингальского глагола *бонаве* — «пить» с английским словом *part* — «участие», сказала: — Все они там — бона-парты!

Что касается семьи Виджасекеров, то все они были скряги. С детства им прививали стремление строго беречь, что имеешь, и прибирать к рукам все, что только можно. Патриарх этой большой семьи проживал в селении Корле-Валаува. Памятуя о его жадности, все, включая мать и меня, звали этого человека Дедушка-жлоб.

По словам матери, он жил в маленьком, с вечно

закрытыми ставнями домишке с женой и двумя дочерьми. Всю жизнь они провели впроголодь. И когда одна из дочерей убежала с красивым бедняком-кузеном, отец лишил ее всякой материальной поддержки, не дал ни гроша. Гости к нему приходили редко, и когда он предлагал им вино, как того требовало гостеприимство, делал это неохотно, буквально тряся над каждой каплей.

Комната у Дедушки-жлоба была темной и затхлой, словно хлев, к тому же заставленной мешочками и сумками с рисом, мисками с овощами и фруктами, пустыми бутылками, консервными банками и старой мебелью...

— Ты была в его комнате? — удивился я.

— Да, — ответила мать. — Хотя никто никогда не переступал порога этого «святого» места. Мне все-таки удалось там побывать. Произошло это так. Однажды мы отдыхали под манговым деревом. Плодов было на нем полным-полно. Но старик их резал на мелкие кусочки, чтобы каждому из нас дать по крошечному ломтику и не более, и тут он случайно порезал палец. Обильно потекла кровь, и тогда он сказал мне: «Сбегай в мою комнату. Там на полке возле моей кровати найдешь маленькую бутылочку. Принеси ее». Так я получила возможность увидеть эту странную «обитель». Под кроватью лежали плоды хлебного дерева. Целая грудка. Я подумала, что, видимо, больше всего на свете он любит их. Но потом я не раз слышала от его дочери, что лишь в сезон урожая она их ела досыта. Почти все, что они собирали, продавали, а те плоды, которые падали на землю, сушили. Последние остатки плодов джек-фрута, или хлебного дерева, шли на копчение и закладывание на хранение под слоем песка и земли. Дочь часто сердилась на отца за то, что он единолично решал, что и когда им есть.

— Его жена была очень несчастна! — произнеся эти слова, мать вынула горшок из печи, пошевелила тлеющие угли и поставила на огонь сковородку. — Она была робкой и слабой женщиной, но муж не приглашал врачей до тех пор, пока не были опробованы все домашние средства и женщина не оказывалась на волоске от смерти. И даже тогда он звал местного лекаря, так как тот брал значительно меньше денег.

Жадноватый старик не доверял банкам и деньги хранил в большом ящике в своей комнате.

Думаю, что ключ к своему «счастью» он всегда держал в кармане сюртука. На одежду он расходовал минимум денег и готов был носить одежду из грубого тика, лишь бы не тратить две-три рупии на саронг. При виде его сандалий, залатанных и заштопаных, можно было подумать, что их еще носил дед!

Его жена скончалась от горя и нужды, а когда он сам умер, их незамужняя дочь была уже так стара, что даже не обрадовалась наследству в пять тысяч рупий, которые отец оставил в металлических монетах.

Да, многое можно порассказать о соседях. Да и не только о них. Взять хотя бы такой случай. Однажды, читая газету, я увидел некролог, посвященный некоему Дионисию К. Пейрису. Его братья подписались так: Соломон К. Пейрис, Альфонсин К. Пейрис и Уильям К. Пейрис. Мне показалось это странным, и я спросил отца, что значит это «К», почему эти люди не пишут просто «Кеннет», как это делаю я. Не вдаваясь в детали, отец сказал что-то о Котте⁶, где якобы находилось родовое имение Пейрисов.

— Чепуха! — возразила мать, повернувшись ко мне лицом и сверкая глазами. — Сейчас все объясню. — Она помешала кочергой в печке, и я подумал было, что мать забыла о своем обещании. Но это было не так.

— Есть несколько семей, — сказала она, склонившись над очагом, как часто это делала, — которые гордятся родословной и даже прослеживают свое происхождение от сингальских, а может, и от тамильских правителей. Пейрисы относятся к таким семьям. У них длинная генеалогия. Это большой список имен по мужской линии, а не по женской. И когда один из Пейрисов делает что-то против воли остальных, — например, женится на девушке из семьи бюргеров⁷ или оказывается в тюрьме, — они вычеркивают его имя из списка, тем самым показывая, что не признают его своим. Этот человек становится парией.

Мать замолчала.

— А дальше что? — Я смотрю на нее с интересом, позабыв свой первоначальный вопрос.

Ее глаза озорно блеснули:

— Вот так, дитя, они и получили свое «К». Они — Катугала Пейрисы!

Она назвала несколько пришедших на ум имен, подула на огонь и снова принялась за стряпню.

ЯРОСТЬ

Мои первые воспоминания об отце относятся к тому моменту, когда он взволнованный и сердитый стоял перед возбужденной толпой, собравшейся возле нашего дома. А в доме находилась перепуганная женщина, жена Сигу Мегдана, мелкого торговца. Она сжимала в руках шкатулку с драгоценностями и, конечно, думала о своем муже, который в тот момент скрывался где-то неподалеку в джунглях. Может быть, инцидент и не был настолько серьезен, каким мне тогда показался, но если учесть, что мне в то время едва исполнилось три года, становится понятным, почему это событие врезалось в мою память на всю жизнь. Насколько помню, оно было единственным, которое нарушило размеренный быт жителей Синадхаи. В тот день дьявол, таившийся в людях, вырвался наружу.

Чтобы понять смысл той драматической сцены, следует вернуться назад, в 1915 год. В городе, который расположен на довольно большом расстоянии от Гамполы⁸, из-за пустяков произошла ссора между мусульманами и буддистами — процессия последних должна была пройти мимо мечети. Страсти накалились, и дело, быстро приняв дурной оборот, дошло до суда. Мало того, как часто такое случается, безответственные элементы распространили конфликт, возникший в прибрежной зоне, на горную часть страны, а дальше все уже пошло само собой. Начавшись вспышкой в Гамполе в ночь на праздник Весак⁹, кровавые насилия прокатились по всей стране.

Как во всех южных прибрежных городах, в Амбаватхе также имелась мечеть. Когда буддисты осквернили ее, забросав камнями, члены мусульманской общины, которые жили здесь уже не одно поколение, стали открыто угрожать ответными мерами. Известие об этом докатилось до Синадхаи, разжигая по пути пламя священной войны. Были разрушены буддийские придорожные храмы и священные памятники.

В страхе Сигу Мегдан и его жена Аччи прибежали в наш дом, полагаясь больше на порядочность и справедливость отца, чем на старосту, который являлся официальным представителем государственной власти. Под покровом ночи они переправились через реку и теперь надеялись на наше покровительство. Было решено, что будет безопаснее, если Сигу укроется в джунглях. Отец рассудил, что Аччи никто ничего плохого не сделает и ей лучше оставаться у нас в доме.

Озверевшая толпа кинулась к деревенской лавке и, никого там не обнаружив, разграбила ее, а затем в поисках лавочника направилась к нашему дому. Человек двенадцать разъяренных, жаждущих крови мужчин вбежали в наш сад.

— Смерть мусульманину! — кричали они. — Где Сигу?!

— Он у меня. А в чем дело? Что вам надо? — спросил их отец.

Я хорошо помню эту сцену. Было уже за полночь. С улицы слышались глухие голоса. Отец нервно тербил пряди волос. Он всегда так делал, когда волновался. Глаза его сверкали гневом, а тело напряглось, готовое к броску.

Атмосфера все более накалялась, но отец был не из тех, кто отступает.

— Как вы посмели прийти к моему дому ночью? — накинулся он на этих людей. — Вы с ума сошли! Что плохого сделал этот мусульманин? Он такой же, как и мы с вами. Делил с нами и радости и горе. Идите по своим домам. Я знаю, что все, что вам наговорили, — сущее вранье. Слушайте, уходите, не позорьте нашу деревню!

Отец обрушил на них яростный поток жестких слов. Надо сказать, к чести Синадхаи, степенные люди не поддержали эту истерическую кампанию. Толпа, собравшаяся в ту ночь возле нашего дома, в основном состояла из никчемных бездельников и безрассудной молодежи. Отец хорошо знал и этих людей, и их родителей. Не ожидая от отца такой вспышки гнева, бунтари в смущении разошлись по домам. Какой бы значительной ни казалась им причина, побудившая их к выступлению, почтение к отцу все же пересилило.

На следующий день в стране было введено чрез-

вычайное положение, и вскоре восстановили порядок, хотя связанные с этим репрессии сами порождали ряд проблем¹⁰. Главное — конфликт между мусульманами и буддистами был улажен. Пожалуй, мир в нашей деревне наступил быстрее, чем в других местах. Сигу со своей женой вновь смог вернуться в свою лавку. Жители деревни сами помогали ему восстанавливать то, что было ими разрушено.

Шкатулка с драгоценностями Аччи тем не менее еще несколько месяцев оставалась у моей матери — до тех пор пока не наступило ей время ехать на роды в Хамбантоту¹¹.

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Лет до девяти-десяти дни моего рождения всегда отмечались дома — вот еще одна привилегия быть младшим в семье. Как мне кажется, они проводились в основном по инициативе тетушки Софи, тетки отца и моей крестной матери.

Тетушка Софи жила с нами. Она обычно рассказывала нам перед сном разные интересные истории. К тому же она умела готовить самые замечательные в мире сладости, не новомодные деликатесы, а воздушное печенье из рисовой муки — хрустящие *кокисы*, по форме напоминающие розы, коричневатые, цвета меди пряники, белую халву, от которой на губах остается след сладкой пудры, тыквенное варенье — обычно огромный кувшин — и, наконец, *додол*, черный, жирный, очень сытный.

Дважды в год — на сингальский Новый год и на мой день рождения — она сама хозяйничала на кухне, чтобы порадовать нас своими непревзойденными блюдами.

На приготовление додола необходимо взять несколько галлонов¹² кокосового молока, горю муки и развести большой огонь. Ко всему этому необходимы еще и сильные руки. Я наблюдал, как слуги заполняли огромные котлы вязкой массой, затем снимали масляную пену, добавляли еще топлива и, наконец, сами изумлялись конечным результатам своего труда, тому, как после гигантских усилий появляется полдюжины здоровых батонов додола, упакованных в листья арековой пальмы, для того чтобы они впи-

тали масло. Готовый додол окуривали дымом и прятали до тех пор, пока тетушка Софи не приносила его нам во время больших праздников.

Это блюдо не требовало рук мастера, зато другие сладости готовила сама тетушка Софи. Она делала все шумно, с размахом: командовала каждым в доме, сама выбирала тыквы белой окраски, делала масло из орехов, следила, как их толкут, просеивала рисовую муку.

Ничто не могло сравниться с такими ее лучшими кулинарными произведениями, как *мункевума* — пирог с зеленым горошком, *аттираха* — пончики из рисовой муки, кокосового молока и сахара или *астми* — плетеные изделия из рисовой муки и сахара.

Когда на пробу она выпекала первый пирог, мне обычно предоставляли честь его отведать. Никто не ждал от меня похвалы, но я всегда говорил, что пирог очень вкусный. Примостившись на маленьком стульчике, я обычно оставался на кухне и наблюдал, как тетушка лила масло на шипящую сковороду и как бы сдвигала тесто к центру, чтобы образовалась горка. Вот этой-то горке и обязан был пирог тому, что мы называли его «куполом».

Обычно пироги хранятся несколько дней. Они быстро высыхают, но, если их немного подержать на пару, приобретают новую жизнь, делаясь мягче и даже вкуснее, чем прежде.

Если тетушка Софи умела вкусно готовить традиционные сладости, то мать — рыбу. Конечно, для этого ей необходима была рыба лучших сортов. Баловала она нас и другими блюдами. Расскажу еще об одном из них. Пока плоды хлебного дерева еще не созрели и их кожура не стала грубой, мать пекла их, и мы наслаждались этим райским кушаньем — *полосом*. И только мать умела готовить такое восхитительное *карри*¹³, которое я с удовольствием ел в день моего рождения.

У нас, у детей, были и праздники и будни — жизнь шла своим чередом. Сегодня, когда я вижу, как небрежно относятся к еде, вспоминаю здоровый, почти волчий аппетит, который был у нас в те дни. Кажется, мы готовы были есть без конца.

Нас учили не оставлять на тарелке пищу. Но никто не готовил экзотических трюфелей (легкие бисквиты с кремом), неизвестны были нам и те гастро-

номические чудеса и гарниры, которые первоклассные кулинары и матери готовят для своих семей сейчас! Каждому из нас подавали рис, насыпанный солидной кучкой в центре тарелки, нарезанные длинными дольками листья *мурунги*, овощное карри — обычно из чечевицы, к которой иногда добавлялась ножка вареной курицы, кремового цвета суп из кокосового ореха, поджаренная тыква. Если вы не наедались, можно было просить добавки. Когда после трапезы что-то еще оставалось на тарелке, это вызывало гнев старших. Обычно обед завершал десерт. Как правило, обеды были обильными, но скучными. Зато походы — как разрешенные, так и тайные — за плодами, растущими в саду, возле самого порога, горячили кровь. Там круглый год росли молодые кокосовые орехи, ибо кокосовая пальма никогда нас не подводила. Мы с жадностью набрасывались на плоды манго и тут же с удовольствием поглощали их. А как мы любили плоды хлебного дерева! Какое наслаждение давить бугорчатый плод и выжимать мякоть, липкую и сладкую, как мед!

Правда, если хорошенько подумать, то плоды нашего сада вроде бы ничего из себя не представляли — вода да мякоть. Тем не менее мы выросли на этом, и, понятно, нашим родителям не надо было ломать голову над тем, где достать для нас витамины, кальций или йод, которые нынешние родители с таким трудом добывают для своих ребятишек. Не страшна анемия тем, кто живет дарами природы!

В ГОСТЯХ

Визит в дом Синератне и его жены тетушки Тины — всегда памятное событие. В отличие от людей своего круга мудальяр Синератне — человек небогатый, живущий в уединении. Он был безупречно честным в выполнении своих официальных обязанностей и в отношениях с людьми. Даже сомнений не возникало, чтобы он мог брать взятки при назначении младших сельских чиновников. Не пытался Синератне и поживиться за счет земли крестьян. Не было у него также страсти к почестям, не выходил он за рамки чисто служебного долга, когда кто-то из вышестоящего начальства периодически наносил визит в его район.

Все, что он допускал по отношению к себе,— и то по настоянию жены — это традиционная дань уважения к нему как представителю окружной администрации, выражавшаяся в пачке бетеля¹⁴, связке бананов, горшочке с простоквашей или патокой и в являющейся знаменем прогресса коробке сигар, которым он отдавал предпочтение перед сигаретами.

Строго говоря, Синератне к коренным жителям Синадхаи не принадлежал, да и служил в другой части округа. Тот участок земли, на котором в то время жила его семья,— приданое тетушки Тины. После того как он ушел на пенсию, они поселились здесь и занимались землей с большой любовью и прилежанием. У них был единственный сын, адвокат, который практиковал в Амбаватхе. Мудальяр израсходовал почти все свои сбережения на то, чтобы сын получил образование в Англии. Ходили слухи, что жена нотариуса — общественная деятельница (нам она совсем не нравилась) — просто мечтает заполучить сына мудальяра Эрика в зятя.

Хотя наш дом был просторным, а сад по деревенским масштабам значительных размеров, дом мудальяра со всеми прилегающими пристройками и участком земли нам казался целым поместьем.

Как только наша скромная коляска подкатила к этому помпезному зданию за высокой белокаменной стеной, а затем въехала в импозантные металлические ворота, наш бык остановился на посыпанной гравием дорожке у широкого подъезда. Навстречу вышла улыбающаяся большегрудая тетушка Тина. Возле дома на расстоянии двух-трех шагов друг от друга стояли горшки с антуриумом, бегонией и нежным папоротником — предмет особой гордости тетушки Тины.

Она нам очень обрадовалась. Расцеловав мать в обе щеки, она тепло и нежно обняла меня. Теперь я свободен: хочу — побегу в сад, а нет, так останусь с женщинами и буду слушать их болтовню. Конечно, в саду мне разрешали есть любые плоды, которые приглянутся.

За садом мудальяра заботливо ухаживали в течение не одного поколения. От проезжей дороги его отделяла живая изгородь. Вдоль веранды к искусным посадкам канн и бархатцев тянулись ряды каладиума, окаймленные бордюром из раковин. Между жас-

мином и каприфолью — многоцветье тропической флоры. Ярким пламенем горят цветы бугенвиллей и храмового дерева. В саду кроме кокосовых пальм росли лимонные деревья, а также папайя, бананы, манго и хлебное дерево. В глубине, скрываясь от опустошительных набегов школьников, стояли грейпфруты и мангостаны, отданные на съедение белкам и птицам. На специальных опорах висели тыквенные плети, а между курятником и другими хозяйственными постройками раскинулись смешанные посадки ананаса и гигантской королевской кокосовой пальмы, листья которой словно мечи торчали в разные стороны.

Поданные к столу плоды из сада мудальяра представляли собой красочный натюрморт. Однако особый восторг вызывала роща, в которую незаметно переходил сад. Там деревья росли сами по себе — хозяйкой была природа. В роще можно увидеть и гуаву¹⁵, тамаринд¹⁶, и разные дикие плодовые деревья — и все это в изобилии. Кусты гуавы плодоносят с такой щедростью, что даже все насекомые мира не в состоянии уничтожить урожай. В то же время плодов у тамаринда, несмотря на колоссальные размеры этого дерева и его обильную листву, не так много, и к тому же они крошечные. Нужно обладать большой ловкостью, чтобы сбить палкой эти похожие на стручки плоды. Но не всякий плод можно есть, если он не созрел, то во рту останется оскомина.

В Синадхае фруктовых садов нет. На своих участках мы попеременно возделывали огородные и садовые культуры. На ухоженных с любовью клочках земли нами выращивались самые различные плоды и овощи, ради которых мы ревностно уничтожали всякую дикорастущую поросль.

Но наши участки не шли ни в какое сравнение с усадьбой Синератне. И каждый раз, возвращаясь от них, мы испытывали глубокую благодарность мудальяру и его жене за их радушие и гостеприимство.

РУКОДЕЛЬНИЦЫ

Я оставался желанным гостем в доме мудальяра и после его кончины. Никто не возражал, когда я свободно разгуливал по веранде и гостиной и захо-

дил в кабинет мудальяра, который поддерживался в том же состоянии, как и при жизни хозяина. Большой, покрытый сукном письменный стол стоял посреди комнаты, а на нем — ручка с чернилами, сургуч, скрепки и другие канцелярские принадлежности. На стене кабинета висели в отделанных бисером рамках фотографии, уже чуть-чуть подпорченные временем и с замысловатыми подписями. Все это создавало необходимый антураж.

В гостиной стояла мебель из черного дерева, на стене висели два украшенных слоновьих бивня, безделушки из бронзы — все в отличном состоянии.

Иногда мне хотелось побыть здесь подольше и понаблюдать за тем, как девушка-служанка коркой лимона до блеска начищала бронзовые предметы или зубной щеткой методично драила резьбу на спинке дивана и на чайном столике.

Даже на кухне я был желанным гостем, «маленьким хозяином». Там меня встречали восторженными возгласами и предлагали полакомиться чем-нибудь вкусненьким. Слуги в доме были старые, они хорошо еще помнили времена, когда «их малышка Эрик» тоже был в таком же привилегированном положении.

В ненастные дни мне запрещали гулять в саду и отправляли в комнату тетушки Тины. Там, устроившись на полу, я лакомился фруктами или любовался картинками в журналах. Тем временем обе женщины — моя мать и тетушка Тина — занимались рукоделием и о чем-то оживленно беседовали. Будучи отдаленными родственниками (мать, младшая из них, звала тетушку Тину *акка* — «старшая сестра»), они имели много общих друзей, и при встрече им всегда было о чем поговорить.

Я, молчаливый слушатель их интимного разговора, вскоре узнавал обо всех несчastьях наших престарелых родственников, о том, что родились новые родственники. Женщины сокрушались о рушившихся надеждах молодости и, конечно, составляли гороскопы всем молодым парам, готовящимся к вступлению в брак.

Другой интимный кружок — иного порядка — собирался вокруг портного. Он тоже будил мое воображение, и в беседах, которые велись там, отражалась, как мне тогда казалось, вся человеческая жизнь.

Итак, с каждым новым визитом я все более вникал в дела этой семьи, переживая вместе с мамой и тетушкой Тиной превратности судьбы, разделяя их радости и счастливые моменты, если судьба дарила таковые.

Что ни говори, доверительные новости для двух подружек являлись лишь предметом бесед, а настоящим делом было рукоделие. Когда мать отправлялась в гости к тетушке Тине, она всегда брала с собой хлопчатобумажные и шерстяные нитки и кипу журналов «Уэлдон» — основу для их бесконечных разговоров. Они вели беседы о том, как подобрать цвета, переводить рисунки, окаймлять края изделия, о формах рукавов или о вязании крючком. И если я знаю о качестве гипюра или кружев, о способах вышивания и об аппликации больше, чем другие мужчины, то этим я обязан моим дорогим женщинам.

Мать всегда была в курсе всех новинок, касавшихся вышивки и вязания.

Тетушка Тина, предпочитавшая носить кофты и юбки, иногда просила мать сшить ей кофту с оборочками и давала на отделку ярд прекрасного белого миткаля. Однажды мать сказала, что она научит тетушку Тину делать оборочки на кофте. Она поставила на огромный стол дорогое стеклянное блюдо, натерла его поверхность свечой, расстелила на вощенное стекло кофту, взяла кусок миткаля и на глазах у тетушки Тины стала перебирать аккуратно пальцами ткань, делая ряд за рядом небольшие оборки, а заодно и пропитывая кофту воском, что придавало ей блеск.

Как ни старалась тетушка Тина, сначала у нее все плохо получалось, так как пальцы не отличались гибкостью. К концу дня она все-таки достигла успеха и попросила мать на следующий день еще немного поучить ее искусству делать складки: ведь ей так хотелось наконец самой сшить кофту с оборочками.

Однажды предметом жаркой дискуссии стало решение тетушки Тины шить подушечки на продажу на базаре. Полученные деньги она хотела употребить на благотворительные цели. У нее был план делать стеганые подушки из индийского шелка и ваты, но мать вместо шелка предложила взять вельвет и украсить изделия вышивкой шерстяными нитками. Кроме того, она выбрала и сюжет вышивки: как лягушка

пожелала стать королевой. Мать объяснила, что лягушка, вышитая узелками рококо, будет красиво смотреться на черном вельветовом фоне. Камыш же, считала она, следует вышить гладью.

Мать не пожалела времени, хотя она его очень ценила, и целый день трудилась над подушечкой. Она осталась довольна результатом своей работы: первая подушечка из вельвета с рисунком, перенесенным нитками с папиросной бумаги на ткань, понравилась ей самой.

— Не забывай,— напутствовала мать тетушку Тину, когда мы сели в повозку, отправляясь в обратный путь,— делать стежок снизу вверх и при этом следить, чтобы нитка была справа от иглы. Чтобы вышивка получилась ровной, стежки должны быть свободными. Изменяй их длину, тогда получится эффект света и тени.

НАШИ РУЖЬЯ И СОБАКИ

Мой старший брат — заядлый спортсмен. Еще маленьким он проявлял большой интерес к охоте: сначала забавлялся бамбуковым духовым ружьем (правда, вскоре его забросил, ведь от него больше шума, чем дела), затем рогаткой, от которой в нашем саду погибло много птиц.

Когда брату исполнилось шестнадцать лет, отец подарил ему свое ружье — «мозель», которым пользовался раз в году в полночь, салютуя в честь Нового года. Оно заряжалось одним патроном, содержащим порох, дробь и пыж. Пистон, от которого воспламенялся заряд, вставлялся с наружной части гильзы. Это по нему ударял боек при нажиме на спусковой крючок. Старый дробовик легко определить по выстрелу, глухому и раскатистому, из-за чего мы и называли его «пиф-паф». Несмотря на явную слабость заряда, обычно заяц, один-два голубя или бекаса становились добычей старшего брата (*айи*, как звал я его по-сингальски) в результате каждой экспедиции в близлежащие сады и огороды, а то и в джунгли.

Однажды прозвучал какой-то странный выстрел — грохочущие раскаты слились в единый гул, и через несколько минут, шатаясь, вернулся домой брат с

остатками отцовского ружья в руке. Правая щека у него была сильно обожжена. Раненный, но не упавший духом, он воспринял случившееся как своеобразный боевой подвиг, от которого на всю жизнь остался на его лице след в виде синеватого пятна возле глаза, и, как только оправился, купил себе более надежное ружье.

Кроме ружья были у нас еще и собаки, сопровождавшие нас с братом во время наших охотничьих вылазок.

Я не встречал ни у одной собаки таких умных глаз, как у нашего Бигла. Какая еще собака могла так выразительно, радостно и ликующе высунуть язык, как это делал Бигл, когда брал след и гнался за добычей. Но мои домочадцы все-таки больше любили Мики и Мелодию, которым слуги дали одно общее имя — Мэлоди. Брат пытался брать их с собой на охоту, натаскивать на дичь, но из этого ничего не получилось, уход же за ними практически целиком лег на мои плечи. Мне приходилось утеплять ложе щенят листьями арековой пальмы и прикармливать их. Если у Мики случались запоры, я делал собаке клизму, а Мелодию протирал кокосовым маслом, когда к ней присасывались клещи. Я был у собак самым любимым вожатым, ветеринаром и нянькой.

Хотя мы не учили собак плавать, они с удовольствием присоединялись к нам, когда мы отправлялись на реку. Обычно взрослые во время купания обливаются водой, поливая ее на голову, даже если находятся по пояс в воде. Мы, дети, больше плескались и вскоре научились плавать, постепенно заходя в реку все на большую глубину. Вероятно, вы знаете, что первый стиль, которым овладевает начинающий пловец, — это так называемый собачий. Лишь таким образом можно быстро научиться держаться на воде и победить страх утонуть. Плавание по-собачьи — это абсолютная имитация инстинктивных действий собачьих лап в воде. Если хотите убедиться в этом, подержите щенка на поверхности воды, и вы увидите, что он делает то же самое.

Когда я присоединялся к брату во время его охотничьих выходов, то оказывался всегда в роли носильщика, хотя, скажу по правде, нести ружье мне доверяли довольно редко. Мой брат был немно-

го задирой и задавакой, но именно от него я научился ориентироваться в джунглях, незаметно подкрадываться к добыче и свистеть подобно дикому голубю — витютеню. Последнее просто необходимо, чтобы он подлетел на нужное расстояние. Брат научил меня не стрелять в бекаса до тех пор, пока тот не взлетит. Именно благодаря ему я освоил охотничью терминологию и овладел необходимыми навыками обращения с оружием: мог сам зарядить ружье, разобрать его и почистить ствол.

Вероятно, самое полезное, что я извлек из уроков, которые преподавал мне старший брат, заключалось в том, что никогда нельзя направлять ружье на человека, даже в шутку. С тех пор прошло много лет, но заставить меня сделать это не может ничто и никто, даже если предложат огромное вознаграждение.

ЗАПОВЕДНЫЕ МЕСТА

Если старшему брату я обязан первыми уроками в охотничьем деле, то сестре — умением наблюдать за жизнью птиц. Хотя она была лишь ненамного старше меня, тем не менее я звал ее *акка* — «старшая сестра». С ней мы много играли вместе на улице. Это она, моя сестра, принесла продырявленный горшок для домашних воробьев: в противном случае они свили бы себе гнездо на карнизе дома и наверняка потеряли бы птенцов. Такая трогательная забота о птенцах научила меня доброму отношению к птицам. Я стал внимательно следить за их повадками. Делать это было нетрудно, ведь наш сад представлял собой удобный для наблюдения своеобразный птичий питомник.

В наших местах были и местные, и перелетные птицы. Они предпочитали держаться открытых мест в бескрайних просторах сельской местности. Довольно часто я любовался стайкой длиннохвостых попугаев. Неизвестно откуда тут появившись и устроившись на верхушках деревьев, они громко кричали. Затем попугаи также незаметно куда-то исчезали. Другие птицы были сезонными гостями, подобно пятнистой самочке индийской кукушки *койл* и ее менее красочному супругу, которого легко принять за во-

рону. В брачный период дуэт, исполняемый кукушками в лихорадочном темпе, отражающем волнение певуний, и во все возрастающей тональности, может продолжаться до бесконечности.

Нам больше всего нравились постоянные обитатели нашего сада: стайки шумливых, словно дети, иволг, бородатки, которые чудесно пели, хотя не имели красивого оперения, и соловьи, уверенно чувствовавшие себя в густых зарослях каприфоли и резвостью своей напоминаящие студентов-первокурсников.

Над этим птичьим царством в небе парили ястребы. Опасность для мелких птиц представляли также и вороны. Последние любили рыться в ящиках с мусором, стоявших на базарной площади, и не прочь были «прикрепиться» к нашим домам, которые манили их, обещая два удовольствия — возбуждение от погони за добычей и богатый гастрономический стол. Наши усилия спасти гнезда и птенцов от этих мародеров не всегда оказывались успешными. Мы очень за них опасались, ибо любили их и знали, что наши маленькие друзья даже после того, как, собравшись в перелетные стаи, покинут нас, все равно снова вернуться, чтобы устроиться в саду, как это было раньше, и пользоваться нашим гостеприимством.

Если выйти из нашего сада и пройти в сторону от реки, вскоре попадешь в джунгли. Однако это не те джунгли с непроходимыми зарослями и свирепыми животными, о которых вы думаете. Здесь вы окажетесь в мире покоя, изолированного от деревни каменистыми холмами и поясом редкого леса.

В деревне же, на земле предков, дикорастущий кустарник *кекилла* обрамлял наш участок, на ухоженной почве которого в изобилии росли плодовые деревья. На террасированном склоне холма образовал буйные заросли *анакард* — тот самый, чьи семена известны как орехи кешью. Его пурпурового цвета плоды свисали подобно игрушкам с рождественской елки. Нас привлекали вовсе не орехи, а грушевидной формы плодоножки, весьма приятные на вкус. И, если плоды анакарда еще не созрели, мы удовлетворялись плодами *бовитии* и еще одного растения, которое в наших краях называют *дхани*. Они ярко окрашивали своим соком наши губы, так что каждый при одном взгляде на нас сразу мог догадаться, чем мы занимались.

Так как я сопровождал сестру повсюду, мне и тут приходилось делать вид, будто я спасаю ее от укулов шипов и колючек, а также от крапивы. Мы оба пригнухивались к растениям, а когда находили в трясине пахучую кувшинку, тут же срывали цветок и били себя, чтобы отпугнуть его резким запахом стаи мух, обычно тучей облеплявших нас.

Иногда мы собирали все свое мужество и отправлялись в заросли джунглей. Там мы качались на длинных лианах, словно обезьянки, и с любопытством разглядывали деревья, которых никогда раньше не видели. Конечно, то была запретная земля. Мы не сомневались в правдивости рассказов (на которых нас так заботливо воспитывали взрослые) об этих местах: так, дикобразы обязательно уколют своими иглами, а бездонные ямы поглотят непослушных детей. По словам взрослых, в лабиринтах зеленого царства можно так заблудиться, что никогда уже не вернуться назад. Но эти истории, как бы страшны ни были, не могли удержать нас от поисков дикого хлебного дерева и *гораки*, произрастающих лишь в самых глухих местах. Из всех местных фруктов эти по-настоящему дороги сердцу любого ребенка с юга острова.

Плоды дикорастущего хлебного дерева отличаются по вкусу от плодов культурных сортов, но они съедобны лишь после полного созревания. По непонятным причинам плоды не рекомендованы к столу. Поэтому взрослые придумали разные причины, чтобы как-то оправдать эти запреты и убедить нас не проводить заветные часы в джунглях у хлебного дерева, наслаждаясь мякотью его плодов, сбитых сильными порывами ветра на землю.

Но нет нужды искать плоды возле гораки: это дерево буквально создано для лазанья. Его ветви широко раскинулись вокруг ствола. Так и хочется взобраться по ним все выше и выше, до самой верхушки. Нас привлекала вовсе не желтая украшенная фестонами кожура плода (именно эта часть и используется хозяйками вместо лимона на кухне). Детей манила розовая мякоть, в которой зреют семена. Она для наших губ была своеобразной, остро-кислой на вкус амброзией, настолько она нравилась нам.

Когда мы возвращались домой с плодами гораки, взрослые устраивали нам буквально показательный

судебный процесс. Поэтому обычно мы приносили с собой из джунглей какие-нибудь безобидные ягоды и лечебные травы для домашней аптечки матери. Тем не менее взрослые обычно с пристрастием допрашивали нас о наших походах в царство джунглей.

РАЗВЛЕЧЕНИЯ

В Синадхае мы не глазели на элегантных женщин на киноэкране, не преисполнялись благолепными мыслями при виде святых образов в специально отведенном для них углу комнаты в дни рождественских празднеств. Дети оставались в неведении относительно перепалок между взрослыми, «расслабляющего» содержимого бутылок, и еще не скоро им предстояло познать чарующее чувство любви.

Конечно, в Синадхае мы были свободны от удушливых объятий радио и кино, они еще не успели оказать сомнительное и живительное воздействие на наш жизненный уклад и не наставили нас на путь частной инициативы и предпринимательства. Наши развлечения связывались с временами года, народными традициями или с незатейливыми играми, придуманными нами.

Когда стояла солнечная погода, наша садовая ограда превращалась нами в помост для запуска мыльных пузырей, а самые высокие деревья в «денежные», ибо каждый листочек с них заменял в наших играх один цент. Известно, что мимоза — это колючее растение с пушистыми розовыми цветками. Если к ним прикоснуться, они тут же сжимаются. Одна из наших игр состояла в умении сорвать ветку мимозы, чтобы не коснуться цветка-недотроги и лепестки не закрылись.

Возле входных дверей, особенно там, где было много песка, муравьи — мы их звали *кумбия* — строили свои странные конусовидные домики. Нам нравилось поднимать этот жилой конус дощечкой и помещать на ладони, а потом кружиться до тех пор, пока его обитатели не начинали выползать наружу. Мы кружились все быстрее и быстрее и напевали:

Танцуй, кумбия, танцуй,
И я буду танцевать с тобой.
Будет наградой мне ложка молочной рисовой каши

И тебе — ложка молочной рисовой каши.
Танцуй, кумбия, танцуй!

Более активными играми оставались *катти* (своего рода скаканье на одной ноге) и разные вариации с мячом из плода дерева *джомба*. Иногда, когда число ребят было достаточным, мы играли во что-то похожее на крикет, где битой служит *полпит* — дощечка из листьев кокосовой пальмы, а мячом — плоды дерева *кадхуру*. Так как поверхность этих плодов далека от сферической, результаты состязания были довольно неопределенными в отличие от игры обычным мячом.

В дождливую погоду мы обычно играли в доме в спокойную игру «кошкина люлька». Она состояла в том, что один играющий перекладывал бечевку, надетую на пальцы его рук, на руки другого. Это надо было делать так, чтобы при этом получились различные фигуры. В игре под названием *панчикелия* может принимать участие неограниченное число участников. Играют на полу с пятью раковинами.

Если в дождливые дни у нас собирались гости, мы сооружали сцену в доме и делали импровизированный занавес. Старшая сестра быстро находила какую-нибудь пьесу в набитой тряпьем кошелке, некоторое время она сосредоточенно ее изучала, затем быстро подбирала артистический состав. Один из нас должен был изображать индийского танцора, являющегося перед зрителями в пестром убранстве, другие — знатную королеву или нищего из отверженной касты родиев. Мы подолгу спорили, кто какую роль будет исполнять. Старший брат желал продемонстрировать свою силу или показывать на стене теневые фигуры. Отец настаивал на показе фокусов с картами или с известной долей самоуверенности пел опереточные арии из репертуара Джона Сильвы. Мать, под предлогом отсутствия такого рода талантов, обычно спокойно сидела и подбадривала нас. Она всегда поддерживала меня, когда я спотыкался, выступая с декламацией.

В течение года есть много разных формальных поводов для веселых забав. Один из них — заклинание духов, которое совершается редко, как правило, лишь в том случае, если в семье кто-то серьезно болен. Сеанс изгнания злого духа из тела больного длится несколько дней. Дети, предоставленные сами себе,

время от времени выходят из дому, чтобы где-то поесть и вздремнуть накоротке, а затем возвращаются и вновь окунаются в едкий дым окуривания, дикость и буйство танцев в масках.

В Новый год проводится соревнование *пора-пол* — «борьба с кокосовыми орехами». Тогда молодые люди обязательно приходили к нашему отцу с просьбой дать им плодов кокосовой пальмы из нашего сада, которые отличались хорошим качеством. Не думаю, что участники соревнования знали смысл ритуала, сопровождавшего эту борьбу, — я тоже этого не понимал, — но состязание захватывало и будоражило мое воображение.

Пока мужчины состязались таким образом, женщины собирались в домах и играли на большом барабане — *рабан*. До того как установить барабан на полу, его держали над сковородой с раскаленными углями, чтобы добиться нужной высоты звука и громкости. Затем женщины садились вокруг рабана и, коснувшись легонько его поверхности, как бы пробуя звук, начинали выбивать ритм *ланси — гендара — ванску — какула*, постепенно усложняя его. Помню, тетушка Софи была настоящим виртуозом игры на рабане до тех пор, пока ее пальцы с возрастом не огрубели. Дети тоже поудобнее устраивались возле барабана, образуя круг, и, словно губки, впитывали рисунок игры. Тетушка Софи брала инициативу в свои руки и начинала показывать различные вариации игры на этом музыкальном инструменте. Иногда в экстазе она бросала связку ключей на барабан. Ее руки то делали вихревые движения и пируэты, то легко, словно перышки, касались кромки рабана, то шумно ударяли по коже барабана. Игра тетушки Софи на рабане — настоящее выступление маэстро.

В Синадхае часто устраивались *перахеры*¹⁷. Одни из этих празднеств были довольно просты и носили исключительно религиозный характер. Другие же сочетали фольклорное творчество и религиозную обрядовую практику. Во главе колонн двигались факиры, ловко управлявшиеся с факелами и фейерверками, что нас особенно привлекало. Шествие обычно замыкали люди на ходулях, одетые в длинные рубашки. Они-то и были самыми популярными фигурами в этой процессии: возвышаясь над толпой, поражали всех стважными прыжками.

Помню еще, в деревне предметом всеобщей гордости был старый, громоздкий граммофон. Как он оказался здесь, никто не знал, но Абилинг, хозяин чайной, вероятно, решил, что граммофон ему просто необходим, чтобы как-то развлечь посетителей, которые почему-то не приходили в восторг от его невкусных блюд и трижды разбавленного чая. У владельца граммофона было всего две пластинки — обе западного производства: время сингальских пластинок еще не наступило.

На одной была записана песенка «Уистлер и собака». Она начиналась на низкой ноте, а затем поднималась до высшей октавы: Ти-и-и... Тумти-татититира-ра... Мы всегда очень ждали это тум!.. Насколько популярным стал тот мотив, можно судить по тому, что местная версия его часто слышалась на дороге или переправе, исполняемая тонкими прорезывающимися голосами подростков.

На другой пластинке Абилинга звучала песня, исполнителем которой то и дело овладевали приступы смеха. Когда это случалось, обычно каждый из завязых посетителей включался в это песнопение со своими «ха-ха-ха, ха-а-а, хи-хи, хи-и-и» и «хо-хо, хо-о!». Однако все же тем, что больше всего возбуждало нас, была не столько музыка, сколько предшествующий «концерту» ритуал. Сначала в граммофоне выдвигался раструб с рупором, соединявшийся с черным квадратным блоком, в котором находился сам механизм и хромированная мембрана. Затем раздавался резкий царапающий звук — чирк-чирк-чирк. Наконец, мембрана была поднята, игла поставлена на место и аккуратно опущена в нужную бороздку пластинки. Долго что-то скрежетало, пытаюсь заглушить звуки музыки, но в конце концов мелодия все-таки прорывалась наружу.

Никто заранее не мог предугадать, с какой скоростью будет вращаться пластинка. Когда она крутилась достаточно быстро, музыка вполне устраивала нас, и мы не стремились подправлять мелодию своим аккомпанементом. Вообще-то, нам больше всего нравилось иное — когда уменьшалась скорость, что тоже нередко случалось, но ликование было недолгим. Иногда из машины следовал глубокий вздох или вскрик, как при сильной боли. Тогда кто-нибудь сочувственно говорил:

— Боже мой!

Абилинг тут же бросался исправлять положение — и голос певца вновь поднимался высоко в небо.

В редких случаях, когда никто не обращал на него внимания, граммофон вдруг начинал угрожающе рычать. Тогда нашей радости не было конца.

ТАРАТАЙКА

— Если хотите ехать на нашей двуколке, отправляйтесь на свой собственный страх и риск, — так говорила мать друзьям с озорным блеском в глазах. Она сама предпочитала брать у нотариуса на время более надежный экипаж, чтобы совершить длительную поездку. Мы, правда, как-то не придавали значения ее предупреждениям и несколько раз предпринимали рискованные путешествия на нашей таратайке.

Эта повозка была своего рода отцовским детищем. Он смастерил ее сам и оснастил, выставляя напоказ со всей своей родительской гордостью. Хотя отец никогда не признавался в этом, в технике он мало что понимал, и тот факт был чреват для нас рядом катастрофических последствий.

Однажды, это случилось еще до моего рождения, отец приобрел древнюю двуколку, которая давно отжила свой век и годилась лишь на свалку. Тем не менее он трудился над ней с непреклонной верой в успех и невероятным упорством. Отцу удалось восстановить двуколку, и он стал использовать ее для поездок на рынок, для визитов, а в основном для удовольствия, участвуя в скоростных соревнованиях между владельцами таких же колясок по покрытым щебенкой тропам с риском для жизни.

Что такое коляска в нашем крае? Наверное, вы знаете, что это легкое двухколесное сооружение, которое тянет вол, бегущий между оглоблями. После того как животное впрягут, вы открываете маленькую дверцу с задней стороны коляски и садитесь на скамеечку, в то время как возница опирается всем телом на оглобли, чтобы они не вздыбились. Внутри хватает места для четырех пассажиров, если, конечно, не будете возражать, что ваши колени упрутся в колени двух пассажиров, сидящих напротив. Как

движется двуколка — ползет ли, как черепаха, трясется ли на ухабах или мчится на хорошей скорости — все это зависит от капризов животного и мастерства мальчика-возницы.

Обычно он держит вожжи в левой руке, а в правой — палку, которую использует попеременно, чтобы понукать животное или чистить, если оно вздумает опорожниться в пути. Последнее является деликатной и необходимой операцией, и случалось, что капризные возницы «ненамеренно» пачкали испражнениями пешеходов, которых недолюбливали.

Коляска снабжена подушками для сидения, набитыми кокосовым волокном, клеенчатыми шторами от дождя и веревочной сеткой под повозкой для соломы и легкой поклажи. Две сильные лампы в консолях на кронштейнах с каждой стороны и колокольчик, управляемый возницей при помощи ноги, делают коляску в южных краях надежным транспортным средством. Путешественники на повозках вынуждены бороться с постоянным проявлением темперамента со стороны вола. Одни животные послушны и работают, словно часовой механизм, реагируя на малейший щелчок вожжей и нежное прикосновение к их телу ноги возницы. Другие часто упрямятся, останавливаются посреди дороги и пытаются повернуть назад. Порой некоторые из них (это самое неудобное) спокойно укладываются на дороге на отдых. Тем не менее «сражаться» с упрямым волом бесполезно, ибо животное все равно окажется победителем.

Возницы — народ разнообразный. Одни четко следуют установленным правилам, другие небрежны или ненадежны и управляют повозкой рывками. Развалившись на сиденье, они беспрестанно звонят в колокольчики, как некоторые автомобилисты гудят в клаксоны. Всякий раз, когда нам доставался неопытный возница, отец не доверял ему поводья и брал их в свои руки. Тем не менее возница оставался на переднем сиденье, следуя общепринятым нормам.

Справедливости ради следует заметить, что отец умел находить «общий» язык с животными независимо от того, был ли это тягловый скот или тот, который пасся на нашем участке. Они понимали интонацию его голоса и ходили за ним словно привязанные. Это было понятно, ведь отец ухаживал за ними с большой любовью: чистил щеткой во время купания,

кормил, заботился о телятах и становился сиделкой, если они болели. Отец был буквально «нарасхват», когда объезжали молодых волов. Для этой важной церемонии выбирался наиболее благоприятный день. Но бежать рядом с повозкой и контролировать действия ученика мог только отец.

Я уже писал, что отец слабо разбирался в технике, поэтому в его блестящей покрытой лаком двуколке слабым местом оказались ободки на колесах. Наверное, не все знают, что весь упор в экипажах, приводимых в движение животными, падает на колеса, поэтому спицы должны быть крепкими и хорошо подогнанными. В наших краях на повозках имеются железные ободья, покрывающие колеса и скрепляющие все спицы. Как оказалось, то была отцовская ахиллесова пята.

Однажды мы отправились в поездку. Отец и я сели по одну сторону, а брат с сестрой — по другую. Возницей был опытный парень. Мы ехали на порядочной скорости и вдруг услышали сильный треск, и наш экипаж резко потащило вправо, а затем он опрокинулся набок. Возница, описав в воздухе дугу, упал в дренажную канаву, а брат с сестрой свалились на нас с отцом.

Оглобли торчали вверх. Вол, почувствовав неожиданное освобождение от ярма и контроля вожжей, пошел вперед и стал есть траву, которая росла возле дороги. Его беспечность, выраженная во взгляде, в то время как мы были в оцепенении, резко контрастировала с нашим положением.

Хотя никто из нас не переломал костей, тем не менее пешеходы отнеслись к нам сочувственно. Они вытащили нас из-под коляски. Отец чувствовал себя довольно неловко. Страхивая с себя пыль и приводя в порядок волосы, он объявил, хотя это было совершенно излишним, что правое колесо сломалось. Сообщив это, он отправил нас домой, пообещав вернуться, как только исправит поломку.

Вол, который по-прежнему оставался безучастным к происшествию, отправился домой вместе с нами.

ДОМАШНЕЕ ЛЕЧЕНИЕ

Заболеть в Синадхае и оставаться в постели — значит смаковать аромат трав в подушке и бездель-

ничать на большой кровати, возле которой обычно сидела мать и предлагала столько чашечек чая с подслащенным кориандром, сколько захочется.

Правда, блаженство наступает не сразу. Целых три дня полуживой беспокойно мечешься в постели, а на четвертый сильно потеешь и тебе несколько раз меняют белье. Сбрасывая его, чувствуешь, как постепенно уходит лихорадка. И вот ты уже на пути к выздоровлению.

Поправка идет медленно, но состояние день ото дня улучшается. Тебе уже дают жидкую рисовую кашу, затем она становится гуще и вкуснее, вскоре туда добавляют немного горчицы. Перед сном тебя угощают слабым чаем и разведенным в воде яичным белком. Наконец однажды на завтрак получаешь тосты, и запах поджаренного хлеба вселяет в тебя новую жизнь! Ты ешь их, макая в бульон с нежным чесночным осадком и маленькими волокнами мальдивской рыбы¹⁸, который после стольких дней «поста» кажется нектаром. Перед сном подадут «имбирные пальчики» — хрустящие хлебцы, которые обычно приносил домой старый хлебопек; теперь их уже не пекут в пекарнях. И вот наступает счастливый день, когда тебе дают по-настоящему приготовленный рис. Мать достает баночку с маринованным лимоном; кстати, это вовсе не жалкие лимонные корочки, а лимоны целиком, раздувшиеся и сочные — они так и просятся в рот.

И вот наконец возле твоей кровати появляется тарелка белого или коричневатого риса, уложенного горкой. Окидываешь взглядом это произведение кулинарии, видишь также на тарелке рядом простой лук, карри с тамариндом и черные кусочки поджаренного кокосового ореха. Поистине, это пища богов! Вряд ли ты последуешь совету не есть много на ночь.

У многих складывается превратное представление о нашем домашнем лечении: оно им кажется примитивным и неприемлемым. Однако, во-первых, не все наши домашние лекарства — горькие. Подслащенный настой кориандра — приятное питье и лучшее лекарство от простуды и небольшого озноба. Если болезнь не проходит, тогда дают поджаренную *пияву*, которую готовят как кофе. Она действует укрепляюще. Из всех лекарственных снадобий больше всего мы предпочитали плод *бэли*; его употребляют с сахаром

или медом против двух главных недугов всех детей — простуды и расстройства желудка, которые мать шуточно назвала «Люси и Конси».

Были ли то кашель, простуда, фурункулы, глисты, разные болевые ощущения или грипп, обычно мы полагались на ту сумму медицинских знаний, которые являются частью культурного наследия юга страны. В таких случаях нашим первым «портом назначения» оказывалась, естественно, кухня. Другие врачеватели — гербарий матери и растения в нашем саду. Сад привлекал своими свежими листьями и корнями, которые следовало немедленно выкопать из земли. Близлежащие джунгли давали наибольшее количество ингредиентов, которые не найти в саду. кору деревьев, корни диких растений, целебные цветы и соки.

Если все это не давало должного эффекта, тогда следовало отправиться к веддам¹⁹, у которых всегда найдется много разных растительных масел и лечебных настоек, оказывающих опьяняющее действие. Мы также пользовались и порошком из коры красного сандалового дерева при воспалительных процессах, велми — при болях в груди и припарками из сока растений — при ревматизме.

Что предпринять, если воспалилась рана или увеличилась гланды? На этот случай есть такое успокаивающее средство, как *венилвелгет*: выпейте его раствор утром и на ночь — и все пройдет. Зубную боль снимают пастой на гвоздичном масле, а укус сороконожки лечат жженым кокосовым волокном и джутом, пропитанным кокосовым маслом. При растяжении конечностей лучшее лекарство — топленое масло и мед. Мужчины с похмелья пьют лимонный сок, и он тут же ставит их на ноги. А знаете, что вам посоветуют сделать от укуса пиявки? Помочиться на рану. К этому способу лечения мы, дети, с удовольствием прибегали до тех пор, пока не достигли сознательного возраста. Я не решился бы, конечно, рекомендовать подобное лечение людям, искушенным в житейских делах: ведь крупинки соли, взятые на кухне, имеют такое же действие.

Как видите, различные жиры и масла играли большую роль в нашей повседневной жизни (я имею в виду их лечебные свойства). Кокосовое масло шло и для приготовления пищи, несмотря на большое ко-

личество содержащегося в нем холестерина, им также смазывали волосы. Имелись еще и экзотические жиры, такие, например, как павлиний (он широко применялся при детском рахите) или обезьяний (помогал при приступах астмы). Широко использовалось, конечно, свиное сало. Его употребляли еще и как средство, спасающее от сил зла.

Еще несколько слов о растительных маслах. Как правило, в нашей семье сами мы их изготовлением не занимались, не делали этого и в других семьях в нашей деревне: ведь многие масла могли купить на рынке. Рецепты их приготовления не хранят в горшках под землей, не передают по наследству, не видят в снах и видениях — они широко известны и производятся довольно сведущими людьми, которые и поставляют их на продажу, обходясь без рекламы двадцатого века.

Как антисептическое средство применяется препарат под названием *капубабусадхая*, а *чандракаранти* хорошо воздействует на зрение.

Дорогостоящее масло *сидахарта-тхай-лая* носит имя Будды — Сиддхартха, которое он имел еще в миру. Этим маслом никогда не мажут голову, а при сильной простуде капают лишь несколько капель на грудь или еще на какую-то часть тела, тогда оно делает чудеса. Помню, мать всегда брала с собой в дорогу это драгоценное лечебное средство. Однажды у соседки был припадок, и ее муж обратился к нам за помощью. Удивительно, но эта мазь привела женщину в чувство.

К матери часто приходили соседи с разными просьбами, и она никогда не отказывала людям в помощи — с удовольствием отдавала собранные ею сушие лечебные травы, делилась своим опытом и знаниями. Дерево *мелия*, которое росло в нашем саду, вероятно, страдало больше других растений, обладающих лечебными свойствами. Стоило появиться свежим листочкам, как их тут же срывали. Делала это обычно моя мать, она старалась помочь жителям деревни, и это у нее получалось, как у хорошего врача.

Когда община в ее услугах не нуждалась, тогда все внимание она сосредоточивала на нас, своих детях. Мы опасались школьных каникул — вдруг мать скажет:

— У этого ребенка прыщи, ему следует дать начальную дозу!

И тут же она преподносила порцию касторового масла, неприятный привкус которого гасился подогретой ложкой и кусочком сахара.

Мы знали, что грипп лечится стручками сенны с имбирем.

Лекарство из *аралу* — самое слабительное из всех слабительных, применяют в виде отвара, так и в пилюлях. Мать всегда держала большой запас этого снадобья и частенько угощала детей сладким шариком из этого растения. Прежде чем давать его ребятам, она обливала шарик медом. В конце концов все эти средства были не так уж плохи. Например, эффективный отвар аралу приводил нас в восторг, но сколько стоило хлопот, чтобы приготовить это снадобье: тщательно отмерить дозу, долго варить и затем в определенный день выпить одну чашечку отвара на ночь с лечебной солью *сахинда-луну*, а другую — без соли.

ДРУЗЬЯ И СОСЕДИ

В Синадхае мы, дети, были очень близки к миру животных и насекомых.

Конечно, домашние животные — собаки и кошки — находятся в полной зависимости от воли людей, и они могут погибнуть, если мы предадим наших братьев меньших, отчего сами потеряем многое — не получим полного восприятия мира. Да и созданы они, чтобы своим теплом согревать наш семейный очаг.

Однако есть и такие, которые приходят к нам без приглашения: это и пауки, и муравьи, и бабочки, и москиты, и комары, и множество других всевозможных созданий. Некоторые из них держатся темноты, другие летят на свет, а он несет им гибель. Так, крысы и хорьки обитают в крыше, и, несмотря на всю свою осторожность, шумят и возятся по ночам, создавая иллюзию присутствия привидений.

Если муравьи находятся постоянно в движении — они непрерывно куда-то спешат, то садовые ящерицы в своем прекрасном наряде застывают словно статуэтки. А тут еще и крысы, которые каждую ночь

пытались перехитрить отца и похитить у него ма-ниоку²⁰.

Мы были благодарны летучим мышам не только за то, что наслаждались их ночными полетами, но и за предоставленную нам возможность пользоваться найденными на земле под их гнездовьем остатками их добычи: плодами *джомба*, удобными для наших игр и забав, и *коттанг*, чья сочная сердцевина весьма вкусна.

Нежелательными гостями в нашем саду были плодовые улитки. Они совершали нашествия на цветы и овощи, и, подобно армии вандалов, опустошали все на своем пути. Какое счастье, что у нас еще был петух-фазан, который решительно сокращал армию улиток. Мы слышали, как он удовлетворенно клекочет и отпрыгивает, и понимали, что петух-фазан на их пути, и это приносило некоторое облегчение.

Нас мучили термиты. Они обитали не только на дворе, но и в доме. Стоило на свой страх и риск оставить на полу книгу, ящик или коробку с лекарствами, как за одну ночь все превращалось буквально в труху. Термиты, «работая» под покровом ночи, показывали изумительное мастерство по уничтожению деревянных предметов, столбов, оград и даже деревьев.

Когда я увидел геккона²¹, он был лишь вполовину своего обычного размера. Кто-то, закрывая окно, прищемил ему хвост. Геккон рванулся, и хвост оторвался и долго еще трепетал на полу. Я часто подолгу наблюдал за жизнью гекконов, особенно в зимний сезон, в декабрьские дни, ближе к Рождеству, когда появляются миллионы термитов, к тому времени уже приобретших крылья. К декабрю они становятся такими разжиревшими и пятнистыми и такими противными, словно *кабарагоя*, или, сокращенно, *кабара*, — крупная ящерица, родной брат Гаргантюа.

Хотя кабара обитает в болоте, тем не менее старается держаться поближе к жилью. Ведь человек снабжает ее самым вкусным из того, что она любит: яйцами и цыплятами. Помню, в дальнем конце двора поднималась возня, слышались треск, грохот, шум. Кухахтали куры, и возбужденно лаяли собаки. Это кабары совершали свой очередной набег в курятники. Они редко уходили без вознаграждения!

Кабара — одиозное создание. С крошечными, слов-

но бусинки, глазками и раздвоенным языком она передвигается медленной переваливающейся походкой. Подолгу стоит неподвижно, дерзко высунув язык, пока не припугнешь ее палкой или камнем. Только так можно заставить это существо убраться восвояси.

Случается, что собаки удерживают их у водоема, тогда они начинают защищаться и решительно орудуют хвостом, словно хлыстом, который больно ранит. И если бы наша Мики могла говорить, она поведала бы о всех своих болячках, которые получила в столкновениях с этой ящерицей.

Она известна еще и умением заглатывать змей целиком. После этого она часами лежит на мелководье, переваривая живую пищу. Именно поэтому мы и терпели этих созданий. Лишь став взрослыми, узнали, что эти животные занесены в Красную книгу.

Кабара вовсе не неуклюжая, злобная и вороватая, как думают некоторые. Она любит и сухие места, где можно погреться на солнышке и полежать на камнях днем, но устраивается на отдых только там, откуда легче всего добираться до своего укрытия. Бывали случаи, когда, напуганная собаками, она карабкалась на дерево и пряталась в его зелени, а преследователи лишь беспомощно лаяли на земле.

Из всех видов многоножек, обитающих на юге, я хорошо помню сороконожек. Мы искали одну, а нашла нас другая, похожая на авторучку — тело у нее было черное, блестящее, цилиндрической формы. Обычно эта сороконожка предпочитала слабый свет, но и тогда ее можно разглядеть движущейся словно трактор в неизвестном направлении. Если тронуть ее пальцами, она начинает медленно сворачиваться, как бы приглашая отбросить ее одним щелчком в сторону. Тогда, перевернувшись, она медленно разворачивается и следует своим прежним путем. Сороконожка часто спускалась на нас ночью, производила небольшой переполох и исчезала. Ну и суматоху она устраивала: кто-то будил нас, кто-то что-то искал под подушкой и матрасами!

Конечно, никто слова доброго не говорил в адрес сороконожек или их «товарища по оружию» — скорпиона, который в панике, так же как и ящерица, терял свой устрашающий хвост.

После того как мы выросли, наши детские впечатления потускнели, стали казаться незначительными эпизодами или просто ночными страхами.

ДЯДЮШКИНА ДОЛИНА

Впервые я ловил рыбу на удочку в маленьком ручейке, который пробегал через наш сад. Обычно мой старший брат и я, убедив мать расстаться с небольшим количеством хлопчатобумажных ниток для вязания и булавками, которые у нас шли на крючки, нарезали тонкие бамбуковые шесты и мастерили довольно прочные удочки.

Однажды дядя, большой любитель рыбалки, увидел, как мы ловим рыбу, и посмеялся над нашими примитивными снастями и над крошечными малявками, которые с жадностью набрасывались на вареный рис, предлагаемый им в качестве наживки.

Как часто вместе с дядей мы совершали захватывающие путешествия: пересекали поля по самым узеньким плотинам, переходили через быстрые ручейки по шатким мостикам, пробирались через плантации корицы и срывали ароматную кору. Бывало, мы останавливались, чтобы передохнуть и полакомиться молодыми кокосовыми орехами, если нас мучила жажда.

Местом нашего назначения было частично пересохшее русло реки. Из-за глинистой почвы даже во время самого засушливого сезона в нем еще стояли лужи. Я никогда не знал названия этой местности, может быть, его и не было, но для меня оно существовало всегда — Дядюшкина долина. Дядя хорошо знал эти места, и, казалось, он был здесь главным. Пока женщины собирали тростник для плетения, а дети следили за буйволами, поднимавшими свои ноздри из воды, он преподавал нам первый урок настоящей рыбной ловли. Дядя учил нас, как делать лесу для удочки из волокна *китхули*. Он знал, как отобрать волокно, как сучить его, как проверять на крепость, как превратить листовые черешки *китхули* в прямые гибкие удочки. Дядя показал нам, как промаслить удилища и выправить его изгибы над открытым огнем. Наша наживка кроме креветок, принесенных с собой, и выкопанных червяков состояла

из личинок и злых красных муравьев, которых мы ловко вытряхивали из гнезд в листе ближайших деревьев.

Нам показали, как забрасывать удочки на мелкую рыбешку, которая время от времени стайками вертелась у ног буйволов, поднимавших ил со дна реки. С ползающей рыбой мы встречались не раз. Рыбы-ползуны копошились в мелких лужах, которые образовывались в пересохшем русле реки, и когда вода в ней совсем испарялась, они, опираясь на грудные плавники, переползали в другую. Я обратил внимание, насколько живучей оказывались эти рыбы по сравнению с другими, когда мы нанизывали наш улов через жабры и рот на общую нить. Мы с удовольствием слушали, как дядя комментировал каждое движение поплавка, каждую поклевку, натяжение лески. Иногда, когда мы преждевременно дергали удочку и запутывали леску, он учил нас, как следует опускать скорлупу кокосового ореха через проделанное в нем отверстие вниз лески к узлу, чтобы затем аккуратно его распутать.

Очень скоро Дядюшкина долина стала для нас хорошо знакомым местом. Каждый из нас занимался там своим собственным делом и для этого «отвел» себе определенный участок. Прежде чем зайти на «чужую» территорию, мы должны были спрашивать разрешения у ее «владельца». Женщины, приходившие сюда за тростником, обычно охотно с нами разговаривали. Среди них выделялась одна — у нее были длинные тонкие пальцы и блестящие, хорошо смазанные маслом волосы. Она часто делилась с нами бетелем. Однажды нас врасплох застигла гроза, и нам пришлось искать убежище у нее в доме. Женщина угощала нас чаем с печеньем.

Ее дети, сначала поглядывавшие на нас с опаской, вскоре стали нашими друзьями. Они приносили нам личинки муравьев в обмен на запасные крючки или на информацию о возможных местах обитания *лулы*, или змееголова полосатого, наиболее дорогой рыбы из пресноводных. Дядя ничего не знал об этих сделках, так как у него появилась привычка надолго уходить в хижину. Он часто ссылался на жаркое солнце и на желание немного отдохнуть в тени. В то время мы были молодыми и простодушными и верили ему.

Андхарьяс был частым гостем у нас в доме. Этот невысокого роста с птичьей походкой человек с седым узлом волос на затылке, когда волновался, сильно тряс головой, и пучок волос при этом постоянно развязывался. Он был немного старше отца, но они оба имели много общего, особенно сближало их сотрудничество на ниве драматического поприща в прошлые годы.

Он был хореографом, то есть творческим человеком, постановщиком и главным консультантом директора школы. Последний обладал даром сочинять песни и имел склонность к написанию не пользующихся успехом драм. В них отец первоначально исполнял женские роли, но, после того как голос у него огрубел, стал играть пастуха, который находил принца и волшебника.

Теперь они сильно постарели и уже не могли исполнять какую-нибудь роль в пьесах. Поэтому друзья пользовались любым поводом, чтобы вспоминать разные истории из своего далекого детства. Они часто предавались воспоминаниям: говорили о «лучших» ролях, о затянувшихся на многие часы репетициях, о шумных ссорах и других волнующих моментах, иногда даже пели осипшими голосами разные партии. Тогда я был слишком молод, чтобы внимательно слушать их рассказы и сопереживать.

— Ты помнишь,— говорил Андхарьяс,— что произошло, когда ты играл главную женскую роль в «Ромео и Джульетте» и у тебя в ночь перед премьерой пропал голос?

— А помнишь, как нервничал отец, когда по возвращении он обнаружил, что маленький Романис украл нашу рукопись?

Самая интересная история, которую я вспоминаю со смехом,— это как однажды во время представления рухнули декорации — несколько дорических колонн — на головы «христиан», ждущих своего конца на арене. Таким образом, они были эффектно «уничтожены» задолго до того, как на них должны были напустить «львов». По словам очевидцев, «львы» бросились вытаскивать «христиан» из-под колонн.

Пожалуй, Андхарьяс был все же больше художником. Он проявлял такое тонкое чувство цвета и

формы, что его работы нравились не только нашим домочадцам, но и всем жителям Синадхаи. Однажды мудальяр попросил у него совета в связи с сооружением праздничного пандала перед входом в здание местного правления в честь правительственного чиновника.

По словам очевидцев, пандал получился таким помпезным, в форме триумфальной арки, что чиновник даже упомянул о нем в своем официальном отчете. Мудальяр, ошарашенный ходом событий, сделал Андхарьяса своим постоянным советником-оформителем, к которому он обращался всякий раз, когда ожидалось прибытие губернатора и других важных чиновников. Он использовал пандалы как своеобразную форму демонстрации расположения и уважения к важной персоне и добивался этим служебного роста и всяческих почестей. Андхарьяс и сам был уверен, что в недалеком будущем станет заместителем мудальяра, но вполне удовлетворился тем, что на пенсию вышел в должности старшего клерка.

С тех пор Андхарьяс не свернул с выбранного пути. Его опыт в сооружении пандалов пригодился и просто оказался необходим как в Синадхае, так и в соседних районах.

Только он один лучше всех знал, сколько требуется орехов королевской кокосовой пальмы, дающей особо крупные плоды, для украшения того или иного пандала, где в округе найти лучший мох в дождливый или сухой сезон, который тоже служил для оформления сооружения, и в какой цвет лучше всего раскрасить пандал.

Под его руководством внутреннее убранство помещения, декорированного пальмами, *гок-кола*, банановыми ветвями, а также листьями *хабраль*, представляло собой очаровательное зрелище, и, таким образом, нашим незатейливым торжествам придавался отпечаток традиционного изящества.

Именно Андхарьяс в праздник *Весак* посоветовал служителям буддийского храма и богатым домовладельцам декорировать и иллюминировать свои владения. При этом его совсем не волновало, в какую сумму выльется это великолепие и как все устроить с точки зрения технической, не интересовали его и возможности, которыми располагали городские власти в области электроэнергии в тот сезон. Главным

для него было дать выход своему творческому горению.

Для нас же важнее всего оставалось другое: привычное сияние светильника, залитого кокосовым маслом, мерцание фитиля свечи, изысканность бамбука и гирлянды из белой бумаги! Это казалось нам пределом совершенства и доставляло огромную радость от сознания того, что все это праздничное богатство — отражение собственных душевных устремлений, оно — наше собственное творение!

ПАРА САНДАЛИЙ

Разные люди стремятся к разным вещам, и желание иметь что-то меняется с возрастом и зависит от обстоятельств.

Совсем ребенком самым моим большим желанием было стать равным на качелях старшему брату. Под Новый год отец всегда сооружал качели. Он брал доску длиной около четырех футов и обвязывал ее с двух сторон прочными веревками, а затем петлей накидывал их на горизонтальную ветвь большого мангового дерева. Брат достиг совершенства в *рук-ул-эдима* — буквально «качание на доске» — так назывался рискованный трюк, который проделывал человек, стоя на одной стороне доски и раскачивая себя (с помощью или без помощи других) вперед и назад, делал при этом смелую амплитуду, которая могла быть зачтена в заслугу и артисту на трапеции. Это представление казалось мне верхом совершенства и храбрости.

После этого лишь физическая сила отца приводила меня в восторг. Я мечтал быть похожим на него — на эту скалу из мускулов. Я любил смотреть на обнаженное по пояс тело отца, когда он обливался водой из колодца, легко поднимался по лестнице или работал в саду, например таскал валуны. Однажды он принес домой на руках нашего молодого крепкого вола, который поранился. У отца складки на животе и мощная грудь излучали такую силу, что мне невольно хотелось поскорее вырасти и сравняться с ним.

Когда я немного подрос, у меня появились другие желания. Например, долгое время мне хотелось

вытянуть на берег огромную рыбу, которая, как говорили, обитала в озере Дядюшкиной долины. Вероятно, данное существо было прародителем всех рыб. Мудрое и коварное, оно от своих предков унаследовало сноровку. Никому из наших мальчишек так и не удалось поймать монстра, хотя сотни крючков и огромное количество бечевки было на это потрачено. Но мое честолюбие страдало — мне хотелось перехитрить это древнее чудовище, которое успешно ускользало от каждого, кто покушался на его жизнь.

Шли годы, и настала пора, когда физическая доблесть уже не имела той цены, а рыболовство казалось детской забавой. Тогда мне больше всего захотелось академического могущества: знаний, которые возможно почерпнуть из множества книг, радости от путешествий по разным странам (в то время сын тетушки Тины только что вернулся из Англии, где получил образование и стал адвокатом), умения говорить на хорошем английском языке и вести увлекательные беседы.

Долгое время заветной мечтой моего брата было стать военным. Когда он учился в военной школе и был младшим курсантом, очень гордился, что носит защитного цвета форму и широкополую шляпу. И он никак не мог дождаться, когда же наконец станет старшим курсантом, чтобы получить из арсенала винтовку и показать всем, на что способен в качестве стрелка-снайпера. В ожидании этого счастливого дня брат оборудовал в саду что-то похожее на стрельбище: нарисовал на бумаге мишень и, приколов к листу фанеры, приставил ее к муравьиной куче, которая, по мысли брата, гасила пули. Я должен был следить за этими его действиями с определенной дистанции, гордый, что мне доверили такое занятие. Счастливый, я лежал на земле, прижав к груди духовое ружье, и в душе тоже готовил себя в солдаты.

Жил здесь один человек, который всю жизнь мечтал иметь сандалии, но так никогда и не решился надеть их. То была вовсе не банальная история, как может показаться некоторым. В то время находились еще такие люди, как Ленти Сильва, который навсегда был обречен ходить босым и стремиться к статусу обутого, для которого пара сандалий и право носить их даже дома — это путевка в заоблачный мир.

В Амбаватхе были маленькие магазинчики, где за несколько рупий можно купить сандалии. Однако Ленти Сильва никогда не покупал их. «Пусть сандалии носят другие»,— думал он, потому что не хотел нарушать традиции. В отличие от жителей деревни, которые тоже не считали зазорным ходить босыми, он был одним из тех, кто имел крайние взгляды и стремился поддерживать определенный социальный статус, даже если для этого придется прибегнуть к безрассудным мерам. Ему казалось, что пара сандалий— это идеально короткий путь к достижению такого статуса. Но стоило ему лишь войти в магазин, чтобы приобрести сандалии, как мужество покидало его.

Ленти Сильва рассказал о своем желании отцу. Видимо, он комплексовал. Смолоду он был верным слугой, а после женитьбы на женщине из Синадхай завладел земельным участком. Однако его, а скорее всего принадлежащие жене четверть акра садового участка и одна восьмая акра плантации корицы так и не дали ему права носить сандалии в том мире, где обувь указывает на достойное социальное положение. А лезть на рожон против традиций бывает довольно трудно.

— Вот у Эрика, который ходит в европейской одежде, все хорошо и прекрасно,— иногда ворчал Ленти Сильва.— Аптекарь тоже говорит, что он может ездить на велосипеде только в шортах и ботинках. Но он, считай, пришлый и не в счет. Дочь нотариуса носит теннисные тапочки, и никто не смеется над ней, хотя она страдает от них и натирает мозоли. Один я обречен ходить босиком!

— Что бы ты ни чувствовал,— в шутку отвечал ему отец,— никогда не покупай эти торгашеские сандалии со штрипками и сверкающими запонками: они так сильно скрипят, что тебя сразу примут за лавочника-мусульманина.

Ленти Сильва так никогда и не купил сандалий, но у него было одно утешение— его сын, теперь ученик старшего класса школы в Амбаватхе, носил носки и ботинки и даже имел галстук и рубашку с длинными рукавами, которую надевал по торжественным случаям.

— Пусть только приедет домой на каникулы, я ему покажу!— любил частенько повторять Ленти Сильва,

прекрасно понимая, что все эти «шалости» он себе позволить не мог.

Вот они, плоды демократии!

ПУГАЛО

Довольно трогательной фигурой, но для нас ужа-сающей, в деревне был Валаму — Горемычный. Та-кое имя сначала дали ему в насмешку, но, прилепив-шись к нему, со временем оно потеряло свою остроту и не наводило на мысль о высокородном человеке, который поддался искушению дьявола. Все, даже его жена, которая рожала и растила его детей и стойко выносила его пьяные скандалы, называли его так.

Валаму имел прекрасное ружье, как говорят, остатки былой роскоши, и использовал его для свое-го удовольствия. Некоторые сельчане обрабатывали не принадлежавшие им клочки земли самовольно или договорившись с помощником старосты. Там они вы-ращивали просо, а также *менири* — вид проса. Когда завершалась пора сева, эти земли превращались в пастбища для диких кабанов и дикобразов. И хотя крестьяне умудрялись соорудить хитроумные ловуш-ки, тем не менее они прекрасно понимали, что ружье — самое верное средство против нашествий этих жи-вотных. Всякий раз, когда они шли к Валаму со своими тревогами, они находили понимание и готов-ность им помочь. За свою помощь он просил лишь несколько патронов, потом выпивал перед охотой, и дело кончалось тем, что убивал нескольких жи-вотных.

Если в Синадхэе кто-то ел оленину (хотя каждый считал необходимым помалкивать об этом), значит, это было дело рук Валаму. Только главный прави-тельственный чиновник (он тоже имел ружье) откры-то одобрял его поведение. Может, то был своеобраз-ный ход — таким образом выразить благодарность сельчанину за его подношение в виде задней ноги очередной добычи — или метод оправдать человека, который, как это ни досадно, нуждался в реабили-тации. Говорили, что английские офицеры также пользовались услугами Валаму. В тех редких слу-чаях, когда нужно было отправить в Амбаватху те-леграмму, необходимость в его услугах возрастала.

Если кто-то желал послать петицию (анонимно, конечно) к правительственному чиновнику, Валаму оказывался в своей стихии. Высоко держа в своей прекрасной, словно вылитой из меди, немного покачивающейся руке стакан с араком²³, он обязательно рассказывал трогательную историю о том, как однажды к нему обратился с петицией некий человек, который «попал в еще более трудное положение после того, как у него родился в семье ребенок». Он умел правильно составить письмо-прошение: «Низко кланяюсь, припадаю к вашим драгоценным стопам со смиренной молитвой» и так далее. Он неизменно заканчивал свое сочинение таким цветастым выражением: «Остаюсь вашим вечным слугой».

У Валаму была большая семья. Моя мать всегда баловала его детей рождественскими подарками и одно время даже учила старшую дочь шитью, пока та не ушла в прислуги к состоятельным родственникам. Всего у Валаму было четыре дочери, которым он дал замысловатые имена: Мегилин, Джеслин, Эмили и Террилин. Кроме дочерей у него было еще четыре сына. Старших звали Джеллед, Энман и Эддин. Что касается младшего, то здесь дело обстояло сложнее. Конечно, у него было имя, которое ему дали во время крещения, но мы его не знали. И хотя родители наделяли его такими амбициозными именами, как Марлборо, Альфреус или Регинтон, для нас он был просто Баба (Малыш).

Баба теперь уже далеко не ребенок. Тогда это был красивый парень с кудрявыми локонами и непредсказуемого поведения. Его искусство в ловле рыбы и храбрость, которую он проявлял в воде во время рыбалки, вызывали не зависть, а лишь восхищение. Обычно мы встречались у реки, и он нередко пользовался моей зависимостью от него, чтобы вовлечь меня в проделки, которые, если бы о них знали дома, не встретили бы одобрения. Как я уже говорил, он был человеком неуравновешенным, иногда добрым и дружелюбным, а порой пугливым и скрытным.

Думаю, это следовало отнести к процессу возмужания, когда подростку бывает трудно ориентироваться в окружающей жизни.

Если Валаму когда-то и носил брюки, то теперь он давно уже с ними расстался и надевал традицион-

ный саронг, который поддерживался декоративным поясом, свисающим с громадного живота. Когда он шел, казалось, что на вас надвигается тяжело нагруженная тачка. Его джемпер, словно детская распашонка, не мог прикрыть всего живота, и большой пупок нахально выглядывал наружу. Весь его внешний облик — это своеобразный вызов окружающему, свидетельством чему были озорные глаза. Его внешность настолько запечатлелась в моей детской памяти, что я с ним ассоциировал всех плохих людей (к ним мы также относили многих из тех, кто проживал в южной части острова). Это впечатление подкреплялось образами, почерпнутыми нами из историй наших сказочников.

Уверен, что Валаму вовсе не заслуживал такого «признания», но иногда взрослые выбирали самый легкий путь, чтобы оказать на нас давление. Например, когда нужно дать какие-то неприятные на вкус лекарства, они пугали нас его именем, называя его при этом страшным словом Билла (Похититель детей).

ПРАЧКА

В Синадхаве было две семьи, принадлежавшие к касте прачек (*дохоби*). Одна семья жила на правом берегу реки, ближе к нашему дому. Странно, но эти люди не стирали для нас. Глава семьи умер рано, и его жена продолжала дело мужа. Правда, их сын — парень лет семнадцати — выглядел слишком ухоженным для человека, занятого таким трудом.

Этот парень рос возле грязного водоема, где тушка Редхи демонстрировала еженедельное чудо, всегда стоящее того, чтобы понаблюдать со стороны. Меня и сейчас поражает, что отношение старой женщины к сыну даже наполовину не было таким серьезным, как к белью, которое она приводила в порядок. Люди уважали ее за аккуратность и трудолюбие.

В детстве мы развлекались тем, что пытались разглядеть свое белье среди остального, — стоило только прачке расстелить с помощью сына постиранные вещи на стриженую траву у реки.

Тут были и наволочки, окаймленные кружевами.

и покрывала с заплатами, и майки, и пестрые детские платица шестерых дочерей Анногохами (похожие друг на друга, они отличались лишь размерами), а также лифчики и нижние юбки с многочисленными оборочками великой модницы — жены нотариуса, двухцветные (белые сверху и серые внизу) брюки ее супруга и кипа хлопчатобумажных и шелковых носков двух цветов — белых и черных.

Нашим дхоби был Сидхириса. Его семья жила в некотором отдалении от нашего дома. Он трудился возле небольшого, но чистого ручья. Мы так гордились Сидхирисой, что называли его между собой Драгоценным камнем, и не только потому, что он всегда был безупречно одет, но и за удивительную честность. Он никогда не терял белья и не подменял его, что многие его собратья по профессии частенько делали. Он не забывал вернуть какие-нибудь пуговицы, заколки и другие вещицы, то есть все то, что случайно попадало к нему вместе с бельем. Если же какие-то предметы возвращались с обтрепанными краями, мы знали (и не ворчали), что кто-то пользовался им для свадебной церемонии (верхняя одежда) или по случаю похорон (нижнее белье). Подобное использование белья было предусмотрено одним из пунктов нашего с ним соглашения.

Мы отдавали Сидхирису не все белье. Например, отец любил сам приводить в порядок свои рубашки, а я тоже регулярно стирал свою школьную форму. Эта работа не обременяла меня. Затем я тщательно ее гладил, аккуратно складывал и клал под подушку на ночь.

Чтобы хорошо выгладить белье, приходилось приложить немало усилий. Ведь печь, как правило, находится в доме, а ее дверца открывается со двора. Поэтому требовалось большое искусство, чтобы быстро преодолеть это расстояние и при этом не погасить горящие древесные угли. Они должны были помочь разжечь уголь из скорлупы кокосовых орехов, который мог дать достаточно жара только в течение определенного времени. Затем, когда начинаешь двигать утюгом, всегда есть опасность, что угли выпадут и подпалят одежду. Со мной такое случалось не раз.

Но для Сидхириса все это не составляло большого труда, хотя ему приходилось гладить более тяжелым утюгом, рассчитанным на древесный уголь.

Он был мастер своего дела. Не прибегая к помощи разных гладильных приспособлений, которыми пользовались другие, он великолепно справлялся даже с воротничками и оборочками, с широкими рукавами и фестонами, то есть со всеми теми хитростями, которые в наши дни специально изобрели модельеры, чтобы как-то удивить любителей модной одежды.

Нельзя было не залюбоваться результатами его труда, когда он выкладывал на столе сложенное в стопки безупречно чистое, благоухающее белье, вполне достойное самих богов. Тут были и салфеточки, и тряпочки для стирания пыли, и покрывала на спинки кресел, и женские сорочки, и ночные рубашки, и подгузники и много-много других сверкающих чистотой предметов.

СЕЛЬСКАЯ ЛАВКА

Магазин в нашей деревне держал мусульманин по имени Сигу Мегдан, с которым вы уже знакомы. Для нас он был Сигу-мудалали — Сигу-лавочник. Такого обращения требовали правила вежливости. Но за глаза все называли его Тхамби, а лавку — Тхамби-ге-каде. Мавры²⁴ более сообразительны в бизнесе, чем мы, сингалы, и никто не сомневался, что в этой уединенной деревне есть лишь один крупный капиталист, кроме, конечно, нотариуса, — мусульманин Сигу Мегдан.

Эго был приятный на вид человек, который легко сходил с людьми и бегло говорил по-сингальски. Правда, у него имелись трудности с произнесением гласного звука «е». Мы старались извлечь максимум из его мусульманского происхождения. Однажды Баба и я пришли в его лавку за дюжиной учебников. Сигу подал нам их и сказал:

— Хета²⁵.

Баба, притворившись, что не понял его, ответил:
— Хорошо, тогда мы заплатим вам завтра!

И, взяв сверток, сделал вид, что уходит. Лавочник удивленно посмотрел на нас, а затем неожиданно расплылся в улыбке:

— Не надо смеяться над моим сингальским, юные джентльмены. Я ничего не сказал насчет завтра. Эти книги стоят 60 центов.

И он пальцем в воздухе начертил число «60».

Как говорил Баба, который был большим охотником собирать всякие сплетни, лавочник был замешан в нескольких неблагоприятных делах, но мы твердо знали о нем лишь одно — то, что он дает займы деньги под большие проценты. Так он приобрел небольшой земельный участок в горах, спекулировал драгоценностями, играл роль домашнего ангела, окружая жену всевозможным комфортом, и раз в году увозил к ее родственникам в Хамбантоту рожать.

Полезьа от Сигу Мегдана была вне всякого сомнения. Его лавка была единственной в Синадхае, если не считать еще одной, представлявшей собой, по сути, киоск, в котором ничего, кроме чая, не купишь. Он снабжал нас всеми товарами, в которых нуждались жители деревни и ради которых они были бы вынуждены в противном случае отправляться в дальнюю поездку на лодке — в Амбаватху. Этими предметами первой необходимости были рис и сахар, стручковый перец, тамаринд, свечи, нитки и ткани, а также различные безделушки, сладости и хорошего качества сушеная рыба для приправы. Многие годы я думал, что его зовут Сигу-мудалали из-за того, что он продает саго!

Ингредиенты для карри хранились в его магазине в полупустых коробках на поворачивающейся этажерке, в то время как вдоль стен в банках и упаковках находились специально припрятанные на случай необходимости различные заблаговременно купленные товары. На двух подвижных рамах, чтобы привлечь внимание посетителей и прохожих, размещались ряды банок с бисквитами и конфетами, а также бутылки с газированной водой.

Безалкогольные напитки в Синадхае стоили довольно дорого. Думаю, что привлекали людей они более цветом, нежели вкусом, и, конечно, значительно повышали статус тех, кто их употреблял; вне всякого сомнения, все они были на один вкус, хотя имели разные этикетки. На одних — от крем-соды, а на других — от шипучего напитка из колы. В обиходе же их называли одним словом — «лимонад».

Не будем говорить о сегодняшней таре, но все же заметим, раньше газированную воду держали в бутылках из толстого стекла, закрытых большими стеклянными пробками с шарообразным дозатором. По-

этому, прежде чем открыть бутылку, следовало ее встряхнуть, чтобы содержимое устремилось к горлышку, с одной стороны которого находился дозатор. Он и выдавал определенные порции искрящегося напитка, стоило только наклонить бутылку. Неся позвякивающую пустую посуду в лавку, я обычно ломал голову над загадкой. Как люди умудряются наполнять такие бутылки снова; до сих пор мне это кажется делом невозможным.

Аччи, жена Сигу, носила вышитое сари, краем которого она покрывала голову. Очень бледная, всегда пользующаяся стойкими духами, эта женщина казалась мне прекрасной феей. Она была красива, начиная от глаз и почти правильного носа до грациозных рук с чуть подкрашенными ногтями. Она избегала обслуживать покупателей-мужчин, но с удовольствием помогала мне найти бумажного змея, крючок для рыбной ловли или тетради, никогда не забывая добавить к этому сладостей из заветной коробки (неизвестной даже ее мужу, который, пожалуй, не стал бы поощрять такое своеволие). Она всегда интересовалась, как идут дела у моего отца, к которому оба они, Сигу Мегдан и она, относились с большим уважением.

За несколько дней до наступления Нового года Сигу Мегдан обычно доставлял из Амбаватхи большую партию фейерверков и продавал их за определенную цену, конечно не без выгоды для себя, и бедным и богатым. В новогодний праздник запускать фейерверки — самое любимое детское развлечение. Мы поджигали их то по одному, то сразу всю пачку, выбирая наиболее удачный момент, когда, по местным поверьям, заканчивалось неблагоприятное время и солнце вновь возвещало благополучие. Часы шли как обычно, но их не так много в Синадхэе, и фейерверки в деревне начинали запускать отнюдь не в одно время. Однако вскоре треск от фейерверков сливался в единую какофонию, сопровождавшую триумфальный салют.

КОЛОДЕЦ

Когда вода течет в реке или ручье, стоит в колодеце или выпадает в виде дождя — это явление зако-

номерное. Но пустить воду в наш дом по трубам, как это делают в городах,— значит испортить ее естественное качество и вкус. Несомненно, водопровод — величайшее изобретение человечества. Правда, тогда возникает проблема с распространением микробов, да и рыба с потоком воды часто засасывается в трубы. Но в Синадхае у нас прекрасный запас воды благодаря нашему колодцу.

С утра люди шли к колодцу целыми семьями для совершения утреннего омовения. Обычно мы брали с собой мелкую соль, чтобы почистить зубы, или порошок из ореха арековой пальмы. Мы несли с собой также чистую тряпку, мыло и полотенце и еще один или два ковша. Если в селении имеется мелкий и необустроенный колодец, то детям разрешают прихватить с собой кети²⁶, чтобы набрать небольшое количество воды и не утруждать взрослых. Но если колодец глубокий, ребенок должен стоять за спиной взрослого и делить с ним около пятидесяти черпаков воды, которые обычно используют для омовения.

В нашем саду колодец был, как мне помнится, глубиной около шести футов. Он всегда был наполнен чистой, ледяной водой, и мы, дети, в кети не нуждались. Нам очень нравился звук шлепка, который издавал упавший по нашей небрежности на дно наполненный водой кети. В таком случае мы не придавали этому большого значения, считая, что пропало лишь три четверти кокосового ореха. В конце концов позднее кто-нибудь вылавливал наши кети.

Стоило нам приблизиться к колодцу, как деревянный круг, который отец положил на воду (он сказал, что таким образом вода лучше сохраняется чистой), словно подплывал к нам, а затем исчезал, как только мы начинали ставить на него наши сосуды. Помнится, именно в этот колодец однажды упала сестра, когда наблюдала за движением круга. В тот момент никого поблизости, кроме меня, не оказалось, а я был еще так мал, что ей не мог помочь. Я готов был броситься вслед за ней в колодец, но, к счастью, мимо проходил сосед. Он схватил сестру за волосы и вытащил. Отец наказал нас обоих и решил вырыть другой колодец, обнести его стеной, а воду доставать воротом.

В деревне был лишь один общественный колодец. Кажется, никто из жителей деревни толком и не знал,

как он перешел в общественную собственность. Говорили, что колодец — дар одного благодетеля в память о его умершей жене. Такое часто случается, но поблизости не стояло памятного камня и не имелось какой-нибудь надписи. Скорее всего некогда колодец принадлежал какому-то хозяину, а позднее оказался на территории, через которую прошла дорога.

Мне часто приходилось наблюдать, с какой ритуальной торжественностью моются люди возле общественного колодца, словно *нанна* («мытье») — это своего рода церемония, а не одно из явлений повседневной жизни. Южане острова часто оставляли здесь целую гору волос. Женщины и многие мужчины обычно отращивали очень длинные волосы и завязывали их сзади узлом. Делали они это весьма быстрым и сноровистым жестом. В свою очередь, женщины любили придавать волосам форму пучка и носили его ниже шеи. Им также нравилось мыть голову мылом, чаще всего дешевым. Его доставляли из города, но и оно считалось предметом роскоши, на котором наживались разные дельцы. Поэтому для гигиенических целей еще чаще пользовались смесью из извести и глины.

Впрочем, *нанна* — не просто мытье, с ней связаны также представления об очищающем воздействии воды на человека. Честно признаться, когда у колодца собирались люди, чтобы помыться, я был склонен считать это поводом, чтобы как-то провести время и продемонстрировать окружающим свою фигуру.

У общественного колодца лежал большой гладкий камень, на котором намыливали и отбивали белье — техника, которая стала предметом грубого комментирования для посторонних. Рядом росло дерево, ствол которого был округлен и отполирован и даже лоснился из-за привычки некоторых мужчин тереть спины о него, чтобы соскрести грязь. Глядя на этих людей, я с ужасом думал о том, что может произойти с их кожей, что от нее останется.

Общественный колодец был не только местом омовения, но и своеобразным клубом, где собирались сельчане, чтобы узнать последние сплетни, отсюда новости быстро распространялись далеко вокруг. Нередко у колодца вспыхивали жаркие споры. Оппоненты выбрасывали руки к лицам своих противников

и издавали при этом уничижительные возгласы «Ха!» и «Хо!». Без сомнения, у колодца договаривались о свадьбах, а также обсуждали вопросы, связанные с приданым. Мне известно, что именно у колодца начался роман между двумя молодыми людьми, но об этом мы расскажем ниже.

РОМАН

После смерти старого управляющего гостиницы никто из местных не хотел занимать его место. Поэтому дорожное управление, в ведении которого находилась гостиница, назначило на эту должность Сиянирису, молодого человека лет двадцати четырех — двадцати пяти, бывшего до того помощником повара в доме окружного начальника и положительно рекомендованного также директором школы.

Сначала деревня игнорировала его. Подобная реакция понятна, ведь человек пришел со стороны. Но по мере знакомства с Сиянирисом отношение к нему стало меняться к лучшему. Первым в его пользу высказался Сигу-лавочник, который обычно был весьма скуп на похвалу. Он сказал отцу:

— Конечно, этот человек получает почти все необходимое обычным путем, то есть продукты ему доставляют на лодке, но я все же снабжаю его яйцами и фруктами. Удивительно, но платит он аккуратно.

Затем, как бы взвешивая слова, которые он мог бы добавить в его адрес, заметил:

— Он знает также и цены.

Дхоби-прачка тоже был поражен действиями Сиянирису. Тот потребовал, чтобы дхоби приходил в гостиницу в две недели раз и забирал в стирку занавески и шнуры, в то время как прежний администратор обычно посылал за ним раз в два или три месяца.

Сиянирис вовсе не стремился попасть в какую-нибудь компанию, но, живя в квартире за зданием гостиницы, большую часть свободного времени тратил на то, что приводил в порядок мебель и работал в саду, который пришел в сильное запустение.

Действительно, при старом управляющем в гостиницу редко кто заглядывал. Произошло это потому, что, став управляющим, тот потерял всякий интерес

к своим обязанностям. Он ничего не делал, чтобы как-то привлечь сюда туристов. На самом деле место для гостиницы было выбрано весьма удачно. Из ее окон открывался великолепный вид на водопад — свидетельство того, что колониальная администрация уделяла большое внимание строительству дорог и соответствующих зданий и сооружений.

В гостиничном саду пышно цвели розовые олеандры и раkitник — золотой дождь — настоящий водопад из желтых цветов в апреле. Тот же самый цвет преобладал в течение всего года в живой изгороди из аламанды, ветви которой раскинулись над дорогой. Теперь неухоженная, эта изгородь вместе с разными сорняками представляла собой барьер, мешающий движению машин.

И вот пришел новый человек и начал атаковать этот барьер в одиночку. А то, что он старался обновить старые вещи и придать им блеск, создавало хорошее впечатление. И люди стали поговаривать, что вышестоящая администрация обязательно отметит его старания.

Однажды я встретил Сиянирису у реки. Он мыл большую рыжеватую собаку, которая держалась словно лорд. Так состоялось мое первое знакомство с этой немецкой овчаркой. Сиянирис разрешил мне погладить собаку. Ее хозяин оказался большим знатоком в области собаководства. Он не спросил ни моего имени, ни возраста, ни профессии. Когда мы расставались, Сиянирис пригласил меня посетить гостиницу и поиграть с Рексом. Сиянирис мне понравился.

Однажды бедную Писси стали преследовать двое ребяташек, которые вообще обращались с ней плохо. У Писси случались приступы сумасшествия, и она жила за счет людской доброты. Дети пристали к ней, когда она, грязная и неопрятная, с охалкой какого-то хлама под мышкой брела по улице, никому не мешая. В тот момент там оказался Сиянирис. Он схватил двух юных негодяев за шиворот, столкнул их лбами, а затем успокоил женщину, сказав, что она может спокойно идти своей дорогой. Об этом случае вскоре узнали все жители деревни, и его поступок закрепил за ним репутацию сильного человека, который действовал в старых добрых традициях. Вскоре Сиянирис стал самой популярной личностью в Си-

надхает. И не было ничего странного в том, что матери уже начали планировать, а отцы вести беседы, и каждый брал на себя роль свата или свахи.

Только я один знаю, как Сиянирис нашел себе невесту. Случилось это так. Однажды я оказался у общественного колодца. Я заострял палку, когда Сварнамали и ее мать пришли сюда из своей расположенной недалеко маленькой хижины. Девушке только что исполнилось шестнадцать лет. Сварнамали была единственным ребенком у пожилой женщины, и она стала ее постоянным спутником. Обе женщины были бедны, но происходили из хорошей семьи, а девушка отличалась еще и трудолюбием, и добрым характером. Она умела хорошо готовить и шить. Сварнамали продолжила бы учебу в школе, если бы не безвременная смерть отца-земледельца. Женщины жили вместе, и теперь главной заботой старой матери было, как получше выдать замуж дочь. Конечно, она не могла обеспечить дочери приданое.

Купальное платье²⁷ Сварнамали, стянутое под мышками, свисало до лодыжек. Когда она поднимала руки над головой, вода стекала с ее гладких волос, немного смачивая спину, и на одежде образовывались прелестные складки. Вскоре мокрое платье уже облегалo ее грациозную фигуру, подчеркивая девичью красоту. И тут я заметил, что Сиянирис тоже подошел к источнику. Сняв одежду, он обнажил свое гибкое, атлетического сложения тело, мускулы которого двигались. Затем он подоткнул саронг и с ковшем в руке приблизился к колодцу. Я увидел быстрый пристальный взгляд, который соединил на миг — как потом оказалось, на вечность — этих двух молодых людей — элегантного, холодного на вид Сиянириса и простую, такую домашнюю Сварнамали.

Мгновение, и они отвели глаза в сторону. Мы вели тривиальную беседу, и после некоторой паузы мать и дочь, кивнув в знак расставания, ушли домой. Через месяц распространился слух, будто Сиянирис ухаживает за девушкой; обменялись посланиями, и начались переговоры о формальностях. Они были подходящей парой и получили добрые пожелания от всех. Свадьба состоялась ранним майским утром в благоприятный по показаниям гороскопа день. Концы свадебных одежд жениха и невесты были связаны крепким узлом в знак нерасторжимости брачных

уз, на головы молодым посыпали рис — символ семейного благосостояния, и настойчивый молодой человек увел невесту к себе в дом, расположенный среди золотистых цветов раkitницы и олеандров. Этому событию вместе с молодоженами радовались и жители деревни. Они долго судачили по этому поводу, как обычно это делают сельские жители.

Сиянирис и Сварнамали. Какие звучные имена! Они словно соединяют молодых людей. Говорят, некоторые браки заключаются на небесах, в раю. Если так, тогда этот брак, конечно, был именно таким.

ДЕРЕВЕНСКИЙ СУД

Пожалуй, самым примечательным событием в Синадхае было заседание деревенского суда. Время от времени здание суда, расположенное на другой стороне реки и на некотором расстоянии от рыночной площади, оказывалось в центре внимания почти всех местных жителей. Это было аккуратное, покрытое тростником глинобитное сооружение, состоящее из двух маленьких комнат и просторного зала, к которому примыкала открытая веранда.

Долгое время в здании суда стояла мертвая тишина. В нем нашла себе приют отбившаяся от стада корова, а в саду, никем не потревоженные, сооруженные из опавшей листвы, поднимались вверх холмики-жилища красных муравьев. Смотритель здания суда, прозванный из-за его короткой ноги Нондия (Хромоногий), жил скромно по соседству. Когда же, словно разбуженная весной природа, он становился активным — ковылял по траве, сгребая жухлые листья и поднимая облака пыли в вверенном его попечению здании, — тогда мы все знали, что скоро начнутся заседания суда.

Многие в деревне кое-что на этом зарабатывали. Во-первых, речники: Гунапала, который чинил находящуюся недалеко от здания суда пристань, где обычно высаживался на берег председатель суда; паромщик Агурис; несколько лодочников и их помощники, пытавшиеся обслужить все увеличивающийся поток пассажиров, прибывающих по реке. Этому случая ждали и те, кто должен был делать лавки для свидетелей, зрителей (многие из них прибывали из от-

даленных деревень), а также для официальных лиц, связанных с судопроизводством. По этому случаю Абилинг — хозяин чайной — заранее запасся сахаром и чаем, а его жена сделала генеральную уборку в комнате для гостей. Виламу на всякий случай почистил свой праздничный костюм и купил новую авторучку, чтобы быть готовым к любой работе, которая может случайно подвернуться во время заседаний суда. Сигу Мегдан привел в порядок и украсил свою лавку, а также выставил на видное место канцелярские принадлежности. В общем, вся деревня была взбудоражена.

И вот однажды прибыл председатель. У него был багаж, а в руках он нес портфель. Он приплыл в большой лодке с каютой, сопровождаемый клерком, полицейским и личным слугой. Около двух недель он жил в маленькой комнатке, которая расположена в конце здания суда. Нондия снабжал его едой, свежими фруктами, грибами, олениной и разными деликатесами. Около двух недель этот человек держал суд в напряжении. Ответчики только бормотали «м-да» и мямлили «Ваше высокостепенство». Вся деревня была потрясена его ученостью и мудростью. Когда он уехал, Синадхая снова впала в дремоту.

— Председатель деревенского суда, — говорил отец, — должен быть юридически грамотным человеком.

Поэтому мистеру Бриксиусу Перере поручалось вести судебные заседания в течение многих лет. Обычно он носил костюм из кремового индийского шелка, шелковый галстук со шпилькой. У него был меланхолический взгляд, а брови похожи на полумесяцы. Перера скрупулезно вел свои дела и в то же время обладал чувством юмора.

Конечно, в высших судах обязательно участие льва и трепетной лани. Адвокаты в черном рыщут, как хищники, между клиентами, своими сверкающими пуговицами и скрипящими ботинками поражают воображение присутствующих. Тут же чиновники-регистраторы, переводчики, толпа, занятая перешептыванием. Представив все это, обратим внимание на других, неуютно чувствующих себя участников судебного процесса, находящихся в тисках закона. Ничего подобного здесь не было. Правда, имелась привычная толпа, более любопытствующая, чем как-то свя-

занная с судебным делом, поэтому и не очень заинтересованная в конечном исходе дела, то есть в основном лишь желающая стать свидетелем драмы или вообще зрелища. Младшие сельские вожди, щегольски одетые, некоторые с гребнями в волосах, двигались небрежно. В ожидании, когда их вызовут в качестве свидетелей, они сидели на корточках в тени артокарпусов²⁸ и жевали бетель. Единственная пара наручников висела на гвозде на стене, и около них беспечно стоял один-единственный полицейский. Главной фигурой этой сцены был председатель. Его клерк сидел за столом по одну руку от него, в то время как личный секретарь — по другую. Во всем чувствовалась домашняя обыденность и спокойная деловитость; как-то верилось, что в такой скромной обстановке суд будет быстрым и беспристрастным.

Дела, которые вел господин Перера, числились как второстепенные. Там не было ничего выдающегося — ни убийства, ни изнасилования или поджогов, не встречались и незаконные поборы или подлоги. В его ведении оказывались лишь дела, связанные с мелким воровством, оскорблением и с разной степени ущерба. Однако воровство есть воровство, а нанесение ущерба — это нанесение ущерба, и тот, кто был уличен в этом, страдает от сомнения, страха, горя и позора так же, как и в крупном деле.

Я хорошо помню спор из-за индийского скворца майны. Два человека оспаривали свои права на эту птицу. Джусихами, истец, говорил, что птица принадлежит ему. Дхионис, в свою очередь, утверждал обратное. Офицер полиции, который первым узнал о ссоре, не мог его разрешить. Поэтому дело передали в деревенский суд. Джусихами первого пригласили занять место для свидетелей, к тому времени уже очищенное от паутины. Он стоял между председателем и полицейским, на виду у всех.

— Полное имя?

— Валисингаги Джусихами, прозвище — Подла (Коротышка).

— Возраст?

— 51 год, ваша честь.

— Профессия?

— Резчик по дереву.

— Вы сказали, что майна ваша?

— Да.

— Как докажете, что это так?

— Э-э... ваша честь, это моя майна. Она жила у нас много месяцев.

Пока шло разбирательство, клетка с птицей стояла на полу у самой стены судебного зала. Никто не обращал на нее никакого внимания.

Председатель пристально посмотрел на Дхиониса. Обвиняемый, стоявший в первых рядах, то и дело вытирал цветным платком лоб.

— Но Дхионис сказал, что птица его, — настаивал председатель.

— Это ложь...

— Уважаемый, должна же быть какая-то деталь, свидетельствующая, что птица ваша. Только так. Если вы это поняли, тогда назовите.

— Э-э...

— Ну хорошо, — председатель нетерпеливо прервал его мычание. — Может, ваш питомец умеет говорить?

Джусихами какое-то время молчал. От птицы его отделяли всего двадцать футов.

— Майноо, майноо... батх кева²⁹? — протяжным голосом позвал он птицу. Удивлению собравшихся не было конца. Птица скосила бусинку-глаз на место для свидетелей и прокричала:

— Майна батх кева... майна батх кева...

— Отлично, значит, птица не немая, как некоторые здесь присутствующие, — заметил господин Перера кисло. — Ну, Дхионис, что вы на это скажете?

Дхионис что-то хотел ответить, но председатель жестом остановил его. Джусихами попросили покинуть место для свидетелей и вместо него туда пригласили ответчика. Председатель обратился к Дхионису с такими словами:

— Как долго жила у вас эта птица?

— Около года, ваша честь. Мой сын поймал ее в саду, и моя жена сказала еще тогда...

— Хорошо. В течение года птицу содержали в клетке?

— Ваша честь, мой сын сделал клетку, в которой она и находится сейчас. Иногда мы выпускали ее из клетки и не опасались, что птица может улететь. Пондипутха очень любит птиц...

— А что вы скажете на то, что истец смог заставить птицу заговорить?

— Ваша честь, любая майна может произнести: «Майна батх кева». Это первое, чему обучают птицу в клетке.

Тогда председатель суда обратился к Джусихами, который присоединился к тем, кто находился в зале суда:

— Докажи, что клетку сделал ты!

— Ваша честь, это может подтвердить моя жена, она здесь,— охотно ответил Джусихами.

Наступила пауза. Стало ясно, что разбирательство дела не продвинулось ни на шаг. Но тут председатель неожиданно сказал слуге:

— Принеси-ка сюда клетку и поставь ее ко мне на стол.

Слуга удивленно уставился на председателя. Это был беспрецедентный случай. К тому же клетка не предназначалась для публичного обозрения, настолько она была грязной. Слуга что-то прошептал председателю. Господин Перера выслушал его без удовольствия, а затем громко сказал:

— Понятно. Тогда подложи под клетку бумагу.

Слуга сделал все, что от него потребовали. Клетку водрузили на стол. И тут возникла драматическая ситуация. Председатель бросил скорбный взгляд на пришедшую в волнение толпу. Грустная майна взлетела на жердочку в ожидании своей судьбы.

— Вы видите птицу? — обратился председатель к Дхионису, который еще занимал место для свидетелей.— И по-прежнему считаете ее своей?

Дхионис кивнул головой в знак согласия. Истец также сделал то же самое.

— На мой взгляд, все майны похожи друг на друга, но эта уж очень тощая. Кто кормил птицу, пока шло разбирательство по этому делу?

Полицейский виновато кашлянул.

— Птица находилась в моем доме, ваша честь... Мы с ней страшно измучились — не знали, чем кормить.

— Ну уж нет, ваша честь!

Эти слова принадлежали Дхионису. Он все еще стоял перед судьей и нервно теребил в руках носовой платок.

— Птица ест все, особенно любит рис. Разрешите, я покормлю ее, пока... ваша честь... э... решает...

Снова наступила пауза. Председатель бросил бы-

стрый взгляд в сторону несчастной птицы, оказавшейся в клетке, словно в ловушке.

Действительно, позавидовать было нельзя. Майна посмотрела сначала направо, потом налево, как бы ища выхода из создавшегося положения, почесала шею и нехотя громко что-то прокричала. Истец посмотрел на предмет их спора; то же сделали и присутствующие — они-то, конечно, знали, кому принадлежала птица, но никак этого не проявляли. Здесь судье давали возможность показать свое искусство.

— Так как,— продолжал председатель, медленно растягивая слова,— каждый из вас настаивает на том, что птица принадлежит именно ему, я должен разделить ее между вами!

Люди, никогда не слышавшие о соломоновом решении, хранили молчание. Господин Перера шепотом давал какие-то указания слуге. Тот вышел вперед и стал осторожно открывать маленькую дверцу клетки. Присутствующие ахнули. Джусихами криво улыбнулся, а Дхионис в волнении снова стал вытирать пот со лба.

Майна осторожно вышла из клетки и оказалась на председательском столе. От предвкушения свободы она засвистела и взлетела на перегородку, а оттуда выпорхнула в сад. Маленький мальчик выбежал из зала суда и кинулся за ней вслед, громко крича:

— Чунда! Чунда!

— Вот как,— проговорил председатель.— Интересно, почему никто не сказал мне, что у птицы есть имя?

Поднялась суматоха, и полицейский все никак не мог навести порядок. Но тут в зал вернулся Пондипутха. Он довольно ухмылялся, а на плече у него сидела майна.

— Объявляю дело закрытым! — сказал председатель и поднял руку. Затем показал слуге на клетку и сказал:

— Убери поскорее с моего стола эту гадость!

ПОЧТИ АНЕКДОТ

Старшим жителем Синадхаи был бородатый добряк, которого мы с любовью называли Мутта (Дед). Он знал массу анекдотов. Если он бывал в хорошем расположении духа, то собирал вокруг себя толпу

и, набив рот бетелем, с удовольствием начинал рассказывать разные истории, постоянно жуя, чавкая (у него не было зубов) и брызгая на аудиторию красной от бетеля слюной.

Однако в признательных слушателях у Мутты недостатка не было, а способности его были рассчитаны на миллионную толпу: в нем сочетались глубокая ученость, большой словарный запас, тонкий юмор, привлекательные манеры, и при этом сам он, казалось, не обращал внимания на аудиторию. Его можно считать представителем быстро исчезающего поколения рассказчиков, которые в подлинно ланкийских традициях стремились сохранить культурные связи между образованным слоем общества и простым людом.

— Помню время,— сказал он однажды,— когда лик природы был чище. Стоя у водоема, можно было увидеть свое отражение в воде и, насколько позволяла фантазия, поместить свое изображение в особые рамки или разбить на тысячи кусочков. Порой наклонишься не спеша над водной гладью пруда и размышляешь, всматриваясь в свое лицо, отражающееся среди широких листьев лотоса. Вода на поверхности была так чиста, как будто находилась в своем первоначальном состоянии. И вот силой воображения мы создавали зеркало, и каждый мог посмотреться в него, увидеть себя и хладнокровно отметить малейшие нюансы своего настроения и собственных эмоций, отраженных в воде. Но разве можно было поймать это отражение и удержать? Не правда ли, прекрасное начало рассказа? Пожалуй, фотокамера могла бы такое сделать для вас? Фотография, действительно, феноменальная вещь! Вы можете получить точную копию — одну, две, три, двадцать копий — своего портрета, все один к одному, как семена растения. Вы можете подарить их своим друзьям, показывать родственникам или завещать потомству в качестве наследства детям ваших детей. Я расскажу вам про фотографа, который стал легендой здесь в Синадхэе.— Тут он сделал паузу и уставился своим пронзительным взглядом на госпожу Ноно.

Она смутилась, а мы подумали: «Почему?» Мутта положил на ладонь приготовленную жвачку, затем отправил щепотку этого липкого месива в рот и продолжал:

— Однажды в эту деревню прибыл один привлекательный субъект и предложил за незначительную сумму в десять центов с каждого сфотографировать всех жителей в Синадхае. «Получится групповой портрет», — заверил он. Излишне говорить, что многие женщины охотно согласились с его предложением и почти никто из мужчин.

Теперь мы поняли причину лукавого взгляда Мутты. Госпожа Нонно чувствовала себя неловко и извивалась словно червяк; она осуждающе посмотрела на других, как бы намекая на то, что несправедливо со стороны этих людей сваливать весь грех на нее одну. Присутствующие стали хихикать, тем самым усиливая интерес к рассказу.

— И вот они собрались — их было более ста человек — в покинутом карьере на земле нотариуса. После многих заклинаний и трюков с крышечкой от объектива и линзами их наконец сняли на фоне скалы, увитой лианами. Через несколько дней по почте им прислали фотографии. Все снимки были аккуратно завернуты в прекрасную бумагу и лежали между кусочками картона, создавая атмосферу томительного ожидания. Но это привело лишь к еще большему разочарованию, когда выяснилось, что на фото изображено огромное число людей, и при этом среди них не было ни одного знакомого лица. Даже скала не походила на ту, что возвышалась посреди нашей деревни. Ни одну женщину на фото невозможно было узнать. И куда подевались их щегольские наряды и украшения — коралловые ожерелья, ситцевые, муслиновые и шелковые платья? На снимке были люди в форме: в шортах защитного цвета и белых жилетках (как вы знаете, они недолго имели успех в Амбаватхе). В общем, фото запечатлело изможденного вида заключенных со зверским выражением лиц и, видимо, отбывающих срок в тюрьме за тяжкие преступления.

Жителей деревни просто надули, и этого человека долго еще искали в округе. Конечно, он благополучно исчез с сумкой, позвякивающей десятицентовыми монетами.

Вот такое нехорошее впечатление произвела фотокамера в нашей деревне, но ее появление сделало нас мудрее. После этого случая мы уже не относились так доверчиво к странствующим шарлатанам.

Конечно, наши женщины по-прежнему были падки на цветной сатин и дешевые безделушки, которые появлялись в местной лавке, но теперь их так же, как и наших мужчин, нелегко было склонить к чему-то, в чем они плохо разбирались. Спасибо тому проходимцу, который тогда появился в нашей деревне и сделал свое дело — предупредил нас на будущее быть осторожнее и не доверять рыскающим в поисках добычи мелким дельцам и капиталистам. Благодаря урокам, которые преподали нам пионеры «цивилизации», у обитателей Синадхая выработалось настороженное отношение ко всему, что могло таить обман.

ПЕРЕПРАВА

Символ вольных прошлых лет — переправа, которая соединяла знающую себе цену одну часть Синадхай, ту, что расположена на левом берегу реки, с ее яркими домами и с подчеркнуто кричащими деловитыми фасадами, с другой — менее населенной, но более привлекательной, еще не тронутой шоссейной дорогой, раскинувшейся на правом.

Расписание, которое регулировало бы порядок на переправе, отсутствовало. Если вы захотите перебраться через реку, а лодка для перевоза пассажиров находится в это время на другой стороне, можно, конечно, позвать паромщика, но он приплывет за вами лишь в том случае, если найдет попутчика, которому необходимо попасть на тот берег, где вы находитесь. Поэтому, если вам нужно переправиться, спокойно стойте и жуйте свой бетель. И уже никак не следует нервничать: идите в чайную Абилинга и убивайте там время за чашечкой подслащенного напитка, при этом постарайтесь не пропустить лодку. Но это в том случае, когда вы переправляетесь с правого берега на левый.

Если вы ждете переправы на левом берегу, то садитесь возле глиняной хижины паромщика Агури-са и наблюдайте за играющими детьми или беседуйте с Даяватхи, женой хозяина хижины. Для тех, у кого есть время и деньги, она хранила сигары, привезенные из Джафны³⁰, в том числе одну-две пачки биди³¹, и кувшин меда. Ведь не каждый рискнет

принять наркотик и погрузиться в пятнадцатиминутное опьянение. Она тайком с удовольствием наблюдала за показным поведением юнцов, которые еще не имели случая приобщиться к биди, причем к самым крепким — из Джафны. Для ребят такое курево было слишком большим испытанием, и они сильно мучились.

У паромщика и его жены была большая семья. Старший сын Сима, когда ему исполнилось четырнадцать лет, бросил школу и стал помогать отцу делать скобы и кольца для столбов, к которым пришвартовывались лодки. Среднего сына, Пириса, чаще всего можно было увидеть с мячом в руках, который он смастерил сам из камня и обтянул каучуковым шнуром. Был у этих ребят еще и братишка, который обычно любил играть со старшей сестрой, а когда утомлялся, засыпал у нее на коленях. При этом девочка обычно пела ему колыбельные песни и нежно качала на руках.

У паромщика родились еще два сына-близнеца. Обычно они играли скорлупой кокосовых орехов прямо на земле за маленькой загородкой возле дома. Они любили катать орехи, при этом у одного из них рубашка была подвязана сзади узлом, чтобы не мешала при движении, у другого вокруг талии лишь тонкий поясик на голом теле. Обычно мужчины носят его всю жизнь. Он поддерживает кусок ткани, которым те пользуются, когда моются у колодца. Если вы бедны или живете, как Сима и Пирис, у реки, вам придется носить поясик практически все время.

К южанам чувство стыда приходит раньше, чем к северянам. Поэтому-то и появляется на них этот кусочек ткани, как-то прикрывающий их наготу.

Но вот слышится зов с другого берега: это буйволиная повозка ожидает переправы. Агурис приготовился было съесть свой завтрак, но, увидев школьников, отложил трапезу и принялся наблюдать за ними. Тем временем ребята, толкая друг друга и громко щебеча, проворно забрались в лодку. Собралась еще небольшая группа людей из близлежащих хижин: несколько женщин с маниокой, а также *бхикху*³² и дхоби с узлами белья на плечах.

Наконец Сима оттолкнулся от берега. Дети радостными криками приветствовали старт. Вскоре лод-

ка была уже на середине реки. Минут через пятнадцать, рассекая волны носом, она пристала к другому берегу. Пассажиры, покинув лодку, отправились каждый своим путем, а дети стали помогать перевозчику погрузить буйволиную повозку на лодку-паром; они подложили камни под колеса и ослабили вожжи. В повозку был впряжен хорошо ухоженный, разряженный, с бронзовыми колпачками на укороченных рогах и колокольчиком на шее буйвол — красивое и сильное животное.

Пересекая теперь реку против течения (это требует, естественно, умелого управления и использования весел), Агурис сначала правил по диагонали немного вверх по течению, а затем позволил лодке чуть-чуть подрейфовать, чтобы причалить поближе к дому. Сима, зайдя по пояс в воду, схватил цепь лодки и привязал ее к кольцу на причале. В работе парома вновь наступил перерыв.

Иногда, когда в горной части страны задерживаются дожди, необходимость в пароме отпадает: люди переходят Нилгангу вброд чуть выше по течению, там, где песок, поблескивающий слюдой, создает отмели. Даже маленький дождичек совсем меняет этот пейзаж из песка и воды, образующих крошечные лагуны. Когда мы были детьми, часто снимали одежду и с шумом бросались в воду, чтобы пуститься в новый путь через реку. Наша маленькая дамба из песка стояла до наступления сезона дождей — до тех пор, пока вода в реке не становилась красной от глины и бродом уже нельзя было пользоваться. И тогда мы все снова возвращались на старое место — к переправе.

ПРЕДЧУВСТВИЯ

Кто-кто, а Агурис знал каждый дюйм судоходных участков Нилганги. Он был совсем неграмотным, но женился на женщине, которая получила образование в Амбаватхе. Агурис — хороший муж, благочестивый буддист и великолепный перевозчик.

Он человек долга и честный; каждый вечер шел он к нотариусу и отчитывался о заработке: десять центов — за повозку, пять — за мешок риса или орехов арековой пальмы и один — за пассажира. Детей,

конечно, перевозил бесплатно, хотя они и составляли немалый контингент на переправе.

В полнолуние людей бывало все же больше, чем обычно: на женщинах, возвращавшихся из храма, надеты белые одеяния, у девочек в волосах — голубые и розовые цветы лотоса. Были тут и юноши, не склонные смешивать удовольствие с бизнесом.

Кроме лодки-парома в ведении Агуриса находились еще две лодки. В одной из них помещались три-четыре пассажира, и она курсировала без помощи Агуриса. На лодке имелось весло и скорлупа кокосового ореха, чтобы вычерпывать воду, которая собиралась на дне.

У нас было немало различных плавучих средств, о которых я еще не упоминал. Одно из них — *ангула*, настоящий плот, составленный из двух лодок, скрепленных планкой с плодами хлебного дерева в качестве противовеса. У нее не было крыши, хотя, несомненно, сооружался навес, если намечалось длительное путешествие. Однако этого практически никогда не требовалось. *Парува* — идеальное средство передвижения для прогулок, которые обычно предпринимали всей семьей: либо вниз по реке, либо вверх.

Жена Агуриса, хотя и смирилась с участью быть супругой скромного перевозчика, тем не менее всегда претендовала на то, что у нее шестое чувство, которое предупреждало ее о надвигающейся беде или неприятностях по дому. Взять хотя бы случай с мужем.

— Однажды муж вел паруву по реке, усиленно работая веслами и мечтая о том времени, когда приобретет собственную лодку, — часто рассказывала Даяватхи. — Вот тогда-то и случилось непредвиденное: пытаюсь провести через пороги лодку, он поранил руку. И никакие мази и компрессы не помогали. Посмотрите, она и сейчас висит словно подбитое воронье крыло. Теперь уже нечего мечтать о своем доме, покрытом красной черепицей, и о хорошей школе для детей. В тот день, когда произошло несчастье, я уже знала, что что-то случится, и когда принесли мужа, испускающего громкие крики и стоны, я не удивилась. Вот и сейчас, — продолжала Даяватхи, — я отказываюсь от батата, ананасов и даже горячей пищи, так как чувствую, что не избежать несчастья, горе все равно не минует меня. Когда я сказала об

этом мужу, он отправился на поклонение в Катарагаму³³ и там дал обет. Но я знаю, ничего уже не поможет — ребенок не проживет и неделю.

Дело в том, что недавно, перед родами, ее сын Сима уронил на пол изображение грозной индуистской богини Кали и осколки разлетелись по полу. Разве не ясно, что это значит?

— Теперь надо ждать нового горя, — говорила она. — Я чувствую это всем своим нутром и даже наблюдаю симптомы. На днях здесь был какой-то чужестранец, одетый в брюки, а на ногах у него были ботинки. Он курил сигареты и разговаривал по-английски. С ним были еще люди. За день они четыре раза переправлялись через реку. Это неспроста! Затем они тут прогуливались и постоянно указывали руками в направлении базара и гостиницы. Мне не нравится это! Не нравится — и все!

Агурис молча слушал жену. Он улыбался и старался как-то успокоить женщину.

— Все это ровным счетом ничего не значит! Не волнуйся понапрасну, дорогая. Я видел этих чужестранцев и слышал, о чем они говорили. Эти люди жили в гостинице и всю ночь играли в карты. Они приехали сюда из Коломбо на выходные дни, чтобы отдохнуть. Может быть, это газетчики, поскольку с ними фотоаппараты. Успокойся и приготовь чай, я хочу пить.

Но в его сердце закрадывалась тревога. Обычно предчувствия Даяватхи сбывались. Неужели его семье снова грозит какое-то несчастье?

НАЧАЛО КОНЦА

Если посмотреть с отвесного берега на Нилганту, то на некотором расстоянии от переправы, но в зоне видимости, увидишь старый, уединенный типа охотничьего особняка домик нотариуса. Поговаривали (видимо, так оно и было), что он отказался от адвокатской практики. Нотариус получал довольно устойчивый доход с плантаций и долю от прибыли на переправе, так как фактически являлся ее владельцем. Много лет назад он добился контракта на эксплуатацию переправы и теперь каждый год автоматически продлевал его.

Обычно после обеда нотариус любил немного посидеть в тростниковом кресле на веранде, лениво наблюдая за тем, что происходит на реке. Как всегда, возле него на скамье восседал Метхью. Время от времени каждый из них с подставки, которая стояла рядом, брал заранее приготовленный бетель — с орехом арековой пальмы и лимоном, надкусывал краешек его и отправлял в рот. Большая бронзовая плевательница находилась поблизости.

Для слуги жевать бетель из той же тарелки, что и хозяин,— явление по местным понятиям необычное. Но Метхью уже много лет находился в услужении у нотариуса и пользовался многими привилегиями. Его считали членом семьи, и ему многое разрешалось. По правде говоря, он был незаконнорожденным ребенком некоего пожелавшего остаться в тени гражданина.

Ни тот, ни другой не был обескуражен этим не совсем обычным рождением: первому приятно было ощущать себя патроном и другом, а второй довольствовался ролью товарища и доверенного лица первого.

Холодная расчетливость, с которой действовал Метхью, была просто необходима в делах, связанных с собственностью нотариуса: двумя плавучими средствами и переправой. Нотариус нашел в Метхью молчаливого и терпеливого помощника. Это было тем более важно, что хозяин часто страдал несварением желудка и приступами ревматизма, от которых жизнь казалась такой безрадостной. Метхью был прекрасным личным секретарем: знал, что можно сказать, а о чем следует помолчать. Понимал, когда не следует распускать язык, а когда можно дать ему волю. Так что между ними установилось полное взаимопонимание.

В тот день Метхью пристально смотрел в сторону реки. Вода в Нилганге поднялась высоко и была мутной. В затопленных прибрежных зарослях кустарника запутывались принесенные течением ветви и листья. Кое-где были видны водовороты, в которых кружились охапки тростника. Подмытые берега оставляли красные раны в земле, кокосовые пальмы, которые многие годы стойко выдерживали разливы, на этот раз смывались водой.

Конечно, все это создало угрозу движению по реке. Метхью повернулся к хозяину, уже хотел было

сказать ему об этом, но, перехватив его полный отчаяния взгляд и увидев, с какой злобой тот сплюнул в плевательницу, понял, что хозяин слишком болезненно переживает случившееся и не намерен разговаривать на эту тему.

Деревня Синадхая, которую рассекает надвое суходородный участок Голубой реки, образует своего рода коммерческий центр. Она контролирует довольно продуктивную область, уходящую вдаль от обоих берегов Нилганги. Однако коммерция всегда таит в себе семена раздора, и Синадхая — не исключение из этого правила. Нередко можно было слышать мелкую перебранку между конкурирующими владельцами крытых лодок, которые перевозили предварительно прокопченные листы каучука и мешки с орехами арековой пальмы вниз в Амбаватху, откуда эта продукция шла дальше. Но бывали и более серьезные дела, вызывающие озабоченность. Именно они-то и доставляли нотариусу столько волнений. Тут и известие о строительстве моста, и слухи о том, что дорога, соединяющая деревню с внешним миром, будет значительно расширена, это, в свою очередь, означало возрастание интенсивности движения по ней и падение значения переправы. И в довершение всего появлялись предприимчивые бизнесмены, у которых были и автобусы для пассажирских перевозок, и грузовики. Все это, понятно, создавало реальную угрозу коммерческой деятельности нотариуса.

Для человека, рожденного и выросшего на берегах Голубой реки,— это ломка всех традиций.

Шум и скорость — не всегда приятные вещи. Нашествие автомобилей не только означало конец речного транспорта и гибель переправы, но и знаменовало собой начало нового, корыстного века. Требования речников защитить их право на труд будут, конечно же, поддержаны большой группой сторонников сохранения традиционного уклада жизни. Но кроме них есть и независимая группа прогрессистов, всегда готовая ринуться в бой, когда встает вопрос о строительстве новой дороги или расширении автомобильного движения.

Особенно яростно, хотя и без эксцессов, развернется битва между старым и новым в чайной, у колдунца и практически в каждой семье. Дело не в том, что деревенский житель не в состоянии оценить

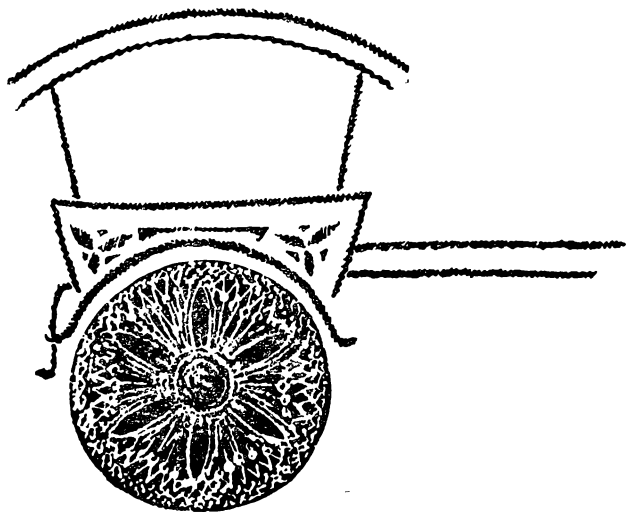
преимущества автотранспорта, это скорее извечная неприязнь к нововведениям. Данное обстоятельство, кроме всего прочего, тоже является одной из причин того, что нотариус, как и его верный слуга, выглядит таким хмурым.

— Да,— говорит он,— ведь это то же самое, что отвернуться от родной матери!

Конечно, Синадхая — дар Нилганги. Река — это все. И кто знает, может быть, мои опасения относительно будущего моей деревни напрасны? Хотелось бы в это верить.

Кумаран Велупиллаи

Люди
зеленого
царства

ЧЕЛОВЕК РОДИЛСЯ

От предгорий центрального массива до горных районов провинции Ува¹ раскинулся край чайных плантаций. Среди зеленых холмов, вдали от городов и деревень, изолированные от всего на свете, живут сотни тысяч плантационных рабочих. Занятые повседневным трудом в этом вечнозеленом царстве — то обрезают сухие ветви чайных кустов, то собирают зеленые листочки, — они совершенно не имеют связи с внешним миром.

Несмотря на все трудности, они ведут жизнь, полную своеобразия, живых красок и ритмов. Их душевные переживания, их радости и печали, сплетаясь в узор из света и тени, проявляются в их социальной, религиозной и культурной жизни. Их обычаи, в основе своей индуистские, непохожи на те, которые соблюдают их единоверцы, живущие в Джафне, Баттикалоа или Тринкомали². Эти обычаи различаются в зависимости от касты, к которой они принадлежат, или от деревни в Индии, откуда прибыли предки плантационных рабочих около 150 лет назад. Каждое событие на плантациях, будь то рождение ребенка, вдевание сережек девочкам, свадьба, похороны или поклонение богам, принимает форму твердо установленного ритуала.

Семья, состоящая из отца, матери, двоих маленьких детей и взрослой дочери, часто живет в одной комнате площадью 10 на 12 футов. На этом маленьком пространстве отмечают и все торжественные события.

Рождение ребенка, как и повсюду, — особенно радостное событие. Когда во чреве матери дает о себе знать новая жизнь, это сразу же становится известно всей округе. Стоит женщинам собраться вместе у пруда, где полощут белье, или у водопроводной колонки, как начинаются пересуды.

— Эй, Мутхамма! — говорит Мина. — Я слышала, что Панджали не купается.

— Да, дело серьезное. Это ведь ее первый ребенок, — вступают другие.

Арджуна, муж Панджали, ходит небритым в знак нарушения нормальной супружеской жизни. Обычно так делают индусы на плантациях, когда их жены беременны или совершают паломничество в Катарагаму. Мужчины тоже начинают обсуждать это и высказывают свое одобрение Арджуна:

— Послушай, я узнал приятную новость. С какого времени сестра не купается?

— С октября, — отвечает Арджуна. — Всего лишь два месяца.

Опытные женщины наперебой дают советы Панджали: что можно есть, а чего нельзя, что можно делать, а что нет. Так, советуют не резать огурцы и тыкву, а также не шить платья и рубашки, чтобы у ребенка не было заячьей губы или уродливых ушей.

На третьем месяце Панджали надо бы сходить к акушерке, но она предпочитает посетить сначала храм Мариамман³. После этого каждую пятницу вечером она совершает омовение и в мокром платье несет в храм цветы и зажигает там светильник. И хотя рядом есть амбулатория с палатой для рожениц, Панджали и ее родственники решают по-другому. Панджали будет рожать дома.

Как только начинаются роды, Арджуна бежит в амбулаторию и приглашает акушерку. Она входит в дом Панджали и видит: комната полна женщин, родственников и даже детей. Она решительно всех выпроваживает.

Наконец за наспех сделанной ширмой появляется новая жизнь. Независимо от того, что из лекарств предпишет амбулатория или порекомендует акушерка, особый сорт арака «старой выдержки» и снадобье, называемое *кайям*, потихоньку дадут Панджали, чтобы она быстрее окрепла после родов.

Панджали и ее крошечное дитя лежат в углу, укрытые одеялом. Горшок с горящими углями согревает комнату. Время от времени зажигаются ароматические палочки⁴. Нож, кусок железа или старый ботинок лежит около порога, чтобы отгонять от дома злых духов. Как только родился ребенок, дядя со стороны отца вкапывает в землю у самого входа в

дом несколько манговых веток, символизирующих рождение в доме новой жизни. Ведь листья манго — символ благополучия.

Арджуна, считающийся человеком небедным, приглашает родственников и друзей отметить это важное событие. Центральная фигура на торжествах — мужчина средних лет, которого все называют дядя Палани. Он — хранитель традиций и обычаев общины. По указаниям дяди Палани Арджуна обносит гостей сладостями, специально приготовленными для этого случая. Эта церемония называется «угощение саркарай».

Целую неделю соседи не будут проходить мимо дома Панджали, чтобы не взглянуть ребенка. Будет соблюдаться в некотором роде «неприкасаемость». Только родственникам можно находиться в доме, а посторонним нельзя даже входить туда, тем более есть и пить там. На седьмой день Панджали впервые оmyвает себя водой, настоянной на листьях ним и паватта, под покровом манговых веток. Затем эти ветки выбрасывают.

Имя ребенку дают не сразу. При регистрации местная амбулатория может записать любое имя, но отец дает имя новорожденному лишь по истечении семи дней. В результате за многими детьми записано по два имени. Правда, гордым владельцам двух имен пришлось столкнуться с некоторыми трудностями, когда встал вопрос об оформлении документов в связи с законом, предусматривавшим определение гражданства — ланкийского или индийского.

По истечении тридцати дней горшки, циновки, подушки и постельное белье выбрасывают, Арджуна заменяет их новыми. Стены комнаты белят, а пол промазывают коровьим навозом. И вновь собирается веселая компания родственников и друзей. В конце застолья, собравшись уже уходить, дядя Палани говорит ко всеобщему удовольствию:

— Теперь соседи будут заходить к вам за солью, готовьтесь принимать их.

Брат Панджали, Надесан, подвязывает к потолку веревки для колыбели (люлькой служит крепкое сари). Затем внезапно раздается крик малыша. Панджали осторожно берет ребенка, кладет в люльку и нежно убаюкивает. Она робким, трепетным голосом начинает напевать старинную колыбельную песню:

Ари-ра-ро-ра-ра-ро...
Когда я качаю твою колыбельку,
Занавески колышутся в такт.
Не пугайся, это твой добрый дядя
Закрывает тебе глазки во сне.

ЗОЛОТЫЕ СЕРЕЖКИ

Пожилые дядюшки и старшие братья пользуются особым уважением на плантациях за их умение добродушно подшучивать над другими. Это особое искусство, дающее им большие преимущества при обсуждении всяких семейных дел. Дядя Палани, прославившийся именно этим, как-то вечером, встретив Арджунана, начинает такой разговор в своей обычной манере:

— Я слышал, ты собираешься пригласить меня на угощение? Давненько я не был у тебя в гостях.

Арджунан хорошо знает, что дядя Палани никогда не говорит наобум. Но у Арджунана сейчас материальные затруднения, и он не знает, как быть. Дядя Палани приходит ему на помощь:

— В наше время люди забыли многие обычаи. Иногда им надо напоминать об их обязанностях. Почему вы не прокалываете ушки у вашей девочки? По-моему, уже пора.

— О да, дядя. Девочке уже исполнилось шесть. Это надо сделать не откладывая. Вот только деньги получим.

— Нет, так не пойдет. Посоветуйся сначала с *пандаром*⁵, а потом уж назначай день.

В этот вечер Арджунан и Панджали долго не ложатся спать: они обсуждают новую проблему. Поскольку такое событие происходит в семье впервые, Панджали стремится отметить его с размахом, а Арджунан поскромнее. Наконец найден компромисс и назначена сумма — триста рупий на все расходы. Конечно, часть этих денег будет взята взаймы у старшего *кангани*⁶.

Пандарам называет 16 ноября как наиболее благоприятный день для такой церемонии. Арджунан начинает готовить приглашения, стремясь использовать для этого старые и новые формы. К родственникам и друзьям на плантациях он пошлет двоюродного брата, чтобы пригласить их по старому обычаю —

вручив листики бетеля и кусочки ореха арековой пальмы. Живущим в отдаленных местах Арджуна разойдет почтовые открытки.

Задолго до церемонии начинается генеральная уборка. Стены жилья белят известкой, а затем на них желтой и красной краской наносят традиционные узоры. Перед входом в жилую комнату сооружается небольшой навес из зеленых веток и папоротников. Повсюду висят манговые гирлянды, а в четырех углах комнаты стоят целые стволы бананов с висящими на них гроздьями плодов. Посреди комнаты делают небольшое возвышение из глины.

В торжественный день *дохби*⁷ накладывает последние «мазки», украшая комнату разноцветными кусками материи. Он также стелет длинный кусок белой ткани на скамейки, где будут сидеть гости. Местный ювелир и цирюльник также приглашены на это торжество.

Барабанщики занимают места по одну сторону навеса. Горят ярко начищенные лампы позади возвышения. Медные подносы, на которых лежат бетель, орехи арековой пальмы, бананы, маленькие баночки с сандаловой пастой и киноварью, стоят здесь же наготове. Арджуна, его шурин Надесан и их братья встречают гостей у входа. Каждая семья приносит с собой в дар кулек риса, овощи и новую одежду для девочки. Имена дарителей записываются, чтобы в будущем, когда представится случай, Арджуна не забыл сделать щедрые ответные подношения.

Итак, начало церемонии приближается. Мужчины собрались в кружок и подшучивают над виновницей торжества. Ее двоюродные братишки и сестренки хихикают по углам. Дядя Палани наконец восстанавливает тишину и руководит дальнейшим ходом церемонии. Вот за это женщины и уважают дядю Палани. Да и как не уважать его, если за свою жизнь он был распорядителем не менее чем на сотне свадеб? Кроме того, за ним всегда последнее слово, когда дело касается соблюдения традиционных обычаев и ритуалов. Под оглушительный треск барабанов отец ведет маленькую Джанаки на возвышение. Панджали беспокоится и, шепча: «Осторожнее, пожалуйста», закрывает руками глаза.

— Не беспокойся, детка, — говорит дядя Палани, — твоя маленькая девочка не сахарная. Ведь не раста-

ет она, а? Сейчас, сейчас, не три глаза, все будет хорошо.

Затем он оборачивается к мужчинам:

— Теперь все смотрите сюда. Надесан, ты дядя по материнской линии, поэтому не веди себя, как жених. Посади девочку на возвышение. Затем возьми священный пепел, поверни голову девочки к востоку и начинай. Эй, пандарам, ты тоже приготовься.

Профессиональными движениями пандарам торжественно раскладывает листики бетеля, кусочки ореха, бананы, камфору, ароматические палочки. Затем он разбивает кокосовые орехи и зажигает камфору на подносе со священным пеплом. Огонь возжигается в честь посвящения в «звенящие колокольчики». Тогда дядя Палани подает знак Надесану. Арджуна и его кузен как бы играючи зажимают легонько в своих руках Джанаки. Надесан берет головку девочки и быстрым движением прокалывает мочки ушек, затем вставляет специально сделанные сережки. Ювелир, который находится рядом, закрепляет их.

Джанаки кричит: «Ай, мама! Ай, мама!»

— Ах ты, маленький постреленок! Не кричи,— укоряет ее дядя Палани.— Эй вы, музыканты, что вы устались на девочку? Играйте громче!

Раздаются громкие звуки музыки, которая заглушает плач ребенка. И вот уже дети хлопают в ладоши, раздается их радостный смех. Панджали, улыбаясь сквозь слезы, берет маленькую Джанаки на руки.

— Арджуна, подавай кушанья,— командует дядя Палани.

На веранде вдоль стены разложены циновки. На них и на скамейках рассаживаются гости по степени родства. Некоторые мужчины покашливают, они уже успели хлебнуть спиртного.

Кто-то раздает банановые листья, которые заменяют тарелки, другой предлагает на подносе карри, затем рис. Пир уже продолжается больше часа. Пандарам, ювелир, дхоби и цирюльник получают за труды деньгами и продуктами.

После угощения кто-нибудь из родственников подходит к возвышению посмотреть, сколько собрано денег в соответствии с обычаем, называемым *мои*. Нараспев дядя Палани объявляет, кто сколько внес

денег, чтобы все присутствующие слышали. Если традиционный обряд не соблюсти в точности, кто-нибудь из обиженных гостей громко запротестует:

— Вы видели, друзья? Конечно, я не знатный человек и дядя Палани мог не заметить меня...

— Мой дорогой родственник,— говорит обаятельный дядя Палани,— я слежу очень внимательно за тем, чтобы никого не обидели. Может быть, и есть какая-то промашка на этих торжествах маленькой девочки — пожалуйста, не принимайте это близко к сердцу. В конце концов, здесь наше общее дело — ваше и мое.

И дядя Палани продолжает громко, чтобы загладить недоразумение:

— Мои в сумме одиннадцати рупий внес родственник Рамиа, родственник Рамиа!

Подарки называются в соответствии со степенью родства. Как обычно, имена дарителей записываются. Дядя Палани строго наблюдает за происходящим. Поднос с бетелем несколько раз передается по кругу. Далеко за полночь гости, наконец, расходятся по домам.

ДЖАНАКИ ПОДРОСЛА

Проникновение современных веяний в среду жителей чайных плантаций сильно беспокоит дядю Палани. «Проклятое вино вторглось в нашу жизнь и нарушило славные традиции и обычаи,— думает он.— Недалек тот день, когда наши дети и дети наших детей отупеют от этого и станут подобны скотам».

Бесцельно бредет он вдоль барачков и наконец заходит на веранду Арджунана. Его тепло приветствуют. Наученная матерью, Джанаки приносит поднос с бетелем, орехами арековой пальмы и известью⁸. Девочке только что исполнилось двенадцать лет. На ней зеленая юбка и красная кофточка. Приятный цвет лица, точеная фигурка, пучок темных волос и пара живых, озорных глаз — такова Джанаки. Дядя Палани берет ее за руку и говорит:

— А, моя маленькая шалунья, как ты выросла, озорница!

Он щиплет ее за щечку и отстраняет от себя. «Девочки растут быстро, как трава»,— думает он вслух.

И вдруг обрушивается на Арджунана и Панджали:
— Панджали, подойди сюда. Что с вами случилось, друзья? Что на вас напало? Ты же мать двоих детей!

Панджали стоит, прислонившись к косяку двери, и пальцем правой ноги почесывает левую.

— Твоя девочка уже выросла, а ты все еще одеваешь ее в цветное платье. Это позор для Арджунана и твоего брата!

Дядя Палани берет несколько листьев бетеля, встает и уходит. Тотчас же Джанаки заставляют надеть белое сари с красной каймой — *камби салаи*. Только такую одежду должна носить девочка в этом возрасте.

Однажды вечером, когда Панджали возвращается с плантации, она замечает женщин, толпящихся у ее окон. Она сразу поняла, что дядя Палани спас ее от худой молвы. Панджали проходит мимо толпящихся женщин, обнимает Джанаки и пускает одну-две слезинки с причитаниями:

— Я знала, что наступит день, когда мне придется расстаться с тобой, мое любимое дитя.

— Нельзя же держать дочь под крылышком всю жизнь. Наступит время, когда она должна будет покинуть родной дом. Ты ведь так же поступила со своей матерью, — ворчит старшая двоюродная сестра.

Для поддержания доброй традиции Панджали с беспокойством спрашивает:

— Кто из вас первой ее увидел?

— Я, — говорит Летчими, замужняя женщина, имеющая детей.

— Очень хорошо. В какое время?

— Что-то около часа.

— Где в то время была дочь?

— У твоего участка.

— Ты, наверное, сделала, что нужно?

— Конечно. Я покрыла ее голову, дала ей в руки зеленые листья и привела домой. Ее отец уже спрашивал пандарама, благоприятно ли время.

— И что же тот сказал?

— Очень подходящее время, Панджали.

После этого разговора Панджали посылает за женой дхоби, затем просит своих двоюродных сестер принести семь горшков воды для церемонии «обливания водой». Шурин Арджунана Надесан вместе со

своими двоюродными братьями сооружает около веранды «зеленую хижину», в которой Джанаки должна будет находиться тридцать дней.

Церемония обливания водой короткая. Женщины становятся вокруг Джанаки и выливают на нее по очереди семь горшков воды под звуки тамтамов. После этой процедуры жена дхоби и мать ведут девочку в хижину, меняют ей платье, а затем зажигают плошку с кокосовым маслом — Джанаки должна обратиться с молитвой к богам.

В течение тридцати дней Джанаки приносят специально приготовленную пищу из дома дяди по материнской линии и тети по отцовской. Постоянно ее снабжают сырыми яйцами, кунжутным маслом, особыми лепешками на масле и кали — тестообразной массой из рисовой муки.

Каждое утро к девочке приходит жена дхоби и меняет белье. На третий, девятый и пятнадцатый день дхоби и его жена проводят церемонию *дхоби коил*. Они выводят Джанаки из хижины, ставят на кусок белой ткани и повязывают вокруг шеи конец шнура, а остальным шнуром, как вьющимся растением, обматывают тело девочки до самых ног. Так повторяется три раза. Все время с Джанаки в хижине спят тетушки, а на веранде всю ночь бодрствуют отец и двоюродный дедушка.

На тридцать первый день по обычаю проводится еще одна церемония — *садангу*. Под руководством дяди Палани воздвигается большой навес (*пандал*) из пальмовых и банановых листьев, папоротника, лиан. Он украшается тканями и гирляндами из манговых веток и цветов. В центре сооружается глиняное возвышение, которое украшается изображениями масок театра *колам*⁹, выполненными белой краской, и другими символами. Ярко горит медная лампа с пятью фитилями. Рядом в сосуде шафрановая вода с плавающим кокосовым орехом, скорлупа которого вся испещрена яркокрасными точками. Вокруг кокоса располагают три листика бетеля. Все это предназначено для церемонии *санги* — изгнания злых духов.

По ритуалу барабанщики и другие музыканты размещаются снаружи. Когда появляются гости, музыканты встречают их на полпути и под музыку провожают к навесу. Это называется «встретить с поче-

том». Такая процедура повторяется каждый раз, как прибывает новый гость.

В нужный момент выступает дядя Палани:

— Где дорогие тетушки нашей Джанаки? — спрашивает он.

— Мы здесь, — отвечает старшая из них.

— Тогда начинайте, мы же будет пировать.

Дхоби и его жена начинают в хижине церемонию *дхоби коил*. В соответствии с ритуалом шнур обви-вают вокруг ног, тела и шеи Джанаки. Наконец она освобождается от «пут» и ее вводят в дом. На де-вушку надевают кофточку и шелковое сари, к воло-сам прикалывают цветок. На лоб наносится красной краской тика — на счастье. Золотые украшения на руках и в ушах дополняют убранство. Тетушки и мать ведут Джанаки к возвышению. В то время как мужчины стоят на почтительном расстоянии, женщи-ны берут инициативу в свои руки. Они сажают Джа-наки на возвышение лицом к востоку. Одна из тету-шек начинает церемонию *санги*, трехкратно вращая молодой кокосовый орех вокруг головы Джанаки.

— Пора, — говорит другая тетушка, обращаясь к мужчинам.

Дядя Палани адресуется к собравшимся:

— Почтенные, вы разрешаете надеть гирлянду на «новую женщину»?

— Да, да, конечно, — отвечают женщины.

— Эй, дядя по матери, Надесан, где твоя гир-лянда?

На большом подносе Надесан выносит гирлянду из жасмина. Дядя Палани и Надесан берут ее и под-нимают вверх, как бы прося благословения старших. Затем Надесан подходит к Джанаки, «новая женщи-на» берет гирлянду и гордо смотрит вокруг. Надесан спрашивает женщин:

— Можно, я начну церемонию? Я дядя Джанаки с материнской стороны.

— Давай, давай! Неужели мы не знаем, кто ты! Общий смех.

— Все правильно, мой друг, — одобряет его дядя Палани.

Гирлянда живописно ложится на плечи Джанаки. Музыканты играют нечто торжественное. В строгом соответствии с родственными отношениями каждый надевает свою цветочную гирлянду на шею Джанаки.

Наконец жена Надесана уводит ее в дом. Так кончается церемония садангу.

Начинается пиршество. Подается рис с различными овощами, баранина и цыплята. Напитков тоже достаточно. Сам Арджуна и его братья ухаживают за гостями, выносят из комнаты пальмовые листья после еды.

Около полуночи начинается церемония подношений — *мои*. И дядя Палани энергично восклицает:

— Послушайте, дорогие родственники! Вы заметили, что мы второй раз собираемся в доме Арджуна?

Не успел дядя Палани закончить, как его прервал Надесан:

— Да, дядя Палани, мой зять хороший человек. Я знал это еще до того, как моя сестра вошла в этот дом. Я передаю для племянницы мои — 101 рупию.

— Брат Надесан, я следую твоему примеру. Даю столько же для племянницы.

Церемония продолжается до самого рассвета.

ПРИЯТНЫЕ НОВОСТИ

Пять лет прошло с тех пор, как Джанаки достигла половой зрелости. Она выросла и стала жизнерадостной, цветущей девушкой. Арджуна редко разговаривает с Джанаки. Но в этом нарочитом равнодушии — глубокое и постоянное взаимопонимание. Он уже думает о ней не иначе, как о будущей «маленькой маме». В свою очередь, Панджали обращается к ней как с сестрой, однако с гордостью называет ее дочерью. Руководствуясь старой пословицей «вырасти девушку завернутой в пальмовые листья», Панджали всегда начеку. Целыми днями она не спускает с нее глаз, будь то дома или на улице.

Однажды вечером Надесан и его жена Амиртхам в сопровождении дяди Палани нагрянули к Арджунану. Хозяин понял значение такого визита и, едва увидев гостей, тотчас пошел им навстречу с приветствием:

— А, дядя Палани, шурина, сестра, заходите же, заходите! Панджали, твой брат пришел с невесткой и с ними дядя Палани.

Панджали выходит из комнаты и тоже привет-

ствуется гостей. Она приглашает Амиртхам в дом, в то время как мужчины остаются на веранде и ведут свой разговор. В подходящий момент дядя Палани начинает покашливать, давая этим понять, что хочет сообщить нечто очень важное. Супруги с почтением смотрят на него.

— Арджунан, твой племянник — сын Надесана — вырос и стал настоящим мужчиной. Мы не хотим, чтобы Алагесан долго ходил в холостяках. Его дядя по матери Раму хочет посватать его.

— И вот, мы пришли за невестой в ваш дом! — говорит Надесан.

— Да, брат, — подтверждает Амиртхам, присоединяясь к мужчинам на веранде. — Брат Раму просил меня об этом.

— Ах, ну что за церемонии! Считайте, что девушка уже ваша. Берите ее в свой дом хоть сегодня, — говорит Панджали.

— Не надо торопиться, Панджали, — возражает дядя Палани. — Они пришли, чтобы назвать день помолвки, а завтра, по их словам, благоприятный день.

— Пусть будет так, дядя Палани. Она пойдет туда, куда ей положено.

Угостившись бетелем, Надесан и Амиртхам уходят. Дядя Палани остается, чтобы дать несколько советов родителям:

— Арджунан, ты хорошо сказал. Все правильно. Завтра вечером в подходящее для такого случая время они придут. Приготовь угощение и купи красивое сари для Амиртхам. И скажи Джанаки, чтобы она поухаживала за ней. Слышишь, Панджали?

— Да, дядя.

— Между прочим, Надесан хочет часть свадебных расходов взять на себя, — говорит дядя Палани. — Что вы на это скажете?

— Нет, дядя, нет. Я не пошел бы на это, даже если б был нищим.

— А почему бы моему брату не взять на себя часть расходов на моего ребенка? — недовольно возражает Панджали.

— Эй, женщина, — вспыхивает Арджунан, — о каком доме ты больше печешься? О доме своего отца или о моем доме, доме моего отца? Твой отец не принял от нас ни одного цента. Я хорошо помню это, и он был прав.

— Дядя, когда заходит речь о помощи моих родственников, он всегда выходит из себя. Ну, а если мой брат хочет принять на себя часть расходов ради моей дочери...

— Нет, все надо делать с умом, как делали наши предки. Ты, Панджали, вошла в этот дом, чтобы охранять его очаг. Арджуна теперь может возместить то, что он взял когда-то из дома твоего отца.

Через некоторое время дядя Палани и Арджуна выходят вместе, чтобы сделать необходимые покупки на завтра.

На следующий день вечером дядя Палани приходит в дом Арджуна уже по особому приглашению. Здесь вместе с Арджуном он ждет прибытия Надесана и других гостей. Панджали зажигает в комнате медную лампу, принесенную по этому случаю из дома отца. Джанаки, одетая в желтое сари и красную кофточку, старается держаться в стороне.

Перед самым заходом солнца Надесан, его жена Амиртхам, ее брат Раму и ребенок приходят в дом невесты, принося с собой два больших подноса с подношениями (*парисам*). Поскольку три человека — неблагоприятное сочетание, в компанию включен соседский ребенок. Парисам состоит из белого сари, называемого *кураи сали*, пятисот листиков бетеля, орехов арековой пальмы, девяти кокосовых орехов и бананов. Раму приветствует дядю Палани первого, затем здоровается с другими. Панджали приглашает Амиртхам войти в дом, где их почти ослепляет ярко горящая лампа. Джанаки приветствует Амиртхам низким поклоном, касаясь руками ее ног.

После трапезы по указанию дяди Палани подношения раскладываются около лампы. На подносе зажигают благовония. Джанаки садится на полу перед лампой, скрестив ноги. Надесан мажет ее лоб священным пеплом и называет невестой Алагесана. Родители Джанаки стоят позади невесты, показывая этим, что они принимают предложение.

— Надесан, назови день и точное время для бракосочетания, — добавляет дядя Палани.

— Одиннадцатое января, единственный благоприятный день в последующие два месяца, — говорит Раму.

— А вы видели гороскоп — *порутхам*?

— Гороскоп очень хороший. Они предназначены

друг для друга. Как дядя по материнской линии я сделал все, что нужно. Теперь вы как старшие руководите нами.

— Прекрасно. Итак, бракосочетание состоится одиннадцатого января. Все согласны?

— Да, да, согласны.

— Не забудьте послать пораньше приглашения. Есть еще время обдумать и другие дела. Вот только как быть с помещением? Уже три поколения справляют свадьбы в этих крысиных норах! Ладно, я постараюсь получить разрешение на сооружение большого навеса — пандала,— говорит дядя Палани.

— Дядя, пора расходиться, уже темно.

— Да, пора и по домам. Джанаки, подойди сюда, попрощайся со своими дядей и тетей. Скоро они станут тебе отцом и матерью.

Джанаки выносит поднос с шелковым сари, бетелем и орехами арековой пальмы. Она подходит с подносом к Амиртхам. Та принимает подарок и взамен в виде благословения мажет лоб девушки священным пеплом.

— Желая тебе иметь много детей. Надеюсь, ты принесешь счастье в свой дом.

Затем дядя Палани спрашивает женщин:

— Ну, а как насчет предсвадебных угощений?

— Пусть матери с обеих сторон предупредят родственников,— говорит Раму.

Затем все благоговейно стоят перед светильником и отправляются домой.

В предшествующие свадьбе дни свыше десяти угощений дают родственники для молодой четы. Алагесана и Джанаки приглашают тетки со стороны отца и другие близкие родственники.

Однажды после обеда, когда Арджунан и Панджали сидели на веранде, они увидели жениха, идущего в гости к кому-то из родственников. Панджали потихоньку сообщает об этом Джанаки:

— Не выходи на улицу. Кто-нибудь может увидеть.

В этот момент брат дяди Палани Мутхиа, известный на плантации балагур и шутник, запекает старинную народную песню:

Буйвол всегда черный,
Молодой, он блестит, как зеркало,

Со свежим клеймом на лбу,
В полуденные часы он бродит вокруг.

С обеих сторон улицы раздается смех. Арджунан притворяется, что ничего не слышит. А Панджали говорит вдогонку: «Бедный парень». Джанаки же помалкивает, как того требует обычай.

АЛАГЕСАН ЖЕНИТСЯ

В январе перед окнами комнаты Арджунана был сооружен красивый навес (пандал). Он очень большой, под ним может поместиться до сотни человек. В центре сооружения — земляное возвышение. Оно украшено масками *колам* и называется *манавараи*, т. е. место для помолвленных. Справа от навеса посажены молоденькие деревца смоковницы и баньяна, а также бамбук. Они символизируют зарождение, долголетие и процветание. С левой стороны стоит пирамида из семи горшков, означающих жизненные силы. В первом горшке — вода, дающая жизнь; во втором — рис, который поддерживает жизнь; в третьем — соль, стимулятор жизни; в четвертом — девять зерен разных бобовых, символизирующие девять планет. Остальные три оставлены пустыми для божественной триады: Шивы, Брахмы и Рудры.

Справа, как раз перед манавараи, находится жертвенный очаг. Неподалеку от него подставки с подносом, на котором лежат кокосовый орех и три листика бетеля. Рядом с подносом — медное блюдо старинной работы с шафрановой водой, где плавают разорванные листики бетеля. С другой стороны стоят пять медных зажженных ламп. Подносы с листиками бетеля, орехами арековой пальмы, зернами риса и банановыми листьями расставлены перед очагом, где жрец будет проводить свои утомительные церемонии. У входа в пандал лежит каменная плита.

Царит веселое оживление. Помимо звуков большой медной трубы и барабанной дробы ревет громкоговоритель. Дядя Палани терпеть не может эту «оружную машину», так же как громкий смех и визгливое хихиканье молодежи.

Сегодня дядя Палани просто великолепен, что также соответствует традиции. На нем шелковое дхоти, повязанное красным поясом. Толстый слой сандаловой пасты воспроизводит рисунок трезубца на его

волосатой груди. Ярко-красная тика резко выделяется на лбу. Его седоватые усы в форме велосипедного руля придают ему особую торжественность. Когда происходят такие события, дядя Палани и говорит по-особенному: звуки у него исходят откуда-то из глубины гортани. Поэтому каждый признает его авторитет.

Родственники обеих семей — и те, кто живет поблизости, и приезжающие издалека — идут непрерывным потоком. Женщины в шелковых сари с браслетами на руках и ногах, звенящими при каждом движении, и цветами, приколотыми к волосам, следуют гуськом за главами своих семей, неся подносы с подарками — *сир*.

Избранной группе старших родственников из семьи невесты вменено в обязанность приветствовать гостей. Их встречают на полдороге музыкой и боем барабанов, затем с подобающей торжественностью препровождают под навес. Наконец посланный сообщает, что группа во главе с женихом приближается.

— Пойдемте приветствовать дорогих гостей, — говорит дядя Палани.

И вот барабанный бой и звуки флейт возвещают о прибытии жениха.

В то время как Арджуна и его родня остаются под навесом, часть стариков и молодых людей во главе с дядей Палани выходят навстречу жениху. Церемония, известная как «встреча гостей у входа», начинается. Приветствия не затягиваются надолго. Дядя Палани, полный достоинства, возглавляет обе группы. Надесан, его братья, двоюродные братья и их жены выступают впереди своих. Сразу вслед за ними идет главная фигура — жених Алагесан, молодой человек двадцати трех лет. Он высок ростом, хорошо сложен, с лицом бронзово-коричневого цвета, одет в шелковую рубашку, а на его широких плечах накидка. На правом запястье у него нить шафранового цвета, называемая *каппу*, которую полагается повязывать жениху. Старший кузен Джанаки играет роль шафера Алагесана.

Как только группа Алагесана подходит к навесу, дядя Палани отдает первое распоряжение:

— Отведите жениха в храм Ганеши¹⁰, разбейте там кокосовый орех и тотчас же возвращайтесь обратно.

Небольшая группа мужчин отправляется с Алагесаном в храм. Тем временем жрец зажигает в очаге девять веточек с разных деревьев. Уже наготове благовония и топленое масло, которые потребуются во время пения священных гимнов — мантр. Наконец Алагесан возвращается из храма.

— А теперь приведите невесту, — приказывает дядя Палани.

Амиртхам и Панджали незамедлительно проводят на возвышение Джанаки. Селлам, подружка невесты, помогает ей занять свое место. Подводят Алагесана, который садится рядом с невестой. Жрец читает молитвы сантхи. Потом, держа поднос с благовониями и камфорой, вращает его над головами жениха и невесты и читает мантры. После непродолжительного ритуала Алагесана и Джанаки уводят в комнату. За ними несут один из подносов.

Теперь дядя Палани готовится к последнему акту этой церемонии. Поклонившись гостям, он снимает покрывало с подноса, на котором находится брачное ожерелье — тхали. Ювелир, стоящий рядом с ним, торжественно берет тхали, кладет на подставку и молитвенно склоняется в сторону востока. В этот момент возвращаются в шелковых одеждах Алагесан и Джанаки. На Джанаки сари, кофточка, драгоценные украшения и цветы, подаренные Надесаном. Алагесан и Джанаки садятся рядом на возвышении для продолжения ритуала — религиозных песнопений. Неожиданно начинает звучать музыка.

— Ну что, начнем церемонию посвящения? — спрашивает дядя Палани.

— Хорошо, — кивает пандарам.

По указанию дяди Палани вокруг талии Джанаки повязывают длинный оранжевый шнур. Его концы передают Арджунану. С концами шнура в руках Арджунан подходит к Надесану. Надесан поворачивается к нему, раскрыв ладони. Жрец спрашивает имена их отцов.

— Кандан и Муруган, — отвечают они.

Затем жрец предлагает отцу невесты Арджунану повторить следующие слова: «Я, Арджунан, сын Кандана, перед лицом матери-земли и небес, перед солнцем и луной, перед всеми богами свидетельствую, что я отдаю свою дочь Джанаки в дом моего шурина Надесана, сына Муругана, как жену его сына».

Затем Арджунан кладет оба конца шнура в открытые ладони Надесана и трижды кропит его святой водой. Надесан помещает шнур рядом с Алагесаном. Все это означает, что Джанаки принимается Алагесаном в жены.

Далее жрец передает поднос с брачным ожерельем Раму, дяде жениха по материнской линии, для одобрения. Он благословляет его и передает дяде Палани, который, в свою очередь, передает по кругу старейшинам семей для благословения. Затем поднос с тхали возвращается Арджунану, Надесану и их женам, которые тоже благословляют его.

— А теперь тхали нужно повязать,— дает указание жрец.

— Завяжите хорошенько три узла. Да благословят вас боги! — говорит дядя Палани. Он поворачивается лицом к востоку. Обе его руки подняты над головой и молитвенно сложены. Алагесан берет тхали, повязывает вокруг шеи Джанаки и закрепляет три узла. Джанаки сидит, скромно опустив голову.

— Дядья и другие старшие родственники, украсьте гирляндами молодую пару,— провозглашает дядя Палани.

Пожилые родственники приближаются к возвышению. Они берут с подноса горсть зерен риса, смешанного с шафраном, прикасаются к головам жениха и невесты, их плечам и коленям и затем высыплют рис им на колени. После этого дядья и другие близкие родственники украшают молодоженов гирляндами цветов. Алагесан и Джанаки встают и почтительно кланяются присутствующим. Дядя Палани ведет их ко входу в пандал, где лежит каменная плита.

— Джанаки, поставь свою левую ногу на камень,— дает указание дядя Палани.— Запомни, это — Ахаликаи, несчастная жена мудреца Гаутамы, силой заклятия превращенная в скалу.

Затем он указывает на яркую звезду на небе.

— Теперь взгляни на эту звезду. Это — Арунтхатхи¹¹, самая постоянная звезда, украшающая небосклон. Запомни также и это.

Новобрачные возвращаются под навес, чтобы наконец прервать свой пост. Шафер жениха и подружка невесты отгораживают занавеской молодую чету от остальных присутствующих. Алагесан делает неловкие попытки угостить Джанаки фруктами и моло-

ком. Джанаки слишком застенчива, чтобы отвечать тем же.

— Твой парень не ел целый день. Накорми его получше, дорогая,— поддразнивает дядя Мутхиа Джанаки.

В конце церемонии жену и мужа заставляют играть в шутливые игры, например, надо достать щипцы для орехов из горшка с узким горлышком или же попытаться быстро схватить кокосовый орех.

Все это завершается большим пиршеством и сбором *мои*.

Алагесан живет в доме невесты три дня. На третий день начинается церемония обливания водой, известная как «танец с шафрановой водой». Невеста и жених вместе с кузенами разделяются на две группы, располагающиеся по обе стороны пандала, и обливают друг друга шафрановой водой. Все кузены участвуют в этой веселой свалке.

Навес разбирается и выбрасывается в реку. Джанаки с мужем направляются теперь в свой новый дом. От родителей Джанаки получает все необходимое из одежды, медные горшки, лампу, циновки, подушки, скребок для очистки кокосовых орехов и другую утварь.

Пожив три дня в своем доме, Джанаки и Алагесан наносят первый визит родителям Джанаки. Такой визит называют *марували* — «путь обратно». Во время пребывания здесь шафер жениха и подружка невесты изо всех сил стараются заставить молодых разговаривать друг с другом.

После вкусного угощения и поклонения семейным богам они уходят. Этот путь назад к своему дому называется *тхани вали* — «одинокий путь».

Дядя Палани ставит тяжелый поднос на голову Джанаки. Она понимает значение этого ритуала и обращается с просьбой:

— Пожалуйста, дядюшка, не делайте этого. Вы же знаете, что я лучше упаду на дороге, чем позову его на помощь!

— Так надо, дорогая, ничего не поделаешь.

— Мой младший брат,— причитает Панджали со слезами радости и горя одновременно, обращаясь к Алагесану,— ты теперь будешь вместо отца и матери для моей дочурки...

— Заботься о своей жене,— вторит ей Арджунан.

Молодая пара уходит. Алагесан идет далеко впереди Джанаки. Не прошли они еще и мили, как Джанаки устает от тяжелого груза. Она робко зовет:

— Подойди ко мне и возьми поднос. У меня голова раскалывается.

— Разве он такой тяжелый? — спрашивает Алагесан.

Джанаки не смотрит на него. Сказаны первые слова на долгом пути новобрачных по жизни.

КОГДА ПРИХОДИТ СМЕРТЬ

Однажды вечером, когда дядя Палани сидел в своем уголке, размышляя над последними событиями на плантации, он увидел фельдшера, выходящего из комнаты кангани Ситхамбарама. Лекарь был чем-то обеспокоен и опечален. Дядя Палани подошел к нему.

— Салам, дораи¹². Пожалуйста, сделайте все, что в ваших силах, чтобы вылечить кангани Ситхамбарама,— просит дядя Палани.

— Все доктора на Цейлоне не помогут ему теперь, Палани.

— Пожалуйста, не говорите так, сэр. Он же в моем возрасте. Кроме того, у него имеется еще дочь на выданье.

— Знаю, Палани. Но как можно спасти человека в таком тяжелом положении?

Фельдшер идет дальше своей дорогой. Дядя Палани направляется в комнату кангани Ситхамбарама. Там он видит его дочь Синтхамани. Она сидит с распущенными волосами и горестно причитает:

— Отец, отец! Зачем ты покидаешь меня? Разве ты не знаешь, что ты все для меня в этом мире? Когда тебя не станет, кого же я назову «отец»? Что же мне тогда делать?

Дядя Палани, не в силах вынести эту сцену, входит в комнату. Кангани Ситхамбарам лежит на деревянной кровати. До самых плеч он накрыт одеялом. Под ним его тело почти незаметно. У него совсем измученный вид, лицо осунулось, в глазах несказанное изумление. Он дышит с трудом, дыхание вымученное, неровное... Его жена Ракки сидит на полу, стиснув голову руками. Она все время кашляет, сморкается и вытирает мокрое от слез лицо.

Дядя Палани знает, что приход смерти в дом непохож на длинный зимний сон. Смерть налетает внезапно, как удар грома. Он понимает, что родственники должны быть готовы к тому, чтобы испытать всю меру скорби и горя. Он отводит сына Ситхамбарам в сторону и говорит:

— Арумугам, мне нечего сказать тебе. Ты сам все понимаешь.

— Да, дядя, я понимаю, хотя не могу смириться с этим. Мой отец ведь еще не стар.

— Никакой надежды нет. Ты слышишь меня, сын мой?

— Да, дядя.

— Будь мужественным. Мужчине не пристало плакать. Возьми себя в руки и покажи пример другим. Как старший сын ты должен исполнить свой последний долг. Разбей три кокосовых ореха и положи рядом с его головой. Поставь к изголовью медную лампу и зажги в ней три фитиля: один поярче, а другие слабым огнем. Пусть они горят всю ночь. А Мутхусвами пусть читает *викунтха амманай* (религиозный гимн, который читается у постели умирающего).

Вскоре начинается ритуал. Мутхусвами говорит нараспев первые строки. Ракки бьет себя в грудь и кричит выбегая:

— Господин мой, господин! Почему ты лишил меня дара речи?

Она видит Арумугама на веранде с другими родственниками и обнимает его:

— Сын мой, сын мой! Что же с нашим отцом?

— Успокойся, мама. Не надо, чтобы он слышал твои рыдания. Не причиняй ему новые страдания в этот час.

— Если бы я могла плакать, я бы залила слезами всю плантацию, сын мой.

Дядя Палани выходит на цыпочках, смотрит сердито на Ракки:

— Несчастливая, помолчи хоть минуту. Через некоторое время ты сможешь выплакать хоть все свое сердце, мы не будем тебе мешать.

— Да, мои господа. Я несчастная женщина.

Слышится голос:

— Дядя Палани, иди сюда скорей.

Палани видит, что Ситхамбарам умирает:

— Каким прекрасным вы были человеком! В конце концов все мы последуем за вами. Арумугам, Синтхамани, Ракки! Подойдите поближе к отцу. Дайте ему несколько глотков молока, пока он еще жив.

Арумугам и Синтхамани пытаются дать умирающему немного молока. Кангани Ситхамбарам открывает глаза, смотрит на дочь. С большим трудом он берет ее руку и вкладывает в руку Арумугама. Ситхамбарам вдруг говорит:

— Ракки, дети мои! Да благословит вас бог! Брат Палани — мои дети...

Его голос прерывается, глаза закрываются, щекам катятся слезы. Женщины садятся у изголовья умершего и начинают оплакивать его. По указанию дяди Палани самые близкие родственники закрывают глаза и рот кангани Ситхамбарам листьями бетеля с шафрановой пастой и привязывают их полоской белой материи. Посланец с непокрытой головой отправляется к родственникам и друзьям, чтобы сообщить печальную весть. Всю ночь напролет глухо гремят тамтамы. Один из выбивающих ритм на тамтаме поет *наваратна оппар*.

В доме, где есть покойник, не готовят пищу и не едят. Присутствующим подается только бетель. Дядя Палани с родственниками становится в комнате, чтобы принять друзей и знакомых умершего. Они стоят все рядом с открытыми ладонями навстречу входящим. Посетители касаются их ладоней и молча кланяются. Женщины приносят для покойного покрывало, рис и масло на медном блюде. Они присоединяются к другим женщинам и тоже начинают причитать и плакать.

Дядя Палани дает указание близстоящим родственникам и дхоби соорудить носилки, чтобы отнести умершего к месту погребения. По существу, это паланкин, сделанный из бамбука и украшенный разноцветной бумагой и цветами. Тело Ситхамбарам обмывают, одевают в одежду, которую он надевал на свою свадьбу, готовя его таким образом в последний путь. Все женщины, выходя на улицу, бьют себя в грудь и нараспев читают оппар. Эта часть погребальных причитаний имеет свое название.

— Во время прощания не должно быть плача. Женщины, перестаньте,— приказывает дядя Палани.— Арумугам, неси покойного со стороны головы,

другие родственники, возьмите его за ноги и кладите в гроб. Прежде чем забивать гвоздями крышку, можно всем попрощаться с умершим.

Синтхамани падает на гроб и громко рыдает. Словно сошедшая с ума от горя, Ракки бросается рядом с ней, затем спрашивает сына:

— Зачем вы уносите вашего отца? Я не позволю.

Вмешивается дядя Палани:

— Мужчины, закрывайте крышку. Арумугам, уведи свою мать. Теперь поставьте гроб на носилки и давайте поторопимся.

Под суровые ритмы тамтамов тело кангани Ситхамбарамы несут по направлению к участку, где расположено небольшое кладбище. Барабанщики возглавляют процессию. Затем идут мужчины и женщины — плакальщики. На всем пути они разбрасывают рис. Когда процессия достигает середины пути между домом и местом погребения, дядя Палани приказывает женщинам вернуться домой. Носилки поворачивают другой стороной, и процессия следует дальше; теперь в ней участвуют только мужчины. Когда подходят к могиле, носилки опускают. Дядя Палани стоит на краю могилы с восточной стороны и руководит похоронами:

— Теперь, родные умершего, выходите вперед. Быстрее. Снимите гроб с носилок. Попросите дхоби и цирюльника закончить их работу.

Гроб ставится на землю. Дхоби меняет одежду Ситхамбарамы, цирюльник снимает украшения с покойного: серьги, кольца, браслет с правой руки, серебряный шнур с талии. Затем крышку гроба забивают и опускают гроб в могилу. Старший сын Арумугам бросает первым горсть земли, другие делают то же.

— Арумугам, ты должен побрить голову и принести на могилу глиняный горшок с водой, — подсказывает дядя Палани.

Через несколько минут приходит Арумугам, на его бритой голове стоит горшок с водой. Дядя Палани обводит его вокруг могилы. Затем в горшке пробивают небольшое отверстие, через которое вода выливается на могилу. Совершается три таких круга, и каждый раз в горшке пробивают новое отверстие.

После завершения этой короткой церемонии дхоби на перекрестке дорог расстилает кусок белой тка-

ни. Мужчины садятся на него в соответствии со степенью родства. Дядя Палани объявляет:

— А теперь давайте побыстрее проведем *катта мои*.

Катта мои — церемония сбора с каждого по 25 центов, чтобы заплатить цирюльнику, дхоби, барабанщикам и могильщикам. Взносы собраны в скорбном молчании, деньги выплачены, кому следует. Тотчас же все эти люди удаляются.

После небольшого омовения и смены одежды мужчины расходятся по домам. Арумугам идет домой в сопровождении дяди Палани. При входе в дом вернувшиеся с похорон получают по щепотке пепла и немного воды. На правой ладони каждый из них смешивает это и образовавшейся массой натирает себе голову. Затем все входят в дом. Зажженная лампа как бы приветствует их. Мать Арумугама Ракки и его сестра Синтхамани жалобно причитают...

На тридцатый день проводится *каруматхи*. В соответствии с этим обычаем старая глиняная посуда выбрасывается и заменяется новой. Циновки и подушки также заменяются новыми. В доме делают полную уборку.

После захода солнца при свете лампы на веранде собираются родственники. Приходит дядя Палани и занимает самое почетное место:

— Родственники по линии отца и матери, займите свои места. Давайте начнем с помазания маслом.

Арумугам, в набедренной повязке, садится во главе ряда дядьев и кузин по материнской и отцовской линиям, старший родственник обходит их и натирает их головы маслом. В конце этой процедуры мужчины совершают омовение, меняют одежду и вновь собираются, чтобы увидеть подношения духу Ситхамбарама. Раздаются его вещи на память. Тут же предлагается рис и карри, рядом стоит бутылка аррака — на том самом месте, где он испустил последний вздох. Ракки, Синтхамани и Арумуган зажигают медную лампу и начинают моления.

Скромное угощение предлагается в 9 часов вечера. Подаются вино и цыплята. В завершение начинается церемония с тюрбаном, который повязывают Арумугаму, а затем остальным родственникам-мужчинам.

В течение года в этом доме не будет брачных це-

ремоний, забав и веселья. Ни Понгал¹³, ни Дипавали¹⁴, ни другие храмовые праздники не войдут в этот дом. Однако дядя Палани полон надежды. Он понимает, что жизнь неотделима от смерти. После смерти жизнь снова пойдет своим чередом. Собравшись уходить, он вспоминает скорбные слова Ситхамани: «К кому же мне теперь обращаться в трудный час, мой отец?»

Ее милое, печальное лицо стоит перед его глазами. Минуту он колеблется, а потом мягким голосом говорит:

— Дитя мое, бог тебя защитит. Что я могу сказать тебе сейчас? Лишь одно — в следующем году в этом доме снова зажжется свет.

САГА О ЧАЕ

Это был короткий, но бурный период кофейного бума на Цейлоне. В 1825 г. впервые рабочая сила была завербована в Южной Индии по контрактам.

Однако дело с кофе потерпело неудачу, и на острове в широком масштабе стали создаваться чайные плантации. Для выращивания чая также нужна была постоянная рабочая сила. Сингалы как равнинных, так и горных районов не захотели заниматься этим, а потому снова потребовались рабочие из Индии.

Завербованные должны были совершать огромные переходы в сотни миль из различных частей Южной Индии, чтобы достичь побережья, откуда на примитивных суденышках они доставлялись в порты Северного Цейлона. Затем они шли еще много миль по засушливой зоне, джунглям, болотам, пока не добирались до центральных горных районов, где создавались плантации.

Во время путешествия и после им как пионерам приходилось испытывать много лишений. Тогда и родилось у них множество песен. В песнях отразилось все: их работа, переживания и надежды, праздники и церемонии. Эти песни исполнялись в традиционном классическом стиле. В них видна чувствительность натуры индийских рабочих, которая в течение веков питалась древними легендами и мифами, пуранами¹⁵ и другими эпическими сказаниями. Эти корни оказались настолько сильными, что и в другой стране они

дали побег, по-прежнему богатые как ритмами, так и воображением.

Среди этих песен есть такие, которые рассказывают о временах, когда развивалась чайная промышленность. Восприятие отдельных событий и всего в целом составляет целую сагу, полную жизни. Удивительно, что их поэтическое видение не было подвержено влиянию тенденций, которые создало общество, поделенное на господ и слуг.

Перед нами возникают яркие образы главного управляющего плантациями и его помощника, известных здесь как *перия дораи* и *синна дораи*, старшего кангани¹⁶ и его агента — вербовщика. Все они, кажется, выступают из туманного прошлого, чтобы дать нам яркое представление о жизни, которая шла свыше ста лет назад на кофейных плантациях и позднее — в период лихорадочной активности по освоению чайных. Но из всех персонажей наиболее колоритной фигурой был вербовщик рабочей силы. Он совершал частые поездки на побережье, чтобы доставить новую партию рабочих. По натуре он, вероятно, был авантюрист, мелкий карьерист с чертами бродячего Дон Жуана. Его амурные дела и другие «подвиги» во время странствий дали пищу многим запоминающимся песням:

О Каруппае из Канди!
Моя Минатчи из Гампола!
Любимая Рамае из Отха-кадаи!
Вашу любовь я буду помнить всегда.

Эта песня дает некоторое представление о географии поездок вербовщика. В течение длительных поездок по острову он находил отдых и развлечения в харчевнях, где делами заправляли упомянутые женщины, не пренебрегавшие и любовными утехами. В те дни Канди и Гампола были главными пунктами на пути движения иммигрантов, предоставлявшими им убежище и пищу после утомительного перехода из Курунегалы. Может быть, этот вербовщик работал на старшего кангани в районе Дикоя-Дамбулла.

В своей деятельности на побережье он прибегал к методам, которые на первый взгляд казались безобидными. В черном пиджаке, красном тюрбане и цветном дхоти он появлялся на деревенской площади или на рынке, где собирались женщины. Он рассказывал им о счастливой жизни в горах Канди, стране,

где текут реки молока и меда, соблазнял их сказками о царстве мира и изобилия, где «кокосовые орехи и мальдивская рыба растут под чайными кустами». Вероятно, условия жизни в этом зеленом царстве в общих чертах были известны женщинам. Они пели:

Не рассказывай мне о Канди,
Не повторяй это название:
Хотя в этом царстве нет каст,
Но правит здесь злой кангани.

Цейлон был более известен в Южной Индии как Канди, потому что тамильская религиозная литература о Катаррагаме и Шри Пада¹⁷ упоминала Цейлон под названием Канди. Позже короли Танджора называли Канди лишь горную столицу Цейлона.

К большому огорчению вербовщика, среди женщин распространялись и другие рассказы и песни:

Из всех кровопийц,
Сосущих нашу кровь каждый день,
Самый страшный — наш кангани,
Вы можете увидеть его в Канди.

Но все это отнюдь не мешало конечному его успеху. Путем уговоров, умасливания и комиссионных вознаграждений вербовщик набирал необходимое число мужчин, женщин и детей и доставлял их к портам Тхонди, Тхатапараи и Тутикорин. Людей сажали на грузовые суда и выходили в море, «если ветер был попутным». Однако условия на борту судна были невыносимы, а такие испытания, как морская болезнь, голод и различные инфекционные заболевания, бледнели перед ожидавшими их еще большими трудностями. Часто суда попадали в полосу муссонных ветров, и их тогда ждали большие превратности. Те несчастные создания, которые избегли опасностей на море, сходили на берег в Тхонда-манар, Песалаи, Бангале и Манаре на севере Цейлона и сочиняли горькие песни о своих невзгодах:

Налетает с севера шторм,
Дикий ветер завывает.
Волны моря бьются о борт,
Мы все вместе плывем на корабле.

Месяцами они добирались через болота и джунгли, приходили к Анурадхапуре, а затем шли в центральные горные районы. Места привалов и пункты первой помощи, разбросанные вдоль всего пути, не справлялись со своими задачами и не могли оказать

вовремя помощь падавшим от усталости людям. Песни, в которых отражены все опасности таких путешествий, лишения и страдания, гибель тысяч людей на этом горестном пути, ушли вместе со старшим поколением. Однако сохранилось двестише из одного предания, где рассказывается о расчистке джунглей. Работы производились под охраной вооруженных людей и барабанщиков с тамтамами:

И дикий кабан, и леопард
Гибли в горящем лесу.

Но не только дикие животные и лес гибли в этом всеобщем уничтожении — большие потери несли и рабочие:

Там, где поднялись кофейные деревья,
Где стоят колышки у границы плантации,
Что у самой дороги,
Я схоронил любимого брата.

Эта жалобная песня типична как выражение страданий всех плантационных рабочих того времени. Вероятно, каждая семья должна была внести свою лепту в число жертв во время разбивки плантаций. Это происходило из-за тяжелого характера работ на первоначальной стадии, что влекло за собой мучения и жертвы. И когда человек попадал в беду при тех или иных обстоятельствах, будь то на поле или в горах, об этом несчастье долго там помнили и давали этому месту новое название, в котором было отражено происшествие. Вот почему сегодня плантации и поля в горной части страны носят странные названия: «Поле мертвеца», «Лошадиная гора», «Скользкий камень».

Так кофейные деревья вырастали, политые кровью и потом плантационных рабочих, и это как бы вкрапляло в ландшафт огненно-красные бусины...

Цветное сари облегает ее бедра,
А по сторонам — кофейные деревья,
Ее проворные пальцы собирают зерна,
Заполняя мешок до краев.

В тот период плантаторы на кофейных плантациях не стремились к особому комфорту и подчас даже спали в своем бунгало не раздеваясь, прямо в башмаках. Их поддерживали дух авантюризма и вдохновляющие идеи о «строителе нации», что помогало им жить в чужой стране, за тысячи миль от родных и близких:

Он пил чашку кофе,
Садился на коня
И за десять минут
Объезжал все участки.

Разведение кофе достигло своей кульминации к 1869 году. Кофе помог развитию таких отраслей экономики, как банковское и торговое дело, а также способствовал развитию транспорта и посреднических агентств. Небольшие города стали появляться в плантационных округах, принося с собой всевозможные блага жизни, ставшие доступными. Счастье начало улыбаться пионерам плантационного хозяйства. Благосостояние стало заметно в одежде хозяев и в вещах, которые их окружали:

Эти брюки и пиджак,
И рубашка, и жилет,
Золотое кольцо и серебряные часы
Ослепляют глаза!
Зреют плоды,
Жасмин благоухает,
И пурпуром раскрасили цветы
Сад надсмотрщика.

Но период процветания продолжался недолго. Грибковая болезнь, обнаруженная на кофейных плантациях в 1869 г., за десять лет распространилась на все плантации. Было уже поздно, когда вся серьезность положения дошла до сознания плантаторов. Беда разразилась как гром среди ясного неба. Множество европейских компаний были потрясены до основания. Плантаторы, а также старшие кангани стали отправляться восвояси. Говорят, что многие исчезали ночью, бросив на произвол судьбы все свое имущество.

В тот переломный момент мало нашлось плантаторов, которые не захотели пасовать перед трудностями. Их не покидал луч надежды, и они напевали пророческую песенку:

Не горюй, моя любимая!
Ненадолго расстаемся,
Я вернусь обратно,
Когда настанут лучшие времена!

Да, плантатор и кангани, вербовщик и рабочие вновь появились на опустошенной земле и энергично взялись за дело. Они вновь начали готовить землю под плантации, отмечать колышками участки на скло-

нах холмов — теперь под посадки чая. Надсмотрщики на плантациях подгоняли людей, которые под палящими лучами полуденного солнца гнули спины, чтобы выкопать ямы для посадки чайных кустов:

Бесчисленное множество выкопал ям
Для новых посадок чая,
От усталости спину не мог разогнуть,
Кричал надсмотрщик, подгоняя:
«Эй, эй, давай копай, пошевеливайся».

Кангани также не щадил людей, в обязанности которых входило вносить удобрения под зеленые насаждения:

Была бы работа в радость
На полях, где растет чайный куст,
Но ударил меня кангани
И заставил таскать мешки.

Чай вновь дал надежду людям на возрождение плантаций, где погибли кофейные деревья. Перспектива интенсивного выращивания чая открыла новые возможности для обогащения английским плантаторам и увеличила спрос на индийских рабочих.

И снова на сцене появился вербовщик. Хотя его деятельность теперь регулировалась законом, он легко преодолевал всякие скучные формальности и привозил большие партии рабочих-иммигрантов. Их распределяли по более мелким группам, во главе которых стояли главы семей (впоследствии получившие название *младшие кангани*). Эти мелкие группы, в свою очередь, объединялись в более крупные во главе со старшим кангани. Он был для них всем: руководителем, поставщиком и другом, заимодавцем и лавочником. Он был единственным связующим звеном между рабочими и администрацией плантации. Таким образом, рабочий фактически оказывался пленником в структуре *кангани—дораи*. Эти феодальные отношения особенно наглядно проявлялись в употреблении слова «наш», которое часто повторяется в песнях:

Из всех дораи на земле
Лишь наш дораи нам судья.
Наш дораи — человек суровый,
Прочь с дороги, он идет!

Все это указывает на систему феодальных отношений, существовавших на плантации. Из аналогичных песен видно также, что главные управляющие

плантаций выполняли и судебские функции, до того как были созданы обычные суды. Вот почему рабочие не осмеливались идти по дороге, по которой «господин» совершал свой обход.

А вот еще один пример феодальных отношений:

О куст, о нежный лист!
Нашего дораи чайный лист,
Золотистый чайный лист!
Вот он идет, наш дораи.

Сборщицы чая были как бы частью чайного куста, дочерьми земли, на долю которых выпало одно — заботливо выращивать чай. И о некоторых из них, весьма искусных в своем деле, слагались легенды:

На Катта-дораи-патти
Две молоденькие девушки
Обходили рядышком
Чайные кусты,
Порхая, как воробушки.

Местные выражения и идиомы, использованные в этой песне, ясно показывают, что рабочие на Катта — дораи-патти (Пундалойя) пришли сюда из Мадур (Южная Индия). И упоминаемая долина Катмале была, вероятно, одной из первых, где начался сбор чая, и она вдохновила сборщиц чая на эту песню.

Тематика народного творчества была разнообразной: от возделывания чайных кустов и сбора зеленого чайного листа на плантациях до изготовления чая на фабриках. Наступило время, когда надо было отказаться от старых методов производства и построить новые фабрики, оснащенные механическим двигателем. И когда женщины пришли на работу в сортировочный цех, эта новость быстро разнеслась по всей округе:

Фабрика построена,
А в ней стоит двигатель,
О девушки, приходите,
Будем сортировать листья чая.

Для тех, кто не был допущен на фабрику, поэт в ярких красках изобразил происходящее на предприятии:

Сэр, двигатель стучит,
Медные колеса вращаются,
Приводные ремни бегут,
Стой тихо и смотри на эти чудеса.

Под контролем специалиста зеленый чайный лист вялился, скручивался, высушивался, просеивался, сортировался и упаковывался в ящики так, чтобы туда не попал влажный воздух. Наконец он был готов к отправке на международные рынки.

Шло время. Навьюченные быки и воловьки повозки проложили путь локомотиву. Нечеловеческими усилиями первопроходцев главная железнодорожная линия была построена. Как только первый поезд пропыхтел к Нану Ойя, транспортируя чай, это событие тотчас же нашло отражение в песне:

Шесть поездов, сотни окон
И пятьдесят шесть вагонов
Легко взбираются вверх,
На холмы Нелагири.

Жизнь плантационных рабочих в зеленом сумраке гор, несмотря на тяжелый труд, имела и свои светлые стороны. Плантатор построил клуб и скаковой круг, а старший кангани — храм для рабочих. Во время ежегодных праздников понгал и дипавали дорай отправлялся на охоту в леса Махавели и Элк Плейн в Нувара-Элии. Рамасвами и Минатчи (нарицательные имена рабочего и работницы) отмечали праздники песнями и танцами. Мужчины, женщины и дети в праздничном настроении собирались возле храмов или у дома старшего кангани, чтобы поздравить его. Одетая в пестрое сари, с цветами в волосах, с красными от бетеля губами, под аккомпанемент ножных браслетов девушка с чайной плантации со своими подружками танцевала и пела мелодию «кумми»:

Спойте, девушки, кумми,
Я угощу вас пальмовым сахаром.
Благослови мою песнь, мать Сарасвати¹⁸,
И пребудь со мной, пока я пою!

После того как отдана дань музе, девушка приветствовала кангани со всей почтительностью, необходимой в обращении к феодальным вождям. Она льстила ему, превозносила его, с притворной любезностью помогала дорай сесть на коня, наконец просила выплатить ей зарплату:

Смотрите, девушки, вот идет лошадь,
Лошадь идет покорно,
А на ней сидит
Наш господин, перия кангани.
Пожалуйста, попросите у него нашу зарплату.

По контрактной системе от имени рабочих всю зарплату получает старший кангани и раздает небольшие авансовые суммы главам семей. Остальные деньги он выплачивает лишь по праздничным дням. Работницы чайных плантаций, чтобы подкрепить свою просьбу, обычно не ссылаются на нехватку денег и на свое бедственное положение, а просто сравнивают те условия, в которых приходится работать ему и им:

Дождь хлещет бесконечным потоком,
Вода так и бежит с моей одежды.
А как блестят золотые серьги кангани!
Взгляните только на этого господина!

Этот намек на их мокрое платье и его золотые серьги показывает, что на плантациях существовал и мрачный юмор.

Вообще же это песни «о простых и грустных вещах», что и составляет жизнь рабочих:

Пусть в реке утонет мой контракт,
Пусть все зарастет травой.
Моя жизнь коротка, коротка,
И все, что есть в ней, это труд.

Так проходила их жизнь. В последующие годы рабочие плантаций вместе с родственниками в городских районах составили отдельную общину численностью до девятистот тысяч человек.

Лишь с введением избирательного права в районах плантаций рабочие начали постепенно перебираться из барачных построек. Когда тот или иной кандидат в члены парламента проезжал мимо плантации и призывал отдать свой голос за него, рабочие напевали:

Смотрите, явился, как ясный день,
Будто солнышко взошло из-за горы.

Странно, что «солнышко» тут же исчезало с небосклона, как только в горах появлялись предвестники социальных волнений.

Так это было. А теперь мужчины и женщины из этих районов образуют один из крупнейших отрядов рабочего класса Шри-Ланки, хотя они не имеют гражданства этой страны.

Задолго до того как первый политический деятель появился в районе плантаций, народный поэт с горечью увидел будущее своего народа...

Я утратил свою любимую родину
И с ней мою пальмовую рощу.
А в этой далекой прославленной Канди
Я потерял свою мать и свой дом.

Так печально кончается один из этапов вековой борьбы за существование людей, которые отдали все свои силы этой земле.

А певец простого народа замолчал навсегда в конце 30-х годов.

НАРОДНЫЙ ТЕАТР

Каждый год в марте месяце, когда луна вступает в свою третью фазу, звуки тамтама слышатся во многих районах горного края. Это совершенно определенный ритм: двойные удары через четыре равных интервала, а в конце целый каскад быстрых ударов. Удары спаузами между ними и частая дробь сопровождают песню и танец *каман кутху* — древнее народное представление, еще сохраняющееся на плантациях.

Первоначально это танцевальное представление было составной частью праздника урожая, который отмечался в Южной Индии в периоды мира и благополучия. Хотя со временем праздник во многом утратил свое первоначальное значение, однако остался его религиозный смысл, нужный для простых людей. Это и помогло сохранению своеобразного балета.

Итак, в марте во время третьей фазы луны на том же месте, где в прошлом году ставился «балет», все воскресало и оживлялось, как и предписано в прологе *камана*:

Когда молодая луна
Достигнет своей третьей фазы,
Вырой ямку в том месте,
Где встречаются три дороги.
Налей туда разбавленное молоко,
Надоенное после первого отела,
Опусти в него серебряную монету;
Молодое деревцо баньяна, и стебли сахарного
тростника,

И ветки манго, сплетенные вместе
С пучком золотой соломы,
Помести туда, и пусть они
Обозначат место для камана.

Религиозный элемент в танцевальной драме требует от основных действующих лиц — Мадана и Ратхи — особого образа жизни во все время, когда идет представление камана, т. е. они должны спать на голом полу, принимать пищу раз в день и отказаться от всяких развлечений.

Главным в этом «балете» являются песни, танцы и переодевания под аккомпанемент тамтама. Танец может показаться монотонным, с однообразным топтанием на месте, но его оживляют изменчивые мелодии песен и сильные удары тамтама.

Мадан одет в желтое дхоти и плотно прилегающую цветную рубашку. Его лицо раскрашено в темно-синий цвет, а глаза подведены желтой краской. На нем высокая деревянная корона с вставленными разноцветными стекляшками, имитирующими драгоценные камни, много всякой мишуры, а также наплечные украшения. Кусок ткани, крепко скрученный в виде пояса, повязан вокруг талии.

У Ратхи корона и наплечные украшения меньше. Она одета в красное шелковое сари и зеленую кофточку. Ее лицо окрашено в ярко-желтый цвет, а глаза подведены синим. Вокруг ее талии также повязан шнур.

Они стоят лицом друг к другу на расстоянии десяти футов. Один из старейших певцов поет по очереди за Мадана и Ратхи. Под звуки тамтама Мадан и Ратхи танцуют, держа друг друга за талию шнуром. Считается, что этот шнур должен удерживать их, если они впадут в неистовство. Время от времени перед Маданом держат зеркало, чтобы отвлечь его внимание от Ратхи.

В исполняемых в это время песнях рассказывает, как создатель всего Шива впал в длительное состояние транса и как от этого стали сжиматься земля и небеса. Мудрец Нарада и бог Индра, предвидя опасность для всего живого, призывают Мадана отворотить беду. Получив этот отчаянный призыв, Мадан говорит своей любимой Ратхи, что он должен немедленно отправиться ко двору Индры:

Ты, прекраснейшая звезда моего неба,
Любимая Ратхи, дорогая супруга моей души!
Меня призывают чрезвычайно важные события,
Ко двору Индры я должен поспешить.
Каково значение этого послания,

Я узнаю и затем прилечу к тебе.
До тех пор, о невестка голуботелого бога,
Сохрани у себя как доказательство любви
Мой драгоценный образ,
Сделанный любящими руками.

Мадан — сын Кришны, а Ратхи — дочь Шивы. Считается, что Шива и Кришна соединены в одно — неделимое. Подобно им, Мадан и Ратхи слиты в одно целое любовью. Для них невозможна разлука. Вот почему, когда Мадан говорит Ратхи о своем путешествии ко двору Индры, она хочет отправиться вместе с ним и отклоняет его уговоры остаться одной с залогом его любви:

О сын того, у кого голубая кровь!
Наследник лунной короны!
О, любви пылающее пламя,
Которое озаряет вселенную.
Прославленный во всех мирах,
Ты, любимый мой, господин;
Ты говоришь мне о том,
Что твоё драгоценное изображение
Успокоит мои страхи.
Если эти мои руки
Предложат душистый бетель
Твоему мудрому и прекрасному образу,
Сможет ли он прошептать мне
Хотя бы одно слово о твоей великой любви?

Эти песни с вопросами и ответами, богатые образами и намеками, сплетаются в гирлянды лирики.

Ратхи интуицией женщины понимает опасность миссии Мадана и просит его открыть причину, по которой его присутствие при дворе Индры так необходимо. Мадан вынужден сказать правду:

Тот, который сокрушил асуров¹⁹
И даровал нам учение о сострадании,
Тот, который принял образ черепахи,
Чтобы взять на себя всю тяжесть тверди земной,
В опасности, и я должен помочь тебе.
Разве ты сможешь удержать меня
Своими слезами и стенаниями?

Ратхи подобна дереву, вырванному с корнем, ее душа горит. Она оплакивает сначала своего отца, а затем своего Мадана. Ее печаль изливается в сладчайших песнях, окропленных горькими слезами. Наконец Мадан говорит ей:

— Чтобы спасти все живое на земле, разве жаль одной, хотя и дорогой жизни?

После смерти мы будем жить в семенах и цветах
В грядущей вечности.
Говори мне о своей любви, будь добра,
Ибо в твоей речи слышится музыка.
Она делает даже яркий полдень
Мягким и приятным, как серебристая луна;
О девушка с пронзающими глазами,
Твое доброе напутствие позволит мне уехать с миром

Теперь Ратхи уверена, что ее Мадан больше не вернется. Она отчаянно хочет удержать его, но тщетно. Никакая любовь, как бы велика она ни была, не может удержать Мадана от выполнения долга. Он покидает Ратхи с печалью такой же вечной, как и его любовь.

Эта часть представления дается повсюду — у каждого дома, на каждой плантации в течение тридцати дней.

На тридцатый день начинается вторая часть. На том месте, где стоял каман, сооружается хижина из зеленого камыша, там сидит Шива, погруженный в размышления. Тихими шагами Мадан подходит к нему. У него в руках лук, сделанный из стебля сахарного тростника. Он выпускает из лука пять цветочных дротиков. Внезапно потревоженный Шива открывает свой средний глаз. Вспышка огня. Мадан превращается в пепел. Шиву охватывает печаль.

Чтобы представление было более правдоподобным, из лука выпускается горящая стрела в пропитанную керосином кучу хвороста, где стоит Мадан. Как только огонь разгорается, Мадан исчезает, скрытый клубами дыма.

Последняя сцена танцевальной драмы короткая. Она показывает овдовевшую Ратхи, танцующую в одиночестве под таинственные звуки тамтама. Ее горестные воспоминания обращаются к ранним дням их любви, к их неслабеющему чувству. Для нее

Жизнь была словно величественное здание
из множества разноцветных стеклышек,
Окутанное белым сиянием вечности,
До тех пор пока смерть не разбила его на куски...

Эта финальная сцена убедительно раскрывает конфликт любви, раздираемой между жизнью и смертью. Но жизнь здесь становится бессмертной благодаря самой смерти, а любовь длится дольше, чем смерть, разрушающая все. И самопожертвование

обрисовывается как высшая сила, поддерживающая жизнь и любовь.

ИХ БОГИ

«Не живите в краю, где нет храмов» — эта поговорка определяет отношение плантационных рабочих к богу. Они не мыслят себе жизни без храмов. В своей простой вере они поклоняются даже камням и деревьям. Призывные звуки раковин и звон храмового колокола для рабочего-тамила равноценны божественному благословию его дома. Самые ранние его воспоминания тоже связаны с местами поклонения или храмом.

Как только жизнь зарождается в утробе матери, та отправляется к храму Мариамман под раскидистым деревом маргозы²⁰ и просит благосклонности богини, чтобы ребенок родился без физических и умственных недостатков. Она зажигает глиняные плошки в придорожном храме Шри Ганапатхи и просит защитить ее и ребенка от всевозможных напастей. Через месяц после рождения ребенка мать направляется с ним на поклонение в храм матери Марии. Она кладет ребенка к подножию ее изображения и ей в дар возлагает полевые цветы. В благоприятные дни она купает ребенка, одевает в чистое платье и ведет в храм. Он видит, как с воздетыми вверх руками она молится перед изображением бога. И звон сейганди (толстая круглая тарелка из меди), и трубный звук раковины, и запах ароматических палочек, и курение благовоний — все это создает странное чувство безопасности у этого маленького существа. По пути домой она говорит ребенку, что благодаря милости Марии и бога Катхиркамама он появился в этом мире.

Так растут дети поколение за поколением, считая храм своим прибежищем, где они черпают силы, чтобы жить без болезней и горестей. Они почтительно-опасливо относятся к храму и не осмеливаются переступить его порог, когда не чувствуют своей телесной чистоты. Нередко в школе при храме ребенок учит первые буквы, знакомится с божественными гимнами. Храм служит ему и местом, где он ищет справедливости.

Потребность в божественном покровительстве как

во время рождения ребенка, так и в дальнейшей жизни и работе выражалась в создании многочисленных храмов и мест поклонения на плантациях. Каждая семья имеет своего собственного бога. Наиболее популярные семейные боги — Нонди Аппачи, Айянар, Сангели Каруппу и Мадасвами. Эти боги в туманном прошлом были простыми смертными, известными своей доблестью, умом и высокими добродетелями. Может быть также, что они были главами семей, почитаемыми в течение долгого времени и возвысившимися затем до положения богов.

Богам отводят жилища вдали от нечистых мест: чаще всего около огорода или в тихом месте у реки. Обычно глава семьи совершает поклонение семейному божеству в храме. Это может быть просто зажжение камфоры или ладана по вторникам или пятницам либо в «беспокойное время», когда дается какой-либо обет.

Главная функция божества состоит в том, чтобы обеспечить благосостояние семьи и защиту ее членов. Считается, что божества должны предупреждать семью о грозящих несчастьях, болезнях или кознях злых духов через посредство собак, кошек, коз, ворон и ящериц. По странному поведению этих созданий и таинственным звукам, которые они издают, старшие в семье определяют, что они предвещают, и предупреждают других.

Полагают, что боги-защитники, такие, как Мунианди, Сендакатти и Мадасвами, должны охранять границы плантации, поэтому община может жить спокойно, не боясь нашествия злых духов и демонов. Богов поселяют на вершинах гор, в пещерах или на высоких деревьях, где вывешивают белые флажки. Мунианди и Сендакатти часто символически изображают в виде треугольного необработанного камня, а для Мадасвами воздвигают большой, высотой в четыре фута, глиняный столб, сужающийся кверху.

Полевые рабочие, особенно те, кто занят подрезкой чайных кустов, имеют своего собственного бога-покровителя. Им может быть Сендакатти, Мунианди или даже бог земледелия по имени Кавватху Свами. В начале или в конце сезона подрезки чайных кустов этому богу приносят в дар пищу. Женщины в полях также отдают дань поклонению богам. Перед началом подрезки кустов, в первый день работ проводит-

ся пуджа — обряд в честь Мариамман или Патхиниамман, на изображение которых в виде каменного конуса будет надета нитка черных бус и нанесено ярко-красное пятно.

От имени молодых сборщиц чая мать, «благословенная детьми», начинает пуджу с обычных подношений: бетель, кокосовый орех, банан и сырой рис, смешанный с жареным горохом и истолченным тростниковым сахаром. После процедуры с сожжением благовоний и камфоры приглашается кангани для того, чтобы раздать священный пепел, потому что по неписаному закону только мужчина может выполнить это.

Другой популярный бог на плантации — Ванатху Синнаппер (Святой Антоний), которому здесь поклоняются как католики, так и индусы. Его открытые часовни с простым крестом на глиняном алтаре часто встречаются на берегу реки, на отдаленном поле или на небольшом участке джунглей, где кончается плантация. На рождество и в другие праздничные дни свечи и благовония зажигаются в этих часовнях.

Ротхаи Муни — бог — защитник фабрики. На кофейных плантациях он был святым — покровителем водяного колеса, а теперь охраняет двигатель «Ростон». Считается, что он охраняет людей, работающих в цехах, у машинных валов и приводных ремней. Статуя Ротхаи Муни обычно выше статуй таких богов, как Мунианди и Сендакатти, и в честь Ротхаи Муни регулярно проводятся пуджи по вторникам и пятницам. Машинисты с фабрики независимо от их религии и национальности часто исполняют обязанности пандарама на таких церемониях.

Вот стоит большой храм — разукрашенное сооружение, возвышающееся над жилищами рабочих. Он может быть посвящен Шри Ганапатхи — «первому богу», Сивану, Катхиресану или Мариамман. Но какому бы богу ни посвящен был храм, Ганеша и его сподвижники занимают в нем почетное место. В глубине же храма, в месте, называемом «муластханам», помещаются Патхиресан или Мариамман. Однако везде и всюду Парвати²¹ занимает центральное место.

Пандарам, или пусари, как называют здесь жреца, присматривает за храмом. Регулярно два раза в день он совершает пуджу и в благоприятные дни проводит особые богослужения. Для таких пудж он

готовит рис со специями, ароматный горошек и вместе с обычной камфорой и благовониями выставляет приношение богам. В конце пуджи все это, а также священный пепел, кокосовые орехи и бетель раздается верующим.

Раз в год на всех плантациях проводятся торжественные богослужения в больших храмах. В различных районах эти праздники называют по-разному. В Уве праздник называют *ади пусаи*. Он отмечается в то же время, что и *эсала перахера*²² и *ади вэл*²³ в Коломбо. Ввиду частых тогда эпидемий оспы в центральных районах праздник *ади вэл* ограничивался городом Коломбо, а *ади пусаи* выделился из основных празднеств и принял ту форму, в которой он отмечается теперь.

В Центральной провинции религиозный праздник известен как *тхирувилла*, или *пусаи* (искаженное *пуджа*). Он отмечается весьма торжественно в течение недели. И регулярно в эти весенние дни производится уборка жилых помещений, часовен и храмов, а также по этому случаю покупаются красивые ткани и «хорошая пища».

Празднества по традиции начинаются с вывешивания флажка (*коди атарам*), церемонии «резания воды» (*нир ветту*), затем пуджи в храмах; и все завершается *карагам* — торжественным шествием от дома к дому. В течение *тхирувилла* семейные божества, боги-покровители, боги на полях и фабриках получают свою долю подношений.

Благодаря растущей активности политической жизни «большие боги» в разукрашенных храмах могут в один из дней рухнуть. Но боги без крыши над головой всегда были ближе человеку и природе. Их многочисленные места поклонения дают возможность простым людям работать и жить с определенным сознанием физического и духовного благополучия, ибо люди на плантациях верят, что боги — их предки-покровители всегда придут им на помощь в трудный час.

ЖИЛИЩЕ И ИМЯ

На стене конференц-зала департамента труда в Коломбо висят в ряд три фотографии. На первой

изображена глинобитная лачуга с соломенной крышей; на второй — сооружение из необработанного камня под крышей из жести и на третьей — нечто вроде коттеджа. Фотографии показывают прогресс в жилищном строительстве на плантациях, свидетельствуя о повышении материального уровня их жителей.

Сын старого Каруппана, Катхан, жил со своей семьей в глиняной хижине. Он носил дхоти значительно выше лодыжек и чуть ниже колен — в знак уважения к старшему кангани и дорай. Он не надевал рубашку из скромности и смирения, но на голове у него всегда был простенький тюрбан из ярда грубой белой материи с красной каймой.

Когда он обращался к старшему кангани или дорай, то снимал тюрбан и держал его под мышкой. Разве он не слышал, что дорай как-то дал оплеуху его деду да еще ударил по спине за то, что тот посмел разговаривать с ним слишком громко?

В конце концов, Катхан все еще был собственностью старшего кангани. Хотя суровая система «тунду»²⁴ была ликвидирована, но Катхан по-прежнему не имел своего мнения и не мог сказать слова или постоять за себя, если даже дело касалось непосредственно его. За него думал старший кангани, который знал, что лучше для рабочего. В своей лавчонке он продавал рабочему все необходимое для существования. По старой поговорке на плантациях, старший кангани брал с рабочего «две рупии за шерстяное одеяло и еще две рупии за то, что оно черного цвета». По словам дорай, «Катхан был хорошим кули». Он был вынослив, как вол, и силен, как бык. Он прекрасно работал на плантации, подрезая не менее 350 кустов за день. Когда дорай уезжал на охоту в леса Махавели, он брал с собой и Катхана. И если почему-либо дикий кабан уходил от ружья дорай, Катхан ловил его голыми руками.

Катхан обычно плакал, как ребенок, если доводилось уезжать на побережье хотя бы на короткое время — так он был привязан здесь ко всему, — ибо «один бог ведает, возвратится ли человек обратно, если отправится на побережье», говорили на плантации. Уезжая, он умолял своего начальника сберечь его жилище до возвращения.

Племянник Катхана, Рамасвами, ждал долго,

прежде чем получил жилье в бараке из грубого камня. Ему милостиво предоставили большую по размерам комнату, чем обычная, площадью девять на двенадцать футов. По вечерам Минатчи готовила ему рис и карри, а утром заваривала крепкий чай мелко-го пылевидного сорта *даст*. Хотя Рамасвами, как и многие другие, приобретал продукты в долг в лавке, он был очень привязан к старшему кангани. Первые плоды из его садика предназначались хозяину. Когда его дочь достигала половой зрелости или женился сын, они в первую очередь шли к «большому дому», чтобы выразить свое почтение.

Рамасвами одевался иначе, чем его старшие родственники. Он носил модную готовую рубашку, пару маленьких золотых сережек и тонкий серебряный браслет на левом запястье. В особых случаях он щеголял в черном пиджаке, прихватив с собой старый зонт.

Главным развлечением Рамасвами было ежегодное посещение представления *надагам*, которое давала бродячая труппа. Со своими друзьями он тащился много миль, чтобы увидеть на сцене «настоящую женщину». В праздничные вечера он сам выступал в роли Харишчандры, Ковалана и других богов. Но и тогда старший кангани был главным божеством.

Когда старший кангани образовал свой собственный сангам — союз, который был противопоставлен профсоюзу, Рамасвами вошел в него. Если бы Рамасвами был настолько глуп и написал о своем бедственном положении индийскому агенту²⁵ в Канди, то его немедленно уволили бы с плантации.

В один из таких трудных моментов *свами*²⁶, как называли лидера союза Натаса Айера, обратил внимание старшего кангани и дораи на положение Рамасвами. Он объяснил им, что Рамасвами не какой-то кули, а квалифицированный рабочий и, кроме того, член профсоюза. Свами обозвал старшего кангани «тигром» и эксплуататором и уговаривал Рамасвами протестовать против того, что расчет с рабочими производится по частям (в то время как ежемесячная плата полностью не выдается). Свами даже заставил Рамасвами одеться, как его начальник. Он надел на него белый тюрбан, черный пиджак, дал ему в руки зонт и тросточку и послал свергать своего бога. Так Рамасвами начал длитель-

пую, растянувшуюся на всю жизнь смертельную вражду со своим так называемым благодетелем. Но тогда он еще был «ни то ни се» и качался словно маятник между старшим кангани и лидером профсоюза.

Молодой племянник Рамасвами был обладателем двух имен: одного официально зарегистрированного и другого, которое он сам дал себе. Официально он был Нагамутху, но сам называл себя Нагалингам. Канакапилле назло называл его Наган. Это всегда напоминало Нагалингаму старую поговорку на плантациях — «кто пойдет замуж за кули», потому что кули не мог иметь даже благозвучного имени.

Нагалингам был выходец из другой эпохи, когда в ходу были домотканые одежды: он носил длинную рубашку *джиба*, дхоти до самых пят, коротко стриг волосы и тайком надевал сандалии. Нагалингам предпочитал сигареты «Элефант» и имел кредит в лавке на покупку чая. С некоторым трудом он читал газеты, имевшиеся у местного цирюльника, и жадно впитывал все новости. После полочки ходил в кино. Он был большим поклонником певца Киттаппа Багавадара и часто подражал ему, чем восхищал своих черноглазых кузин, одетых в кофточки и сари из мягкого полотна, мода на которые проникла на плантации лет двадцать пять назад.

Когда для части рабочих стали строить маленькие домики типа коттеджей, Нагалингам был уже мужчиной в годах. У него был взрослый сын Патхманатхан, чьи манеры и поведение существенно отличались от отцовских. Патхманатхан носил на работу шорты цвета хаки и сменил шерстяное одеяло-накидку на цветной плащ из синтетической ткани. Направляясь в город, он надевал хорошо сшитую рубашку вместо старомодной джибы, дхоти из мягкой материи или красивый саронг (мужская юбка). Носовой платок, авторучка, наручные часы и модные тогда сандалии придавали еще больше важности его персоне.

Он читал газеты и пару журналов, приобретенных в табачном киоске, регулярно слушал радио. По воскресеньям ходил на собрания, чтобы послушать своего «главного лидера». А по средам просматривал местные газеты с отчетами об этих собраниях. И хохотал, если обнаруживал неточности.

Правда, Патхманатхан тоже не ушел далеко «за стены» своей плантации. Тем не менее для своего возраста он сделал большие успехи на пути к рационализму. Он отошел от обычая жертвоприношений животных и ритуальных браков. У него было собственное мнение о домотканой рубахе, которую носил отец, о дораи, о рабочих и их лидерах. Он выступал против отвратительного жаргона, на котором к нему обращались начальники на фабрике и в поле; он отказался от традиционного почтительного приветствия всех важных персон на плантации. И даже высказал некоторые свои взгляды руководителю районного отделения профсоюза. Как-то Патхманатхан и его друзья нарисовали на картоне на плантации у подножия Шри Пада первый сатирический рисунок на политическую тему, открыто критикуя порядки на плантации и закон о гражданстве.

Это был действительно очень длинный путь — от глиняных лачуг к опрятным коттеджам и политической сатире.

ПЕРИЯ ДОРАИ

Перия дораи — тамильское выражение, обозначающее важную персону. Это — символ власти, сращение титула и социального положения; оно дано было управляющему плантацией и прижилось здесь. Слово сочетание *перия дораи* значило так много в прошлые времена, что даже ассоциировалось с блеском и властью царского двора. Подобно раджам прошлого, перия дораи был сам законом и законодателем. Как одно его имя, так и его молчаливое присутствие внушали благоговение и трепет. Перия дораи жил и даже дышал иначе, говорил и ходил иначе, чем простые смертные. Он поддерживал традиции прежних перия дораи и вел такой образ жизни, с которым могли соперничать разве что будущие поколения — преемники его должности.

Его господство простиралось на отделения и подразделения во главе с помощниками и надсмотрщиками. Это был сложный механизм, состоящий из главной конторы, контор в отделениях, двух фабрик, электростанций, строительных и эксплуатационных служб, транспортных средств, амбулатории, яслей,

лавок по продаже риса и т. д., — всем этим руководили сведущие специалисты.

Где бы то ни было — на фабрике или на плантации, — все совершалось от его имени и считалось как бы подношением ему лично. На фабрике главный технолог и его помощники начинали свои указания словами: «Это работа для дорай. Делайте ее хорошо». А на полях кангани говорили женщинам: «Эй вы! Будьте внимательны. Работайте получше, это для дорай. Смотрите, иначе я вас прогоню». Во время подрезки чайных кустов разговор кангани становился более выразительным: «Сам дорай хочет, чтобы вы работали как следует. Слышите, ленивые твари?» Старший кангани и его помощники говорили по-разному, но смысл оставался тот же: «Дорай будет делать обход завтра. Если что-нибудь у тебя будет не так, ты за это здорово заплатишься».

У перия дорай были специальные дни в неделе, когда он объезжал плантации. В день посещения им того или иного участка старик, в обязанности которого входило расчищать дорожки, становился проворнее. Это служило указанием для всех кангани и надсмотрщиков. Когда перия дорай направлялся на обход плантаций, не требовалось никаких курьеров, чтобы оповестить всех. Об этом узнавали иначе. Сильный аромат самого лучшего табака из трубки перия дорай плыл волнами в утреннем воздухе. Немедленно кангани поднимал тревогу:

— Эй вы, люди, будьте осмотрительны и делайте хорошо свою работу.

Свора лоснящихся, рыжих с белым, собак с высунутыми красными языками бежала по дороге. Вскоре раздавался глухой стук копыт, затем показывался сам перия дорай, сидящий верхом. Шествие замыкал Саваримутху, рослый парень в старых бриджах и охотничьей куртке своего хозяина, в великолепном красном тюрбане.

Лошадь точно знала место, где ей нужно остановиться: будь это на участке, где собирают чайный лист, или же там, где подрезают кусты, главное, пужно было место попросторнее, чтобы перия дорай мог окинуть взглядом плантацию и увидеть, как продвигается работа. Помощники, надсмотрщики или кангани тотчас же подбегали к нему:

— Доброе утро, сэр.

— Доброе, доброе, а как идет работа?

— Очень хорошо, сэр.

— Следите, чтобы собиралось положенное количество листа.

— Хорошо, сэр.

— Отправляйте все вовремя на фабрику.

— Хорошо, сэр.

В это время его собаки начали шнырять среди чайных кустов. Не питая никакого уважения к властям, здоровенный пес кангани исчез в кустах с поджатым хвостом. Заметивший это перия дорай не мог допустить, чтобы его благородные псы вступили в контакт с такой низкой породой. И поэтому начальственным басом, свойственным лишь перия дорай и отработанным за сотни лет господства его предками, позвал: «Ко мне, мои собачки!»

Это было сигналом ехать дальше, ибо высокое лицо не должно быть слишком недружелюбным или докучливым. Собаки быстро вернулись на дорогу, и лошадь стала поворачиваться. По плантации пронесся вздох облегчения. Однако именно в этот критический момент надсмотрщик или старший кангани пытались сказать несколько слов перия дорай, преследуя лишь одну цель — повысить себе цену в глазах рабочих.

Пара серо-голубых глаз из-под «двойной терраи» (широкополая фетровая шляпа) смотрели на подчиненного безжалостно пристальным взглядом. Это была пытка для существа, стоящего намного ниже перия дорай, который так ничего и не слышал и не сказал ни слова. Наконец он удалился на лошади со сворой собак на другой участок, оставляя позади совсем расстроенных надсмотрщиков или старшего кангани; эти «надоедливые людишки» смущенно вытирали пот со лба.

Перия дорай не ставил перед собой тяжелой задачи непременно посетить все участки. С его точки зрения, это было излишне. Он хорошо понимал, что весть о его посещении плантации произведет желаемое действие на всех, кто занят на других участках. Поэтому он направился прямо на фабрику намного раньше назначенного времени.

Никто на плантациях не осмеливался попадаться на пути перия дорай: дорога принадлежала его лошади. Он всегда ехал напрямик, как сэр Галахад

в поисках святого Грааля. Рабочие, возвращавшиеся с фабрик и полей, уступали ему дорогу, бросаясь прямо в придорожную канаву. Они на двести процентов были уверены, что хозяин не удостоит их взглядом. Да и сам перия дорай понимал, что на плантации, где занято свыше четырех тысяч рабочих, всякое может случиться. Какой-нибудь парень может прихватить с собой фунт чая с фабрики или пару досок из сарая. Но в общем это забота «надоедливых людишек», а перия дорай не интересуется подобными делами. Он всегда смотрит только прямо перед собой и не обращает внимания на разные мелочи. «Слепой глаз» и «глухое ухо» помогали возвеличению его персоны.

Машина перия дорай подъехала к фабрике как раз вовремя. Хотя главный технолог ожидал хозяина в «назначенное время», он все же поместил рабочего с «орлиным зрением» на четвертый этаж фабрики, который первым заметил приближение перия дорай — известие о его приезде было сообщено главному технолог, и все пришло в движение.

Саваримутхи первым вышел из машины, тяжело дыша и отдуваясь. Затем вышел шофер. Подбежали собаки и лаем стали требовать от шофера, чтобы он впустил их в машину. Тут галопом выскочила на площадь перед фабрикой кобыла перия дорай, ржанием возвещая о своем прибытии. Саваримутхи побежал навстречу и взял лошадь под уздцы. Перия дорай спрыгнул на землю и направился прямо в фабричную контору. Главный технолог был на месте в своих шортах цвета хаки, рубашке с засученными рукавами, занятый, как всегда, по горло:

— Доброе утро, сэр.

— Доброе утро. Как насчет проб?

— Готово, сэр.

На длинном столе стояли в два ряда чашечки, наполовину налитые драгоценным напитком всех оттенков, от оранжевого до золотого. Перия дорай внимательно рассматривал их критическим взглядом, затем поставил одну ногу на стул и с присущим ему изяществом правую руку протянул к чашкам. Главный технолог стоял позади него в ожидании.

Перия дорай начал пробовать чай... Маленький глоток... еще глоток... Теперь медленнее... Пауза... Глоток, размеренный, продолжительный... Этот про-

цесс прихлебывания чая продолжался около двадцати минут в полном молчании. Главного технолога бросило в дрожь, словно началось землетрясение. Наконец молчание было нарушено:

— Этот сорт не очень хорош. В чем здесь дело?

Технолог промямлил несколько слов, которые должны были объяснить причину недостаточно хорошего качества этого сорта чая. Перия дорай слушал его с полузакрытыми глазами.

— Ладно.

Главный технолог перестал дрожать.

— Где у вас вялится лист?

— Сэр, на третьем и четвертом этажах.

— Ну, пойдем посмотрим.

Через пять минут перия дорай был у третьего лотка.

— Технолог, давай своего помощника.

На расстоянии десяти футов в стороне стоял молодой человек лет двадцати пяти, одетый в шорты цвета хаки, с карандашом за правым ухом. Он сделал два шага вперед, как только главный технолог ушел. Перия дорай говорил с помощником отрывисто, как будто уши того не «созрели» для восприятия целых предложений:

— Помощник, полевой бинокль!

Это было исполнено молниеносно. Перия дорай смотрел в бинокль на дальние участки, которые он не собирался сегодня посетить. Таким образом он мог видеть своих помощников, надсмотрщиков и рабочих на различных участках плантации. Он был удовлетворен увиденным.

— Помощник!

Он отдал молодому человеку бинокль и пошел вниз по лестнице. Он никогда не оглядывался. Если он что-нибудь оставил, он знал — вещь все равно будет послана вдогонку.

Перия дорай сел в машину, ожидавшую его у подъезда. Она плавно поехала по покрытой белым гравием дороге мимо плантаций к большому бунгало в трех милях от фабрики. Сидя на переднем сиденье в машине, он мог видеть все окружающее. На три мили вокруг от перия дорай исходили как бы лучи власти, которые ощущались всеми.

Перия дорай жил вдали от «рабочих парней» — в полном уединении. Его бунгало возвышалось над

жилищами простых смертных. Все вокруг, и даже земля, было уголком Англии. Стройные деревья стояли торжественно, как почетный караул, а ковер ухоженного газона мягко стлался вокруг бунгало. Купы высокого желтого бамбука стояли у теннисного корта. Садики из камней и папоротника вплотную примыкали к плавательному бассейну. Гирлянды цветущих лиан свисали со стен беседок, разнообразные орхидеи цвели в корзиночках под окнами. Все выглядело, как в прекрасном сне.

Жизнь обитателей этого многокомнатного особняка, называемого «большое бунгало», была окутана завесой тайны. Однако ходили слухи, что жена перия дорай очень заботится о нем. Было даже суеверное представление, что она не простая женщина, а надечена какой-то странной властью и может водить перия дорай «на шелковом шнурке вокруг бунгало». Кроме того, она умела твердо держать в руках домашнюю прислугу. Штат прислуги состоял из лакея, повара, личной прислуги, садовников, конюха, скотника, пса, слуги, покупавшего мясо на базаре, шофера и уборщика. Так под бдительным надзором жены перия дорай жизнь в доме текла спокойно и размеренно.

Супруга перия дорай специально отвела дни, когда он мог заниматься своими любимцами-собаками и другими приятными делами. Ему было разрешено видеться с детьми дважды в день, потрепать их по щечкам, посмотреть издали, как они катаются на поппи или взлетают вверх на качелях. Во всяком случае, ему не полагалось слишком волноваться по поводу разных домашних дел.

Нелишне рассказать о конторе перия дорай и ее работе. Контора была как бы частью бунгало, но вместе с тем она отделялась проходом, которым пользовался только хозяин. Его кабинет выходил в комнату старшего клерка, за которой находилась главная контора.

Это был нервный центр, щит управления, а старший клерк — главный оператор. Он был всегда начеку, вечно в напряженной работе, безжалостный,местилище всей информации, как бы таблица с цифрами для перия дорай.

Прием у перия дорай бывал раз в две недели и проводился как настоящий *дарбар* (заседание сове-

та). Его помощники, служащие и старшие кангани созывались для встречи с ним в два приема. Первыми являлись помощники. Служащие и старшие следовали за ними в установленном порядке. Последние, как говорили, подобно туземным вождям, знали тайные заклинания, которые помогали завоевать расположение перия дораи. Они носили талисманы на теле, но вообще считалось, что только старший клерк может повлиять на общую атмосферу и смягчить неблагоприятное впечатление от других.

Обычно дарбар длился не больше часа. За эти шестьдесят минут многие дела, как-то: покупка одеял-накидок для наступающего дождливого сезона, тканей, зерна, а также всевозможные расчеты и контракты доводились до сведения перия дораи. Получив его одобрение, все эти дела передавались на исполнение старшему клерку.

По обычаю раз в полгода перия дораи отправлялся на охоту. Подготовка начиналась за несколько недель. Все было предусмотрено. Все обязанности были распределены, назначались ответственные за каждое дело. И целый караван с припасами, поварами, загонщиками и псарями предшествовал выезду перия дораи, который обычно отправлялся через два дня в компании соседа и со сворой собак. Обняв на дорогу мужа, жена перия дораи ворковала: «Желаю удачи! Пока!» Перия дораи махал ей рукой и садился в охотничью коляску.

Пока перия дораи находился в Яле или в джунглях Махавели, охотясь на диких зверей, его жена, преисполненная чувства долга, направлялась в контору и внимательно изучала отчет о работе, составленный служащими. Она тщательно сравнивала все отчеты, выясняя, как шли дела в последнем квартале.

Иногда жена перия дораи предпочитала встречать Новый год в бунгало, а не в местном клубе или в шикарнейшей по тем временам гостинице «Квинс отель» в Канди. Это было целое событие, которое обсуждалось без конца на плантации, и особенно — ее друзьями. Сразу же после рождества каждый уголок в бунгало убирался в соответствии с требованиями момента, когда на смену старому году приходил новый. Корзины и ящики с едой и напитками, а также неизменная индейка доставлялись специальным транспор-

гом. В такие дни жена перия дораи вертелась волчком, давая указания, куда все это разместить.

Накануне Нового года суета в большом бунгало была невообразимая. Кухня превращалась в настоящую фабрику, перерабатывавшую всевозможные продукты и изготавливавшую деликатесы. Ароматы, исходившие из кухни, разносились по всей округе. У хозяйки дома было под рукой несколько молодых помощников перия дораи, готовых выполнить все ее поручения.

В семь часов вечера собирались гости: перия дораи с женами и их помощники также с женами прибывали целыми толпами. Каждому из них хозяйка умела сказать что-нибудь приятное. Подобно воде, стоящей всегда на нужном уровне, перия дораи и их жены составляли особую группу, в то время как их помощники со своими домочадцами, зная свое место, жались в сторонке. Наконец подготовка с помощью прислуги была завершена. Жена перия дораи, словно дирижер, умело руководила всем на зависть своим соседкам. Танцами, едой и выпивкой они проводили старый год. Еды было так много, что не только все наелись до отвала, но и много было выброшено. Напитков тоже было множество и прохладительных, и горячительных. Помощники дораи, придя в самое лучшее настроение, запели веселые песенки «Моя Анни так прелестна» и «Он такой веселый парень». Так пришел Новый год — среди запаха пота и аромата жареной индейки. А один изобретательный помощник дораи ухитрился встретить его лежа на крыше гаража.

Видные люди на плантации, верхушка служащих и старшие кангани имели право принести поздравления и подарки жене перия дораи. У них был свой способ добиться у нее аудиенции. Они приходили особой дорогой к веранде жены перия дораи, чтобы засвидетельствовать ей свое почтение. Рядом с ней, как принц-консорт, молча стоял перия дораи до самого конца этой церемонии.

Перия дораи был на все руки мастер и владел всяким добром. Для успокоения своих нервов он иногда ездил ловить рыбу в тихих водах Нувара Элии. Когда он отправлялся с женой как будто на рыбную ловлю, старший помощник брал бразды правления в свои руки. Его считали несговорчивым,

«трудным орешком» и т. п. Старший клерк и другие служащие старались не попадаться ему на глаза, но он, как поговаривали, «ловил их и жарил на огне без масла». Тогда появлялся перия дораи, как раз вовремя, чтобы спасти их.

Время шло, и положение перия дораи менялось. Он принимал новое назначение в главную контору компании в Коломбо или же переходил на службу в более крупную компанию.

Еще задолго до этого всюду царило напряженное ожидание. К тому же появились страшные предзнаменования: птица, жившая на одиноком дереве на вершине скалы, в неурочный час издала жуткий крик, а собака конюха завyla. Были и другие знамения, которые не предвещали ничего хорошего. Наконец стало известно, что перия дораи покидает плантации в связи с его назначением в главную контору компании в Коломбо. Эта новость потрясла всех. Старший клерк, главный технолог и старшие кангани пришли на работу мрачные. Некоторые проливали слезы в связи с предстоящей разлукой со своим хозяином. Лишь перия дораи был невозмутим.

За неделю до его отъезда на площади перед фабрикой была проведена прощальная церемония. Помощники, служащие и старшие кангани собрались здесь, чтобы выразить благодарность перия дораи за его покровительство. Кульминационным моментом этой торжественной церемонии был солидный адрес, прочитанный и поднесенный старшим клерком. Затем вся группа сфотографировалась. В центре группы находились перия дораи и его жена с цветочными гирляндами на шее.

Перия дораи уехал. Затем прибыл новый. «Король умер! Да здравствует король!»

В конце концов, перия дораи был некоронованным правителем в этом зеленом царстве.

ЧЕЛОВЕК БЕЗ ГРАЖДАНСТВА

Этот день показался Мутхиа очень коротким — его последний день на чайной фабрике. Уйти с фабрики и никогда больше не возвращаться — нет, это было что-то непостижимое, невозможное. Пятнадцать лет его юности зачеркнуто сразу, одним махом. Да-

же ручки на дверях сортировочного цеха стерлись от постоянного прикосновения его рук. Он пришел в этот цех, когда ему было всего пятнадцать лет. С тех пор фабрика стала его миром и делом его жизни.

И вот три месяца назад, как раз накануне его паломничества в Мадuru, все вокруг стало действовать ему на нервы. Непрекращающийся грохот колес машины и просеивающие лотки с их монотонным движением угнетали его. Из-за этого работа казалась тяжелой и нескончаемой. Но сегодня он ощущал какой-то странный ритм в общем движении, который соответствовал биению его сердца. Вот уже все женщины и мужчины ушли домой, а Мутхиа задержался, чтобы окинуть все последним взглядом. Сортировочный цех, такой всегда серый и скучный, вдруг показался ему совсем другим. Мутхиа остро почувствовал запах пыли и свежего чая, новыми глазами увидел огромные неподвижные колеса, полные скрытой силы, готовые в любой момент прийти в движение. Пятнадцать лет его жизни прошло под стук просеивающих лотков и грохот колес машины.

«Завтра,— думал он,— другой займет мое место. И вновь в сортировочном цехе будет обычная суэта, как будто ничего не случилось. Все будет на своем месте, только меня не будет. Как странно складывается жизнь! В конце концов, любого можно заменить».

С глубокой грустью, как будто он оставлял здесь частицу самого себя, Мутхиа вышел из фабрики на дорогу. Да, вот она, дорога, но без завтра, без будущего. Он смешался с толпой возвращающихся домой рабочих. Бессознательно почувствовал, что потерял ту нить, которая связывала его с этими людьми. Давно знакомая картина утратила для него свой смысл.

Воспоминания проносились перед ним. Он видел тот первый день, когда отправился в Коломбо, чтобы получить разрешение на выезд. Он вспомнил справочный стол в иммиграционном бюро и этого крепыша с бычьей шеей и грозным взглядом, который считал его диким зверем, пойманным в силки. Вспомнил он тоже, как в другой день пошел к этому чиновнику, чтобы продлить свои документы на жительство, а тот разворчался. Другие смертные, которые пришли

по своим делам, съежились под его взглядом. Мутхиа протянул свои бумаги и ждал.

— Твои документы нельзя продлить,— прорычал Бычья шея.— Убирайся.

— Сэр,— запинаясь, проговорил Мутхиа,— я только совершил паломничество в Мадуру. Я родился и вырос здесь, на плантации.

— Да,— насмешливо сказал Бычья шея,— каждый нищий теперь цейлонец, а? Если тебе здесь нечего делать, так отправляйся домой и там валяй дурака.

«Отправляйся домой и валяй дурака,— мысленно повторил Мутхиа.— Что за грубая манера разговаривать? Почему эти чиновники такие недоброжелательные? Даже чиновник по гражданским правам отнесся ко мне враждебно. Он имел наглость спросить меня, была ли моя мать замужем за моим отцом».

Возникли новые воспоминания — его мать, всегда полная любви и нежности; эти темные влажные глаза, грустная улыбка. Невыразимая боль сжала его сердце и охватила его всего. Он отчетливо представил себе день ее смерти. Он тогда выплакал все глаза. Даже умирая, она говорила с ним, как всегда:

— Мутхиа, сын мой, не думай обо мне. Ты молод, не надо так сильно убиваться. Я всегда буду с тобой.— И после паузы:— Береги себя и нашу маленькую Сути. Это твой отец принес ее в дом.

Сути тогда была полным жизни маленьким созданием. Ее шерстка, плотно прилегавшая к гибкому тельцу, вся переливалась. Трудно забыть, как это крошечное существо прижимало уши и махало хвостом, извиваясь всем телом. После смерти матери Сути стала очень близка ему: прощальный подарок матери, маленький живой комочек, оставшийся от умершей.

Теперь, когда Мутхиа должен был покинуть свой дом, дядю и тетю и даже свою собачку, он был в отчаянии — вся его жизнь рушилась. Он решил отдать собаку фабричному сторожу Раману, и тетушка на это не возразила ни слова. Это трудно было пережить.

Когда Мутхиа добрался до дома, там все было готово к его отъезду. Дядя уже был дома. Тетушка сложила все пожитки в матерчатую сумку и убрала ее в угол комнатухи. И в обычные-то дни Мутхиа

не отличался разговорчивостью, а теперь он вовсе не мог вымолвить ни слова.

— Мутхиа, — сказал дядя, — я понимаю, это тяжело, тяжело для нас и для тебя. Мы покинули деревню, когда был еще жив твой дедушка. Может быть, ты найдешь там кого-нибудь из дальних родственников. Кто знает? Доверься богу, он единственное прибежище обездоленных. Не забудь документы.

— Да, дядя. Да, дядя, — повторял Мутхиа много раз, как будто эти слова вмещали все, что он хотел выразить в этот момент.

Вот и настало время расставания. Мутхиа взял свою нехитрую поклажу и, подхватив на руки Сути, молча вышел из дома. Пока он проходил по плантации к дому, сторожа, рабочие в бараках обсуждали его вынужденный отъезд. Им казалось, будто одного из них отправляли на бойню.

Сути жалась к Мутхиа, иногда терлась носом о его лицо. Она не знала, что они расстаются навсегда. А Мутхиа задумался, почему от собак не требуют свидетельства о гражданстве? Может быть, у них есть какие-то свои права? Иначе их жизнь тоже была бы в опасности. Он надеялся, что то, что произошло с ним, не случится с Сути.

Мутхиа увидел поджидавшего его Рамана. Времени на разговоры у них не оставалось.

— Я запру ее в той каморке, — сказал Раман, показывая на комнатку за кухней. — Она скоро приклет ко мне. Не беспокойся, я присмотрю за ней.

— Да, хорошо, — сказал Мутхиа, направляясь к двери.

Сути побежала за ним. Он остановился и стал хватать ее в комнату. Она съежилась. Он стал ее уговаривать. Она не двигалась и смотрела на него жалобно, как будто ожидала побоев. Он отнес ее в комнату, оставил там и, уходя, закрыл дверь на щеколду. Маленькое существо начало отчаянно царапать дверь и выть. Не говоря ни слова, мужчины торопливо пошли к железнодорожной станции. Был поздний вечер. Жалобный вой Сути доносился издали и замирал, подобно плачу ребенка ночью. Мутхиа казалось, что эти жалобы исходят как бы из груди матери.

На станции была обычная вокзальная суета, шум, крики. Мутхиа направился к окошку железнодорож-

ной кассы и купил билет до Тричи. Последний звонок.
— Иди, Мутхиа. Не беспокойся ни о чем,— сказал Раман.

Мутхиа прошел на перрон. Подали поезд. Тут и там мужчины и женщины всхлипывали, а то и плакали прощаясь. Но никто не оплакивал отъезд Мутхиа. Он вошел в купе и сел в углу около молодой женщины. Он был слишком взволнован и не замечал ничего. Поезд дал свисток и тронулся. Раман стоял, опершись на ограду, подпирая рукой подбородок. Мутхиа выглянул в окно и увидел его. Поезд набрал скорость и пошел с мерным постукиванием. Этот стук колес был пыткой для Мутхиа. Да, вся его жизнь была как бы придатком этой машины, этих колес. В последний раз он выглянул и увидел свет в окнах фабрики. Освещенные фабричные окна, плачущие женщины на станции и вой Сути... Он тяжело вздохнул. Вдруг он увидел, как из тьмы ночи ухмыляется ему Бычья шея из иммиграционного бюро. «Я сказал ему правду, что ездил на паломничество. Сегодня у меня самый длинный в жизни день»,— подумал он.

Поезд ускорял ход. Он опять посмотрел в окно и заметил мерцающие звезды. Раньше ему никогда не приходило в голову смотреть на звезды. Но сегодня, сам не зная почему, он загляделся на них. Жалобное поскуливание Сути почудилось ему в свете холодных звезд и проникло в самое сердце. Молодая женщина подвинулась к нему, и он ощутил тепло ее тела. Он взглянул на нее рассеянно... Поезд шел все быстрее. Стук колес... сортировочный цех!

На следующее утро Сути прибежала к своему прежнему дому, мокрая и грязная. Тетушка вскричала:

— Нет, вы посмотрите на эту паршивую собачонку! Она сбежала.

Сути начала тереться о ноги тетушки, когда услышала вновь крик:

— А ну, пошла отсюда, дрянь ты этакая!

Сути подошла к веранде и посмотрела на свой уголок, где было ее место. Теперь там стояла клетка с курами.

— А ну, убирайся, грязнуля! — послышался грубый голос.

Собака улеглась рядом с клеткой. Она ждала

Мутхиа. Но он так и не вышел из дома. Она не знала почему.

На следующий день народ с фабрики и плантаций шел домой на обеденный перерыв. Маленькая Сути сидела около дома, глядя на дорогу. Пришел дядя Мутхиа. Она бросилась к нему, обнюхала его ноги и завиляла хвостом. Он молчал, странно взволнованный. Собака жалобно скулила, заглядывая ему в лицо.

День клонился к вечеру. Темнело. Сути сидела по-прежнему около дома, глядя на дорогу.

СТАРШИЙ КАНГАНИ

Старший кангани — важная часть саги о чае. В нем соединялось все, он был той точкой, где все сходилась вместе. Начать с того, что он был правой рукой дораи, руководил всем процессом труда на чайных плантациях, он же был обвинителем, защитником и судьей во всех конфликтах.

Были, конечно, старшие кангани и кангани самые разные, подобно тому как существовали неуклюжие крестьянские лошади и элегантные победители дерби. Они никогда не составляли какой-то класс, они лишь принадлежали к определенному клану. Кангани — большой начальник, в его подчинении находилось свыше тысячи рабочих. Он жил в своем «вигваме», известном как резиденция старшего кангани, со всеми удобствами и атрибутами, положенными большому начальнику. Помещение состояло из зала для приемов с конторой, а также молельни, спален, женской половины, кухни и ванной.

В зале для приемов, окруженный *канакапилле*²⁷ в белых тюрбанах, кангани в черных пиджаках и старейшими служащими со свисающими усами, старший кангани принимал посетителей, мановением руки приглашая их и отпуская. Поэты и певцы, танцоры и фокусники посвящали ему свои песни и танцы. В те времена, когда газеты были еще редкостью, он хорошо платил им, чтобы они повсюду прославляли его имя.

В холодные вечера, когда он был в подходящем настроении, в назидание подчиненным он вспоминал подвиги былых времен. Это были истории бесконеч-

ные, как ряды воловьих упряжек на пыльных дорогах. Во всех этих рассказах дорай был центральной фигурой, а кангани его правой рукой. Он заканчивал с улыбкой: «Это было чудесное время, а дорай — люди суровые, но тверды, как сталь».

Его официальные обязанности были разносторонними и многообразными. Он размещал людей в бараках, раздавал рис, распределял работу, являлся с отчетом к управляющему, обходил плантации, в дни зарплаты получал деньги у дорай и выдавал их рабочим. Он заботился о больных и руководил всеми делами на плантациях.

Он гордился тем, что рабочим не нужно было уходить никуда с территории плантации, они получали здесь все необходимое. Он не допускал, чтобы чужаки обижали его рабочих, и уж ни в коем случае не разрешал забирать без его ведома рабочего в полицейский участок.

Давайте на нескольких примерах посмотрим, как решал он возникавшие житейские проблемы, улаживал конфликты.

Как-то в воскресенье после обеда, вероятно на следующий день после получки, в бараке возникла ссора между Катханом и Мутханом. В то время как перепалка была в разгаре, главный информатор — цирюльник уже рассказал начальнику об инциденте во всех деталях. Он полагал, что обиженный явится с жалобой около 10 часов вечера.

Когда Катхан с его обидой подошел к двери зала для приемов, он увидел, что начальник страшно занят — он как раз отдавал распоряжения своим подчиненным. Он делал язвительные замечания по поводу качества проведенных работ по сбору листа и обрезке кустов. К тому же у начальника было такое каменное лицо, что Катхан, поймав его взгляд, совсем оробел. Когда он собрался уйти, «божество» позвало его:

— Эй ты, иди на кухню, поешь, а потом позови ко мне пандарама, быстро!

Такой оборот дела в общем не разочаровал Катхана. Он пообедал, не торопясь, со вкусом расправляясь с различными блюдами, приготовленными под соусом карри, перебирая мысленно все обидные слова, которые наговорил ему Мутхан. Вкусная еда привела его в хорошее настроение. Затем он пошел за

пандарамом. На обратном пути Катхан изложил вкратце суть дела, образно расписав все случившееся в бараке, и умолял пандарам все это рассказать начальнику. Пандарам обещал сделать все возможное. Катхан ушел домой довольный.

На следующей неделе ничего не произошло. Когда Катхан снова пришел в приемную, он застал начальника в хорошем настроении. Тот пригласил Катхана сесть на циновку и приказал слуге принести книгу «Вана васам» — часть «Махабхараты»²⁸. Катхану пришлось читать эту книгу нараспев до поздней ночи. Короче говоря, старший кангани не дал возможности Катхану даже рта открыть. Шли недели и месяцы. Время — великий целитель — сыграло свою роль. На очередном празднике Катхан и Мутхан помирились, забыв о своей ссоре из-за бутылки аррака. Это уже казалось им давно забытым сном.

Именно в этот вечер начальник послал за Катханом и Мутханом. Они вошли друг за другом, почесывая затылки.

— Ну,— громко заговорил начальник,— я слышал, у вас там в бараке была крупная ссора?

— Это давно было, свами,— смиренно пробормогал Мутхан.

— Как же это получается, а? Я сижу на этом проклятом месте, а мне ничего не говорят?

— Я приходил, господин,— смущенно улыбаясь, сказал Катхан.

— Ты приходил! Верно?

— Когда змея жалит другую змею, она не выпускает яд,— заявил другой.

— Змея жалит? Я не хочу никаких сумасбродств в бараках. Вы слышите, дурачье?

Он смотрел на них пристально, злобно усмехаясь. Затем внезапно смягчился:

— Значит, все теперь в порядке? Ну ладно, идите.

Оба удалились, почесывая затылки.

В другой раз, когда Паланианди стащил немного чая на фабрике, об этом сразу доложили дорай. Старший кангани был вызван в контору. Войдя, он увидел, что дорай, весь красный, сидит за столом. Паланианди стоял, дрожа, снаружи, под деревом. Для него это был ужасный день. Все думали, что дорай тут же выгонит его с работы. Вдруг дорай затрясся от негодования.

— Ты свинья, грязная свинья! Как ты смел прикоснуться к нашему чаю? — разразился старший кангани, замахиваясь своей тростью. — Получай, ворюга!

Толстая трость несколько раз поднималась и опускалась на плечи Паланианди, иногда проходя от его головы на какие-то полдюйма.

— Ай, свами! Ай, свами! — кричал Паланианди, пытаясь уклониться от сыплющихся со всех сторон ударов.

Дорай был удовлетворен, но несколько расстроен этой сценой.

— Ради бога, оставь этого человека и зайди сюда, кангани! — позвал управляющий. Кангани вошел в контору, отдуваясь.

— Я не хочу держать вора на нашей плантации, сэр.

— Достаточно и этого наказания. Клерк, скажи тому парню, чтобы убирался, — сказал дорай.

Расправа с Паланианди долго была предметом обсуждения у цирюльника. Действительно, было о чем поговорить. Надо отдать должное старшему кангани — он изобрел такого рода «радиоспектакль» за-долго до Би-Би-Си.

В день зарплаты старший кангани шел домой с сумкой, полной хрустящих бумажек и серебряных монет. Его обступили с десяток рабочих, жаждавших получить деньги взаймы. Среди них был и Майанди, известный лодырь. Кангани так посмотрел на него, что тот съежился. Но от Майанди не так легко было отделаться. Правда, ему никак не удавалось поймать взгляд начальника.

Не раз Майанди снова появлялся здесь в нужное время. Наконец однажды старший кангани вынужден был спросить:

— Ты чего здесь ждешь, Майанди?

— Сэр, мне нужны деньги в долг.

Старший кангани сделал вид, будто ничего не слышал, и промолчал. Затем он послал его на огород, чтобы помочь садовнику. Так, в течение многих дней, Майанди работал на огороде.

Как-то начальник позвал его, стал говорить о том о сем и похвалил за хорошую работу на огороде. Наконец Майанди смог вновь повторить свою просьбу:

— Сэр, мне нужно взаймы сто пятьдесят рупий.

Тогда начальник дал ему записку к *кадаи*²⁹. По

дороге Майанди прочел эту записку — и раз, и два. Он был доволен, что в записке стояла цифра — 150 рупий.

Но торговец дал ему лишь 45 рупий и велел уходить.

— Дай еще двадцать пять рупий, — умолял Майанди.

Наконец после настойчивых просьб ему дали еще 5 рупий и решительно заявили, чтобы он здесь больше не показывался. Кто знает, какое соглашение существовало между старшим кангани и лавочником. К тому же надо учесть, что Майанди никогда не возвращал долги.

Старший кангани был первым, кто объединил рабочих на плантации. Вообще он представлял собой человека, который как бы олицетворял самобытный мир плантаций Шри-Ланки.

ПАНДАРАМ

В соответствии с традициями жрец-пандарам во все времена оставался пандарамом. Наверняка это о нем говорили: «Люди могут приходиться и уходить, а пандарам останется всегда неизменным, несмотря ни на какие перемены». Он — зримая связь между богом и человеком. И он знает мысли и чаяния людей настолько, что всегда в нужный момент поступает, как нужно.

А тогда, в те времена, когда старший кангани был всемогущим, пандарам тоже преуспевал под его покровительством. Он был так же близок к нему, как и к божеству в храме.

Пандарам следил, как того требовали религиозные предписания, за чистотой в храме: полировал и подновлял изображения богов и проводил пуджи три раза в день по вторникам и пятницам. Он ухаживал за своим садиком позади храма, срывал цветы и сплетал их в гирлянды для богов. На закате, после вечерней пуджи, он направлялся к старшему кангани.

Если тот был раздражен после неприятного разговора с дораи, пандарам предлагал ему *прасатхам* (святой пепел и цветочные лепестки), специально захваченный для этого с алтаря богини-матери. Это действовало, как бальзам. В другой раз, когда начальник выглядел усталым после дневной работы и

склонен был послушать что-нибудь успокоительное, пандарам читал главу из «Истории чудес» с того места, где они остановились в прошлый раз. А если у старшего кангани было настроение посплетничать, к чему наш жрец имел особый дар, то последний натолкнет кангани на нужную тему, а затем уж сам поведет разговор.

— Ты видел Анди в эти дни?

— Это очень трудно, сэр,— говорил пандарам.— Он так занят теперь. Очень вырос для своих лет. Сейчас ему уже все равно, что на плантации есть люди поважнее его. У него появилась своя манера говорить и вести себя. Он совсем не заходит к простым людям, а про старых друзей и вовсе забыл. И разговаривает он только с помощником дораи.

— О, о! Парень уже становится взрослым!

— Все от того, что он заработал кое-какие деньги.

В таком духе и продолжалась беседа. Еще до того как она стала подходить к концу, пандарам получил от начальника записку к кадаи на доставку ему провизии и тканей.

Если старший кангани или кто-нибудь из членов его семьи заболел, пандарам устраивал особую пуджу и проводил ее с большим усердием, чтобы избавить их всех от действия злых сил Сатурна. Он проявлял большую заботу об их здоровье и делал это так, чтобы все видели и слышали.

Рабочие плантации, конечно, знали, что пандарам был «ушами» начальника, и часто обращались к нему за помощью, чтобы добиться благосклонного отношения к себе в «большом доме». Они, в свою очередь, не оставались в долгу и приносили пандараму свежие овощи и молоко. А молоко, как утверждал пандарам, было необходимо для проведения пуджи.

Теперь, в соответствии с новыми веяниями, пандарам меняет свою тактику. Профсоюзный босс становится современным вариантом старшего кангани на плантации. Поэтому в интересах пандарама установить контакты с новой «силой». Пандарам и его жена в период разногласий между этими двумя ведущими «силами» придерживаются середины. Они не принадлежат ни к какому профсоюзному объединению. Вместе с тем пандарам считает необходимым пояснить возможному лидеру:

— Не беспокойтесь о нашем членстве в профсоюзе, ведь нас только двое. Многие придут к вам по воле божьей, ибо пути богов неисповедимы.

Вечерами, когда молодые люди собираются в храме на репетицию *пуджана* (религиозных песен), пандарам поощряет их. Он хвалит их пение:

— Давно я не слышал такого чудесного пения. Сами видите, совсем не обязательно приглашать к нам хороших певцов из Лондона.

Затем он неожиданно спрашивает о предполагаемом лидере профсоюза:

— А почему Рамиа не пришел на спевку? Ему бы не мешало порепетировать.

Если реакция на его слова положительная, он продолжает:

— Хороший он человек и очень толковый. Он поет и говорит хорошо. Да, кстати, он дал мне вот эту бумагу, чтобы повесить ее в храме. Вероятно, для того, чтобы вы все ее прочитали.

Таким образом, он очень искусно вручает им обращение, призывающее их вступить в профсоюз, организатором которого является Рамиа.

— В наше время обязательно надо быть в профсоюзе,— продолжает пандарам.— Рамиа знает эти вещи лучше всех на плантации. Он хороший человек. Никто еще не сказал дурного слова о нем.

Так наш пандарам в своем собственном смиренном, но неподражаемом стиле дает благословение кампании по вовлечению в профсоюз новых членов. Если большинство присоединяется к Рамиа, пандарам открыто выступает за него и заставляет даже свою жену вступить в профсоюз.

Если надсмотрщик или канакапилле спросят его о том, что происходит на плантации, он твердо скажет:

— Все идет к лучшему, сэр. Молодые и старые — все поддерживают Рамиа. А я — со всеми. Куда ветер дует, туда и я. Я всегда вместе с рабочими плантации.

В день проведения собрания пандарам старается быть полезным. Своими руками он плетет белые цветочные гирлянды для главных лидеров и добывает нужную сумму денег для проведения пудж и закупки прохладительных напитков. Во время каждого мероприятия он настолько активен, стремясь везде

успеть, что создается впечатление, будто именно он организовал все это.

Еще до того как Рамиа избран лидером, пандарам называет его *тхалейвар*³⁰. Этим он дает понять, что боги всецело на его стороне. При случае он скажет большим боссам из штаба профсоюза, что Рамиа — «самый подходящий человек».

В эти дни профсоюзного соперничества значение пандарама и опасность, которой он подвергается, велики. Если пандарам полезен, профсоюз поддерживает его. В противном случае профсоюз может потребовать замены пандарама. Однако до сих пор ни одно профобъединение не могло выдвинуть против пандарама никакое серьезное обвинение. Чиновники же из департамента труда, как правило, считают пандарама «кротким и мягким».

Если же проводится заседание или обсуждаются возникшие проблемы по поводу религиозных дел, пандарам появляется в белоснежном дхоти, с накидкой на плечах, с неизменными полосками на лбу из священного пепла, смешанного с сандаловой пастой. Его тонкие руки сложены в приветствии. Его крайнее смирение уничтожает всякое, даже малейшее подозрение. Любое выступление против этого служителя богов немыслимо. Когда обсуждение заканчивается, пандарам удаляется в храм. Он вновь садится скрестив ноги в помещении для молитв и начинает плести цветочные гирлянды, а вместе с ними и новые планы на будущее.

Вероятно, это одна из причин, почему профсоюзные объединения заискивают перед пандарамом. В конце концов, они же понимают, что пандарам — самый близкий к богу человек.

МАНИККАМ

Маниккам был тысячеликим — редкая разновидность человека. Незабываемый характер. Его одежда, манера держаться, красноречивость его замечаний — все свидетельствовало о его мудрости. Этот человек открыл в себе целый мир, и этот мир отражался в его изменчивых настроениях и поведении.

В то время Маниккаму было за тридцать. Невысокий, подвижный, с довольно темной кожей, вынос-

ливый от природы, он носил свое дхоти чуть выше лодыжек в знак уважения к старшим. Его рубашка спускалась до колен, подчеркивая его немолодой возраст. Он никогда не застегивал пуговицы на рубашке, показывая этим безразличие к своему внешнему виду. Все же у него на шее на черном шнурке висели пять серебряных бляшек, которые так подходили к его красным от бетеля зубам, а также усам, спускавшимся концами к уголкам рта. Иногда он жевал табак, что способствовало ровному течению его речи.

Маниккам с женой жили в угловой комнате старого барака с окном на улицу. У Маниккама не было привычки совать нос в чужие дела, и он не навещал соседей и друзей, если для этого не было особого повода.

По воскресеньям после обеда он садился на пол на своей веранде и ставил перед собой коробку с бетелем и щипцы для колки орехов арековой пальмы. Это было признаком хорошего настроения, приглашением к веселым шуткам. Он обладал еще тем, что оккультисты называют *аура*, или личным магнетизмом. Это-то и притягивало других людей.

Как правило, к нему заходили мужчины его возраста или молодые шалопаи. Как только он начинал разговор, их число быстро увеличивалось, что зависело от характера беседы. Он не любил сплетен, но рассказывал о происходящем на плантации и вне ее. Своим молодым приятелям он говорил:

— На свете не может быть жизни без женщины. Женщины — основа всего. Не думайте, пожалуйста, что я имею в виду ваши личные дела. Такие дела у всех у нас бывают, но думаю, что это позволительно в разумных пределах. Что я имею в виду? Я говорю в широком смысле: женщина — основа всего. Начнем сначала: женщина — это ваша мать; затем девушка, за которой вы ухаживаете; потом появляется жена. Но это еще не все. Следом за ней идет ужасная теща, которая сует нос в ваши дела. А свояченица рассказывает всякие небылицы вашей жене. Другие женщины тоже не оставляют вас в покое. Вот поэтому я и говорю: цветущая женщина — первопричина всего.

Маниккам сделал паузу для большего эффекта, затем продолжал:

— А теперь обратите внимание на мою жену. Она

вся — глаза и уши. Ее язык остер, как лезвие ножа для подрезания кустов чая. Неудивительно, что вам, молодым, нравится смотреть на нее.

— Не пытайся втянуть меня в твою болтовню, — слышался изнутри комнаты вкрадчивый голос.

— Ну, вот, слышали этот голос? Я говорил, что это не ее вина, ведь она создана, чтобы на нее смотрели. Если мне и вам не захочется больше смотреть на женщину, тогда наступит конец света.

Когда его разглагольствования стали очень оживленными, какое-то молодое существо выглянуло из-за перегородки. Маниккам тотчас заметил это. И добавил немного «огонька» в беседу:

— Вы видели: на картинках изображены наши боги с женами. Взять, к примеру, бога Катхиркамама, сидящего на павлине. С одной стороны от него Валлиамаи, а с другой — Тхейванаи. Но есть еще Тропатхи, или Драупади, которая стала женой пяти братьев-принцев из рода Пандавов. Да, все женщины рождаются девственницами, но...

Не закончив фразы, он громко засмеялся. Девушка тут же исчезла в комнате.

Маниккам проявлял и другие склонности, которые глубже раскрывали его характер.

Как-нибудь на неделе после работы он прошмыгнет в дом старшего кангани — узнать, что происходит в мире. Когда же пора было идти домой, он выбирал кратчайший путь через изгороди и появлялся у своего дома с песней. Его песни, как правило, были сатирическими. Многим песням он придавал свой, маниккамовский, смысл. Если случится когонибудь повстречать на пути, он приветствовал его, называя «брат» или «дядя». В эти два слова он вкладывал полдюжины разных смысловых значений, он как бы намекал на известную ему жуткую тайну того или иного знакомого.

Конечно, Маниккам не был очень популярным человеком. Однако он пользовался определенной известностью. Во всяком случае, жизнь без него на плантации была бы слишком однообразной. Его имя было известно и за пределами плантации, так как он защищал слабых и осаживал задир. В те дни, когда власти внушали чувство боязни, он относился к начальству несколько небрежно, что сбивало с толку прочих смертных.

К каждому человеку он подходил с особой меркой, будучи как бы общественным мерилом всего. Он не делал различия между начальниками и подчиненными, старшими и младшими. Побаивался он только одного человека — старшего кангани. К нему он обращался *анпу*, искаженное *анпа*, что означает «отец». В его присутствии Маниккам подтыкал по-выше дхоти, сгибался и склонял свою кудлатую голову в знак смирения. Но все-таки в уголках его губ таилась усмешка, скрываемая обвислыми усами.

Если Маниккам встречал начальника, он отступал в сторону и как бы в позе «почетного караула» пропускал Большого человека. А в «большом доме» Маниккам садился на пол скрестив ноги и говорил односторонне. Слово *анпу* употреблял он в знак согласия и возражения, как вопрос и ответ. И он всегда поворачивался в ту сторону, откуда исходили слова начальника.

Короче говоря, начальник имел огромное влияние на этого своеобразного типа. Но в то же время Маниккам сильно влиял на события на плантации.

ОДИН ИЗ МНОГИХ

Согбенный старик-калека сидит на краю дороги. Около него стоит оловянная кружка вместо чаши для подаяния и костыль. Перед ним катит свои волны река, позади — зеленые чайные кусты, раскинувшиеся по холмам. Старик составлял с ними как бы одно целое.

Каково было его прошлое? Как он выглядел в юности? Была ли у него семья, была ли веранда, чтобы дать ему приют на ночь? В любом случае, кажется, прошлое для него не кончилось, а будущее не предвещало ничего хорошего. Он сидел на обочине и был похож на дом, покинутый жильцами и начавший разрушаться.

Наступило полуденное время, душное и суетливое. Люди проходили мимо моего окна, бросая тень в комнату. Одна тень задержалась. Я глянул и увидел старика, стоящего с протянутой рукой. Он не знал жаргона профессиональных нищих. Его молчание было красноречивее всяких слов. Я дал ему пятицентовую монету.

— Дай бог вам здоровья, — благословил меня старик.

Между тем моему примеру последовали другие. Это обрадовало его.

— Желая вам счастья в жизни, — повторял он, — теперь целых два дня я могу отдыхать.

Эти слова заинтересовали меня. Значит, у него есть дни для нищенства и для отдыха?

После дождливых дней солнце светило особенно ярко. Трудно было устоять, и я вышел на задний двор. Старик сидел там, прислонившись к стене гаража, равнодушно глядя вокруг. Какая-то спокойная суровость читалась на этом морщинистом лице.

Собаки, рыча друг на друга, копались в мусорном ящике неподалеку от него. Банановые листья, в которые заворачивалась пища, были разбросаны кругом. Стойкий запах гниющих объедков стоял в воздухе. Кругом роились мухи.

Я часто видел нищих, роющихся в мусорных ящиках, в то время как собаки, в своем инстинктивном уважении к человеку, отходили в сторону. Даже в этом старик представлял исключение. Он держался в стороне со странной улыбкой. Гордость поддерживала его слабое тело.

— Ты ел сегодня? — спросил я.

— Я не испытываю голода, сэр. Я поздно ел сегодня утром.

— Ты с плантации?

— Да, сэр.

— Наверное, у тебя есть родственники?

— Да, сэр. У меня два сына и дочь, есть и внуки.

— Почему же ты не живешь с ними?

Молчание.

— Почему я должен быть им в тягость, сэр? Никогда не был и не буду.

— В таком возрасте у тебя должен быть свой угол, — предположил я.

— Мои сыновья и дочь живут за рекой. Наша плантация — Синна-тхоттам. Днем я хожу по округе, а на ночь возвращаюсь к храму Мариамман.

— И долго ты жил на плантации Синна-тхоттам?

— С самого рождения, сэр. Мой отец заготавливал колышки для посадок чая. Я вырос вместе с чайными кустами на плантации. Я знаю каждый куст, каждое дерево, каждый овраг.

Он сказал это с гордостью.

— Ты получаешь пенсию, наверное.

— Да, сэр. Наш дорай дает мне пятнадцать рупий в месяц.

— А ты не просил о прибавке?

— Просил, сэр. Но дорай сказал, что управление плантации не может дать ее.

— Неужели?

— Да, сэр. Всю жизнь я тяжело трудился на плантации. А до меня еще мой отец работал день и ночь, под жарким солнцем и в дождь. Он там и умер. Никто не отблагодарил его за эти труды, и он обычно говорил: «Благодарность белого человека — это пустой звук».

Он помолчал и затем добавил:

— О, сколько сил я отдал чайной плантации. Они сказали мне, чтобы я честно трудился, и я был честным. А когда пришла старость, они выбросили меня, как шелуху.

— А где твоя жена? Она живет на плантации Синна-тхоттам?

Лицо старика помрачнело. Он помолчал.

— Она умерла, сэр. Если б она была жива, я бы не был нищим.

— Она умерла молодой?

— Нет, сэр. Она умерла в пожилом возрасте. Она была очень хорошей женщиной, сэр, очень сердечной. За всю нашу жизнь у нас не было ни одной ссоры. Она никогда не заглядывалась на других мужчин, а я тоже не имел привычки смотреть на других женщин.

— Значит, вы были счастливой парой?

— Да, сэр.

— Вероятно, она была с тобой в родстве?

— Моя кузина, сэр. Дочь сестры моего отца. Ее звали Пунгаванам. Пунгаванам...— повторил он, закрыв глаза.

Для него это был мучительный разговор. Поэтому я переменял тему:

— Как твое имя, старик?

— Сивасвами, сэр.

— Ну, Сивасвами, а ты не собираешься уехать в Индию?

— А что у меня там, свами? И что я буду делать в чужом краю?

— Так ты будешь жить на Синна-тхоттам до конца своих дней?

— Да, сэр. Мои отец с матерью жили и умерли здесь. Я вырос и женился тоже здесь, и все мои дети родились здесь. Здесь я похоронил жену под чайными кустами. Пунгаванам лежит около участка № 7, где лежат мой отец и мать. А когда я тоже закрою глаза, мои сыновья положат меня рядом с ними. У меня ничего не осталось, ради чего стоило бы жить.

Голос Сивасвами задрожал и прервался. Мне стало грустно. Видимо, такова судьба Сивасвами и многих других. Много таких людей, как Сивасвами, бродят по дорогам. А сколько их еще будет? Да, эти мужчины и женщины рождены, чтобы трудиться.

ПОРА ИСЦЕЛЕНИЯ

Пришел муссон. Дождь лил без перерыва утром, днем и вечером. В воздухе носился запах мокрых листьев и сырой земли. Шум муссона всегда приводил Раджана в возбужденное состояние. Работа в течение длительного времени в отделении профсоюза надоела ему. Ее однообразие было невыносимо.

Раджан выглянул в окно. Небо пасмурное. Гигантское нагромождение облаков виднелось между горами. Мрачная картина. Раздался удар грома, и с новой силой полил дождь.

Наконец кто-то пришел к нему на прием. Голос служащего машинально что-то спросил.

— Из Нью-Вэлли, сэр,— послышался тихий ответ.

Звук этого голоса наводил на мысль о молодом возрасте его обладательницы. Раджан подумал, что ей, вероятно, не больше двадцати пяти. Голос был приятным, но в нем чувствовалась какая-то боль.

— Ты принесла письмо вашего руководителя профсоюза? — спросил клерк.

— Я не знала, что это нужно, сэр. Люди на плантации советовали идти в профсоюз, и я пришла.

— Нужно было принести письмо,— повторил клерк.

— Я не знала этого,— проговорила она запинаясь,— меня преследуют несчастья.

И теперь уж в этом голосе слышались мука и не-

преходящая тоска. Это было похоже на голос, призывающий на помощь из глубин ночи. Раджан позвал клерка:

— Пусть она войдет.

Среднего роста, закутанная с головы до ног в накидку, она вошла. Словно точеное, бледное лицо, правильной формы нос, темные, глубокие глаза, как взбаламученный омут. А в них также боль и молчаливое страдание. Раджан недоумевал. Что могло случиться с такой молодой женщиной? Вероятно, она потеряла мужа? А может быть, другая печаль?

Она пришла в проливной дождь. Вода стекала с ее накидки. Она дрожала в мокрой одежде.

— Сними свою накидку и садись,— сказал он.

И вновь этот печальный взгляд.

— Я не владею правой рукой, сэр. Она очень сильно обожжена.

Из складок накидки показался забинтованный обрубок. Осторожно она вытянула руку над столом. Бесформенный обрубок, завязанный белой тряпкой. «Должно быть, она осталась без пальцев»,— подумал он. Из-под повязки видны были следы глубоких ран. Ледяной холод прошел по его спине. За последние годы ничто так глубоко не трогало его, как изувеченная рука этой женщины.

Дождь пошел сильнее. Ветер стонал в деревьях. Сорванные ветром листья через открытое окно залетали внутрь. Запах сырой земли и эти темные страдальческие глаза!

Раджан не хотел задерживать ее долго. Он попросил ее рассказать, что же с ней случилось. Она коротко сообщила, что ее зовут Парватхи и что она живет с овдовевшей матерью на плантации Нью-Вэлли. Три года назад она вышла замуж за Рамана с соседней плантации. Поскольку у них не было в доме мужчины — главы семьи, ее мать приняла его в дом.

Парватхи и ее муж жили с ее матерью и младшей сестрой. Она запнулась после этих слов, затем успокоилась и продолжала:

— Я была очень больна после неудачных родов. Мать оставила меня в бараке и пошла на работу. Я лежала близко около очага, изможденная и усталая. Мое одеяло загорелось, и мне сильно обожгло руку. Вовремя подоспевшая мать спасла меня. Поскольку я не владею одной рукой, дораи отказался

дать мне работу. А моей старой матери очень трудно содержать меня.

— А что же твой муж? — спросил Раджан.

Парватхи опустила голову. Слезы потекли по щекам. Казалось, ее сердце не выдержит сотрясавших ее рыданий.

— Несчастный случай?

— Нет, свами. Он ушел из дома с моей сестрой. Конечно, не его вина. Мы все жили в одной комнате. А известно, огонь и хлопок не могут без последствий находиться рядом. Я молю бога, чтобы им было хорошо. Я только прошу работы, чтобы помочь матери.

Раджан обещал сделать все возможное. Велел идти домой и ждать.

Грустные нотки ее голоса, темные встревоженные глаза и трагическая история ее жизни преследовали его весь день. В ту ночь дождь лил потоками. Раджан укутался поплотнее в одеяло и вдруг вспомнил об искалеченной руке Парватхи, которая была укрыта в складках накидки.

Два года спустя, совершая предвыборную поездку по плантациям, он приехал на избирательный пункт Норвуд. Большая толпа шла по дороге, как на праздник. Из середины толпы вышла Парватхи, с неизменной накидкой на плечах. Лево́й рукой она держала озорную девчушку лет четырех. Узнав Раджана, она подняла руку в приветствии. В ее глазах уже не было того горя и страдания, что два года назад.

— Это твой ребенок? — спросил он, желая узнать, как она живет теперь.

— Это дочь моей сестры, сэ́р.— Затем она поправи́лась: — Она стала моим ребенком. Мой муж и я очень любим ее.

— Рад слышать это,— задумчиво сказал Раджан.— Ты пришла сюда голосовать?

— Да, сэ́р. Я отдала свой голос за наш сангам.

В выражении лица чувствовалась гордость. Темные глаза сверкнули. На какое-то мгновение она забыла о ребенке и своей искалеченной руке.

Раджан стоял глубоко взволнованный. Даже искалеченная и безответная, думал он, она нашла в себе силы сохранить человеческое достоинство. Шрамы на ее руке напомнили ему о том, что Парватхи пережила большое горе. Теперь наступило время исцеления.

Дождь кончился. Также и с выборами. Парватхи сидела у очага, удивляясь, почему никто не пришел к ней из сангама, чтобы узнать, проголосовала она или нет. Все было очень буднично, ничто не отвлекало ее от печальных дум. Ничто не согревало ее сердца. Она ощущала запах сырой земли. Ветер жалобно стонал в ветвях деревьев за бараком. Парватхи сидела молча, подавленная однообразным шумом снаружи.

МАНИККАМ ПООЩРЯЕТ ЛЮБОВЬ

Во времена Маниккама любовь на чайных плантациях была табу. Каждый молодой человек, который осмеливался проломить эту стену, воздвигнутую обычаями, бывал осужден *панчаятом*³¹. А члены панчаята ни перед чем не останавливались, лишь бы удовлетворить свои садистские наклонности. Они высматривали, подобно ястребам, добычу и набрасывались не только на неосторожную жертву, но и на всю семью виновного. Панчаят выступал за неукоснительное соблюдение традиционных норм жизни, а Маниккам вел себя с членами панчаята, как с равными, иногда же старался смягчить его суровые решения.

Вспомним один эпизод. Рагаван, сын Вира Кумарана из центрального барака, в свои двадцать лет напоминал статую, высеченную из прочного коричневого камня. Говорили, что в его глазах зажигалось пламя любви, когда он смотрел на дядину дочь Парватхи.

Вся плантация, включая Маниккама, ждала «счастливого дня в недалеком будущем». Родители Рагавана считали само собой разумеющимся, что когда-нибудь Парватхи придет в их дом и у них появятся внучата. Но у отца Парватхи, кангани Синна Палани, были другие планы. Он тайно выбрал в женихи молодого помощника канакапилле с соседней плантации. Однажды в воскресенье вечером этот светлоглазый молодой человек был приглашен в дом Синна Палани. И намерения этого последнего стали совершенно ясны Рагавану и его родственникам.

И в тот роковой вечер, когда Маниккам встретил Рагавана, он намекнул:

— Брат, вокруг бродит белый бык. Береги свою телочку.

Придя домой, Рагаван застал родителей во время бурного разговора.

— Рагаван, чтобы твоей ноги больше не было в доме этого человека,— предостерег его отец.

— Зачем ты так говоришь? Мой сын имеет право ходить в дом моего брата,— возразила мать.

— Замолчи, женщина! Твой брат настоящий головорез. Я проклинаю тот день, когда взял жену из дома его отца.

— Хватит ссориться. Я не пойду больше туда,— сказал Рагаван и отправился к Маниккаму за советом.

На следующее утро Рагавана не оказалось дома. Его мать начала метаться и бессвязно что-то выкрикивать, как будто ее жгло огнем. «О Рагаван! Мой Рагаван!» — кричала она.

— Пусть провалится в преисподнюю, слышишь, женщина! — кричал Вира Кумаран. — Пусть разразит того гром, кто погубил моего сына!

— Ты, великий грешник, не смей его проклинать! — вопила жена.

В это время слышались крики из дома Синна Палани, где обнаружили отсутствие Парватхи. Стало ясно, что молодые люди сбежали.

А Маниккам сел на своей веранде и ликующе запел свою песню. Его торжество разделяла вся молодежь на плантации. Люди собирались по углам, обсуждая случившееся. В домах Рагавана и Парватхи слышались рыдания и вопли женщин. Видели, как кангани Синна Палани бегал вокруг барачков с ножом для подрезки кустов в руках. Маниккам, который уже не раз весело повторял свою песню, крикнул:

— Ох, кангани! Не торопись на виселицу!

— О, лучше помолчи. Я с ума схожу.

— Да, я знаю, что в последнее время ты совсем сошел с ума. Это я тебе говорю. Иди сейчас же к старшему кангани. На плантации есть панчайт. Помни, что натворила твоя дочь. Вы навлекли позор на нашу плантацию. Не дури и не юли там.

Синна Палани остановился как вкопанный, а затем покорно отправился к старшему кангани.

— Приведи свою дочь и племянника, Синна Палани,— сказал начальник.

Когда пришел отец Рагавана с женой, он сказал:

— Приведите нашу племянницу и сына. Ваша семейная ссора меня не касается, но вы отвечаете за то, что я потерял двух рабочих.

Они ушли домой, как побитые.

Однажды вечером Маниккам вернулся из деревни навеселе и начал распевать свою песенку.

Он пропел ее с ликующими интонациями в голосе. Затем помчался к начальнику домой.

— Ну что, Маниккам? — спросил Большой человек.

— Я их нашел, аппу!

— Кого ты нашел, Маниккам?

— Аппу, они были в деревне Четти Тхоттам. Вечером они будут здесь.

— Ты чертовски ловкий парень. Я знал это.

— А панчайт, аппу?

— Не торопись. Дай им всем прежде успокоиться.

Маниккам вернулся на свою веранду и сел в ожидании. В семь часов вечера Рагаван подошел к ступенькам веранды и приветствовал Маниккама.

— Заходи, заходи, брат. Где ты был все это время? Как дела? Эй, там! — позвал он жену. — Приготовь чашку чая, а также побольше молока и сахара для брата. Садись сюда, Рагаван, а я должен пойти сказать несколько слов твоему дяде. Я скоро вернусь.

Но не успел он уйти, как прибежал Синна Палани:

— О, дядя Маниккам, твоя племянница вернулась.

— Очень хорошо. Теперь можно созывать панчайт. Твоя семья опозорила плантацию и всех нас.

— О, дядя! Но ведь это дело прошлое. Я достаточно пострадал от своей глупости.

— Не говори так. Вот теперь только и настало время расплачиваться за свою глупость.

— Но бедняжка была предназначена этому грешнику (Рагавану). Все знали, что они должны пожениться. Зачем же он ее увел?

— Э, перестань путать. Ты засматривался на больших людей, а этот бедный парень оказался недостаточно хорош для твоего сахарного леденчика.

— Но теперь мы можем поженить их. Пойдем, дядя, к моей сестре.

— О, я понял. Ты хочешь легко отделаться. Нет, пусть панчайт решит это дело. Доставь мне удовольствие увидеть, как ты сто раз поклонись им в но-

ги. Ты наденешь черный пиджак и возьмешь с собой зонтик, а? Ты хочешь, чтобы твоим зятем был канакапилле?

— Разве у тебя нет родных сестер, дядя? Или у тебя нет сердца, чтобы так наказывать старого человека?

— А теперь скажи мне, где твой леденчик, который увел этого парня?

— Дома.

— Чудесная история, дядя. Очень забавная. Хватит, забирай своего племянника и веди его к леденчику. Рагаван, иди. Уходите все, чтобы духу вашего здесь больше не было.

Без единого слова Синна Палани повел Рагавана домой.

Через неделю Маниккам вместе с кангани Синна Палани предстал перед начальником.

— Айя, моя дочь и племянник вернулись.

— Ну, Синна Палани, чего же ты хочешь?

— Собрания панчаята, аппу,— сказал Маниккам.

— Свами, моя дочь предназначалась этому парню.

— Тогда почему же они убежали с плантации?

— Аппу, потому что ей не нравится канакапилле. Теперь моя дочь и мой племянник стали мужем и женой,— смиренно предположил Синна Палани.

— А где же тхали, дядя? Давайте посмотрим, есть ли у девушки тхали.

— Ты прав, Маниккам,— сказал начальник.— Так любой парень сбежит с девчонкой, а потом они объявятся как муж и жена. Таким глупостям надо положить конец.

— Вы — наш отец,— умолял Синна Палани.— Сделайте милость, повяжите собственноручно моей дочери тхали.

— Да, аппу. Но молодым людям надо попросить об этом должным образом.

— Дочь моя, Парватхи,— позвал Синна Палани,— и ты, сынок, подойдите сюда и поклонитесь в ноги айи, попросите его благословения.

Из толпы, стоявшей за оградой, вышли двое с покрытыми головами.

— Подходите, подходите, мои пташки. Подходи, леденчик! Вы прекрасно провели время и без тхали. А теперь поклонитесь в ноги аппу и попросите тхали.

— Не надо кланяться мне в ноги, маленькие глу-

пышки. Идите к себе в бараки. Мне нелегко будет распустить панчаят. Синна Палани, я хочу, чтобы был порядок на плантации, слышишь?

— Да, свами. Вспомните, свами, ведь еще мой дед пришел к вашему отцу как рабочий по контракту. Не оставьте же меня своей милостью, скажите доброе слово, айя. Мои родственники ведь никогда не вызывались в панчаят.

— Хорошо, Синна Палани. Когда ты предполагаешь обвенчать их?

— В следующем месяце, айя.

— Теперь можешь идти, Синна Палани. Маниккам, уведи их.

— Аппу...

— Я сказал — уведи их! — загредел начальник.

— Да, аппу.

Толпа разошлась. Маниккам с фонарем в руке самодовольно возглавил шествие людей, которые стали расходиться по домам. Для такого случая у Маниккама была припасена новая песенка.

ЖЕНСКИЙ ПОРТНОЙ

Контора на плантации. За столом сидит управляющий. Главный клерк стоит позади него. Через открытое окно видно собравшихся рабочих, пришедших с различными жалобами и просьбами. Сатапен, человек средних лет, обращается к управляющему:

— Салам, дораи-калаи.

— Салам! Что тебе надо, Сатапен? Ты пришел опять со своей старой историей?

— Да, сэр. Что же мне делать? Мне нужно кормить три лишних рта. Нехорошо, сэр, держать взрослого парня в бараке без работы.

— Я все это знаю, Сатапен. Я уже говорил тебе, что работы в ближайшие полгода не будет. Эта плантация всего семьсот акров, а рабочих больше тысячи. Сейчас это невозможно.

Главный клерк осторожно заметил:

— В прошлом месяце, сэр, мы уже внесли в список двадцать пять молодых людей — двенадцать из одного профсоюза и тринадцать из другого.

— В том-то и дело, Сатапен. Я не могу ничего сделать на этом проклятом месте. Стоит мне только

взять твоего сына, будет целое нашествие из другого профсоюза.

— Никто не посмеет возражать, дорай.

— Э, не говори. Руководитель твоего профобъединения пишет мне сердитые письма. Пусть твой сын поищет работу где-нибудь в другом месте.

— Ох, свами! Он еще не получил гражданства. Он не может получить работу на стороне.

— Он родился здесь, не так ли?

— Да, дорай-калаи.

Клерк вступает в разговор:

— Сэр, сын этого человека, Вираппен, что-то вроде портного в бараках...

— А, женский портной, молодой шалопай, да? — И после паузы: — Помнится, я что-то слышал об этом портном, но что именно? Ты не помнишь, клерк?

— Да, сэр. Вы знаете, сэр, Саннаси приходил сюда с жалобой на Вираппена, который заигрывал с его дочерью Самутхирам, когда та пришла за своей кофточкой.

Управляющий становится строгим:

— Теперь припоминаю. Твой сын сидит в моих бараках и мне же задает работу, Сатапен. Из-за таких вот бездельников я не знаю покоя. Эта адская дыра... Если он еще будет валять дурака и заигрывать с дочерью Саннаси, я выгоню тебя с плантации. Я не посмотрю на то, что ты долго проработал здесь. А сейчас уходи. Кто там следующий?

Когда Сатапен поворачивается к выходу, даже не взглянув на главного клерка, он говорит громко:

— Я никому ничего не сделал плохого. Почему же они затыкают мне рот?!

— Он что-то сказал?

— Да, сэр. Он сказал, что ему затыкают рот.

— Он сказал, что это нечестно?

Барак № 10. У последней комнаты на веранде сидит за своей швейной машиной Вираппен, молодой человек двадцати лет, одетый в полосатый саронг и хорошо выглаженную рубашку, с повязанным вокруг шеи платком. Машина шумит: эр... эр... эр... эррам. Да, каждый свой круг она заканчивает с «эррам». Как будто слышится имя «Самутхирам».

«Что за девушка, — думает он. — Здорово она меня задела. Половину своего времени она проводит на веранде, делая спортивные упражнения. Но почему?»

Он оглядывается и видит Самутхирам, прислонившуюся к двери на веранду, спиной к нему.

«Она — полненькая, — думает он. — Делает вид, что не замечает меня и не слышит шума моей машины».

Мысли Самутхирам также крутятся вокруг машины. «Тоже мне, портной! Типичный бездельник. Тьфу!»

В этот момент выходит мать Вираппена с кувшином воды и выплескивает содержимое на улицу, вызвав целый каскад брызг. Она замечает стоящую там Самутхирам и смачно сплевывает. Как от удара невидимой руки, Самутхирам резко поворачивается и уходит в комнату.

Сатапен и его жена Палание вполголоса беседуют в своей комнате:

— Дораи неплохой человек. А тот клерк все перевернул. Что ты думаешь об этом? Если еще возникнут неприятности из-за дочери Саннаси, сказал дораи, то он прогонит нас с плантации.

— Мой сын не грубиян. Это та девка виновата. Я только что видела ее, слоняющуюся без дела около веранды. Знаю я этих девиц!

— Мы должны подумать о своих делах.

— Ты хочешь сказать, что мой сын ходил в их дом?

Вираппен замедляет ход машины и слушает.

— Ты говоришь, что твой сын ни при чем. Но жалоба, дошедшая до дораи, испортила все дело.

— Виновата во всем эта девка. Она приходит и строит глазки нашему парню.

— Я уже говорил этому никчемному дурню, чтобы он не делал эту никому не нужную работу.

— А какую другую работу ты нашел для него? Тебе нечем похвалиться.

— Женщина, это не тот случай, когда нужно хвалиться. Теперь сам дораи знает, что твой сын валяет дурака в бараках.

— Я знаю одно. Он не хуже других молодых парней на плантации.

— Пожалуйста, перестань кричать, а то ты всех поднимешь на ноги в бараках.

Вираппен тихо закрывает швейную машину и идет в храм, где собираются другие парни, чтобы поболтать вечером. Здесь он встречает другого портного, Сивалингама. Он рассказывает тому о беседе с проф-

союзным деятелем. На каждую тысячу рабочих, говорил тот, приходится сто пятьдесят не зарегистрированных на плантации. В ближайшие несколько лет положение еще ухудшится.

— Тогда что же нам делать? Все мы станем портными, или будем таскать песок для каменщиков, или ничего другого не останется, как работать по воскресеньям за полцены.

— Нам надо отправиться на поиски работы.

— Да, мой друг. Все так и ждут тебя с распростертыми объятиями!

Поздний вечер. Железнодорожная станция. У окна кассы люди ждут билетов. Кангани Паланианди, который находился в то утро в конторе плантации, видит Вираппена:

— Куда направляешься, Вираппен?

Молчание.

— Я знаю, ты покидаешь дом,— говорит кангани Паланианди.— И я знаю причину. Ты хороший парень, и родители у тебя достойные. Это не очень мудрое решение. Вне нашей плантации ты пропадешь. Полиция может схватить тебя как бродягу и посадить в тюрьму, а то и вышлет тебя из страны. А твой отец знает, что ты собрался уезжать?

— Нет,— говорит Вираппен еле слышно.

— Самое лучшее для тебя сейчас — идти домой. Там для тебя самое безопасное место. Не принимай всерьез того, что говорилось о той девушке. Никто не святой. Не опускай глаза. Послушайся совета старого человека и иди домой.

Обстоятельства сложились не в пользу Вираппена. Он проклинал свою судьбу: «На плантации мне нет места и в окружающем мире некуда податься. Что за жизнь!»

Как побитое животное, он идет в темноте обратно к дому отца.

ВСЕГДА НА ВЕРНОМ ПУТИ

Мистер Тхандапани твердо верил в то, что общество должно содержать его, так как без него оно зайдет в тупик. Поэтому он взял на себя задачу организации места отдыха для паломников в Катарагаме. Он наметил несколько преуспевающих старших

кангани в провинциях Ува и Центральной в качестве своих поручителей. Их дома служили ему гостиницами, а доля их заработка шла в его строительный фонд.

Он и одевался в соответствии со своей профессией. Даже прическа отвечала его бродячей натуре. Табачного цвета домотканая джиба (длинная рубашка) тоже была под цвет пыли и грязи дорог. А тяжелые сандалии только и могли выдерживать его утомительные путешествия. Все это завершал накинутый на плечи зеленый платок. Маленький жестяной чемоданчик и зонт дополняли его облик.

Никто ничего не знал ни о его прошлом, ни откуда он пришел. Это была сплошная загадка. У него было особое чутье на то, когда массы паломников хлынут в Катарагаму и на Адамов пик, а также на многолюдные праздники, когда тратилась куча денег.

Однажды во время обеда он появился в резиденции своего любимого старшего кангани. После обычных приветствий старший кангани поинтересовался, не направляется ли он в Катарагаму и как продвигаются его дела с постройкой гостиницы. Мистер Тхандапани ответил, что ему потребуется еще два года для завершения строительства, и предложил пригласить самого агента правительства Индии на церемонию открытия.

— В этом году у меня собрано много песен о Катарагаме. Доход от их продажи пойдет в фонд строительства,— сказал он.

Слуга объявил, что обед готов. Направляясь к столу, Тхандапани заметил, что немного свежего масла не повредило бы. Прислуживавший бой заверил Тхандапани, что все, что ему необходимо — масло, овощи, молоко, горох, суп с перцем и баранина, — уже приготовлено. С явным удовольствием Тхандапани занялся едой. После обеда он вышел на веранду и с наслаждением закурил сигару.

Старший кангани спросил его, не торопится ли он.

— Я немного тороплюсь, но мне не хотелось бы торопить вас, сэр.

— Тогда мы встретимся вечером и послушаем ваши песни.

Хозяин тоже собрался уходить, и мистер Тхандапани сказал ему в виде комплимента:

— Эти белые господа должны платить вам чи-

стым золотом, сэр. Без таких людей, как вы, разве могли бы они управлять этими обширными плантациями? Когда я смотрю на эти бесконечные зеленые кусты чая, я часто думаю, что сам бог Рама послал вас сюда, чтобы создать этот прекрасный сад, в котором растет золото. Как это чудесно!

Старший кангани был польщен. Он приказал слугам, чтобы они проявили должное внимание к мистериу Тхандапани.

К шести часам вечера он был готов — тщательно причесанный, после ванны, в свежевыстиранном белье. Старший кангани и его гости собрались в приемной зале конторы, чтобы послушать песни мистера Тхандапани. Чрезвычайно торжественно он вынул из потрепанного чемоданчика рукопись, устроился уютней на софе и запел гортанным голосом. Через некоторое время подали кофе. Медленно, маленькими глотками выпил он кофе и опять начал петь.

Концерт продолжался до самого ужина. После хорошего ужина и ничем не нарушенного сна встал он на следующее утро. На завтрак он поглотил две порции вкусно приготовленной еды, выпил целую чашку кофе с молоком и, получив в подарок 15 рупий, отправился на расположенную в трех милях соседнюю плантацию с таким расчетом, чтобы поспеть там к обеду. Так и текла его жизнь, подобно полноводной реке, до тех пор пока на плантации не появились профсоюзные организации.

1940 год. Теперь боги Катарагамы и Адамова пика сменили свое местопребывание. Он обнаружил их в профсоюзном офисе. Председатель окружного профсоюза находил, что широкие знакомства Тхандапани с нужными людьми на плантациях могут пригодиться. Более того, Тхандапани может послужить и для пропагандистских целей, т. е. где только можно расхваливать профсоюзного вождя. Такой человек необходим идущему в гору лидеру.

В тот день, когда из Коломбо приехал столичный профсоюзный босс, чтобы выступить на большом собрании, мистер Тхандапани сопровождал его. Профсоюзные деятели округа рекомендовали Тхандапани гостю как способного пропагандиста. После шумных приветствий, перед выступлением профсоюзного босса мистер Тхандапани попросил разрешения спеть песню. Его представили присутствующим в качестве

известного певца, служащего интересам трудящихся масс. К большому удивлению местных лидеров и к удовольствию гостя он начал:

Это наш непобедимый профсоюз,
А наш босс — могучий ягуар...

В конце раздались громкие возгласы и аплодисменты. Столичный вождь сидел неподвижно на своем стуле, скрестив руки. Когда возвращались обратно, мистеру Тхандапани предложили постоянное место в отделении профсоюза. С неохотой он согласился поступить на должность разъездного представителя с зарплатой по усмотрению начальства. Он не любил постоянной работы, так как она ему надоедала. То ли дело — сегодня он был в одном округе, завтра — в другом, а для разнообразия можно было совершить «безобидный наезд» к одному из больших лидеров.

Мистер Тхандапани старался по возможности пить утренний чай, завтракать и обедать с главой округа. Если тот запаздывал, мистер Тхандапани не упускал случая поворчать:

— Сэр, если вы действительно хотите служить народу, то должны следить за своим здоровьем. На все — свое время, но пренебрегать едой непозволительно.

По воскресеньям, когда собиралось большое число членов профсоюза, он брал на себя роль советника по всем вопросам. Одним махом он решал три дела сразу.

— Это дело о воровстве, — говорил он, бывало, — сварганил этот мошенник, кангани Паланианди, чтобы уничтожить наш профсоюз. Разве я не знаю этого человека? У него свои люди на плантации, он подделывает счета и обманывает несчастных рабочих.

Повернувшись к клерку, он предлагал: «Позвоните, пожалуйста, в полицию».

Перейдя к другому делу, он говорил:

— Это трудное дело, сэр. Клерк, запишите, пожалуйста, все подробно. Наш председатель займется им сам. Разве есть такое дело, которое бы он не мог распутать?

Младшие служащие в отделении страдали от этой бесконечной болтовни, но что они могли сказать человеку, к словам которого прислушивается сам председатель?

Наконец мистер Тхандапани переходил к последнему делу:

— Что касается этого семейного спора, мы должны поехать на плантацию и решить его на месте. Послушай, Рамиа, мы поедем туда на следующей неделе. Я привезу нашего председателя. А вы оплатите проезд на машине.

Он заканчивал день поездкой на близлежащую плантацию. Вместе с главой окружного профсоюза он направился к своему другу, наиболее почитаемому старшему кангани. Его старый друг был удивлен, увидев этого общественного деятеля, который теперь выступал в роли профсоюзного работника:

— О, ты, значит, в профсоюзе орудуешь?

— Да, сэр. Я всегда иду в ногу со временем.

Он помог ему записать его рабочих в профсоюз и намекнул, что хороший обед послужит к обоюдной пользе. После обеда, когда они собрались уезжать, мистер Тхандапани попросил его извинить и остался еще погостить. Перед тем, как лечь спать, он заверил своего друга старшего кангани, что тот может полностью рассчитывать на него. Нет нужды беспокоиться и непосредственно решать вопросы с рабочими плантаций. Утром мистер Тхандапани, получив подарки и деньги, уехал.

В общем, если профсоюзное движение и затронуло жизнь на плантациях, оно почти не изменило образ жизни мистера Тхандапани. Его жизнь текла, как и прежде, словно полноводная река.

ПЕНСИОНЕР

Пенсионер Кандасвами сидит, прислонившись к стене веранды. Ему уже за шестьдесят. У него смуглое лицо, седоватая борода и такие же свисающие усы, коренастое сложение. На нем старенькое дхоти, потемневшее от грязи и пыли. Верхняя часть тела прикрыта одеялом, зеленые полосы которого теперь стали совершенно черными.

Для него начинается другая жизнь. Прожитые годы легли на плечи тяжелым грузом. Несмотря на непрерывную болтовню детей и струю воды, бегущую из крана, в его душе полная тишина, которая придавила его к земле. Он сидит прикрыв глаза,

наблюдая за беготней детей. Они ничего не значат для него. В конце концов, что эта новая жизнь для него? Сначала детство, потом тяжелая работа, а там и смерть!

Около десяти часов к нему приблизился Мутхан, уборщик бараков. Обычно он начинал уборку с другого конца барака. Приблизившись к комнате Кандасвами, он спросил:

— Старина, как самочувствие сегодня?

— Как? Не лучше, чем вчера. Даже, наверное, чуть похуже. По ночам беспокоит боль в суставах. Кашель тоже замучил. Хуже всего то, что он мешает другим.

— Перед сном натри грудь скипидаром, а также смажь хорошенько суставы. Это должно помочь. А от кашля я достану что-нибудь у лекаря.

— Да, лекарь — это хорошо! У него есть желтая микстура от всех болезней. В наши молодые годы мы называли ее *сарва сандживи*, т. е. панацея. Теперь молодые парни называют это лекарство «горячая вода». Э, брат, да разве мне помогут сейчас лекарства! Старость — вот мой недуг. А от этого нет лекарств.

— Не говори так. Вот у белого человека не бывает старости. Он женится и в семьдесят лет.

— Это зависит от того, какую пищу он ест и как живет. А что я ем? Лишь пустой рис да капусту — утром, в обед и вечером.

— Это правда, — соглашается Мутхан, — но надо есть что-нибудь еще, чтобы поддержать себя.

— А что можно сделать на двенадцать рупий?

В этот момент залаяли собаки у верхних бараков. Собаки, лежащие на грязных лохмотьях в закутке, подхватили их лай и бросились бежать вдоль бараков. Дети на дороге начали кричать нараспев: «Дорай! Дорай! Дорай!»

— Дорай явился в бараки, Мутхан. Продолжай свою работу.

Через некоторое время появился управляющий в сопровождении помощника. Солидный, высокий, хорошо сложенный мужчина. Ему далеко за шестьдесят. Кандасвами вышел из своего угла и приветствовал его:

— Салам, перия дорай.

— Салам, Кандасвами. Стареешь, а?

— Да, дорай. Старею без работы.

— Доктор говорит, что ты не можешь работать.

— Дорай, в этих руках есть еще сила. Пожалуйста, испытайте меня, сэр.

— Это невозможно, Кандасвами. Ты вбил себе в голову или кто-то другой внушил тебе эту дурацкую идею. Пойми, подрастает молодежь. Я должен найти для них работу. Старики вроде тебя должны уступить место молодым.

— Верно, дорай. Но есть и старше меня люди, которые работают.

— Это не так. Я сам проверял.

— Дорай, я работал на вас всю жизнь. Я подрезал кусты, рыл дренажные канавы и разбрасывал удобрения лучше всякого другого. Посмотрите теперь на меня. Посмотрите на мои руки. Прошел почти год, как я оставил работу, а мозоли еще не сошли. Дорай, дайте мне какую-нибудь работу, чтобы я мог жить. Как я могу жить на двенадцать рупий?

— Дочь и сын, которых ты поставил на ноги, должны теперь позаботиться о тебе.

— Дорай, я вырастил их, чтобы они заняли мое место. Да, чтобы они работали на вас. Я не хочу быть для них обузой.

— А ты не можешь поискать работу на стороне, Кандасвами?

— Перия дорай, всю свою жизнь я работал на плантации белого человека. И под конец жизни не хочу никуда уходить.

Кандасвами встал во весь рост. Управляющий и его помощник с уважением посмотрели на него:

— Гордый, старый черт! И кровь горячая!

— Да, сэр. Он последний из людей старой закалки.

— Да, я рад. Остался хоть один из настоящих рабочих в этой гнилой дыре. Хорошо, Кандасвами, я напишу в компанию относительно пенсии для тебя и вскоре дам знать.

— Вы — мой дорай. Я работал для вас.

— Да, я знаю. К счастью, в Лондоне есть у меня один знакомый. Я напишу ему и, думаю, получу его согласие.

Управляющий и его помощник продолжали обход. «Дорай в Лондоне», бормотал Кандасвами, направляясь обратно в свой угол на веранде, где и сел, прислонившись к клетке с курами. Этот разговор с

управляющим привел его в некоторое смятение. Все же он чувствовал удовлетворение от того, что наконец-то ему удалось высказаться. Это сняло груз, который давил на него так долго. Но какой смысл в этом? Ему даже не обещали помощи. А ведь управляющий может сделать все, если захочет. Почему он сказал: «Ты и я, мы работаем для дораи, который находится в Лондоне»? Все эти годы Кандасвами работал на дораи, которого он знал. Но теперь, оказывается, он потратил свою жизнь для какого-то неизвестного человека в Лондоне. Это уж никак не укладывалось в его голове. Его охватило чувство досады и жалости к себе. Но такой человек, как Кандасвами, не должен плакать. Он никогда еще не чувствовал себя таким беспомощным. Мозг отказывался ему служить. Он ощущал пустоту во всем теле. Долгое время он лежал около клетки в состоянии между сном и бодрствованием.

Наконец в шесть часов вечера стали возвращаться с работы женщины с пустыми корзинками для сбора чая. Его дочь и сноха появились на веранде. Дочь спросила, съел ли он свой обед. Он ответил: «Нет».

Женщины сразу же окунулись в домашние дела и начали готовить ужин. Кругом суета. Моется и чистится посуда под краном с водой. Слышны голоса женщин, громко переговаривающихся или зовущих детей. Полуголые мужчины ходят взад и вперед. Куры и собаки тоже возвращаются домой и располагаются в своих углах.

Наступает вечер. Зажигаются огни. В каждой комнате барака становится тепло и уютно, хотя и темно от сажи. Дочь Кандасвами прилаживает джутовые занавески на другую сторону веранды, чтобы защитить его от ветра и дождя. Затем она вешает на стену керосиновую лампу и стелет для него одеяло на клетку с курами. Его сын возвращается с фабрики около восьми часов вечера. Прежде чем зайти в комнату, он заглядывает за джутовые занавески и зовет:

— Отец!

— Почему ты так поздно, сын?

— Последний мешок с чайным листом доставили поздно.

— Хорошо, иди к себе да поужинай.

Ужин для Кандасвами, как всегда, приносят на веранду. Он ест не спеша, останавливаясь после каждой горсточки риса. После еды он жует бетель. Бараки погружаются в призрачное молчание. Кандасвами укладывается спать. Сильный ветер бьет в джутовые занавески, дождь мерно стучит по крыше. Шум дождя и запах сырой земли волнуют его. Где-то из глубины ночи возникает перед ним прошлое. Он видит себя, каким был тридцать лет назад: крепким молодым рабочим в шортах цвета хаки, белой рубашке с красным поясом. К часу дня он уже завершал свою работу, успев подрезать 250 чайных кустов, и мчался под навес, где взвешивали чайный лист, чтобы встретиться с женой. Как молодая девушка, весело ждала его прихода Камалам.

— Ты еще не ушла домой?

— Я только что взвесила свой сбор.

— Тогда пойдем скорее, нужно вернуться вовремя.

По пути они говорили так нежно, словно молодожены. Они приходили домой, умывались, потом садились рядышком на низкой скамеечке у очага и ели свою простую пищу. Обычно Кандасвами садился, тесно прижавшись к жене, и они чувствовали, как тепло их тел передается от одного к другому.

Это была жизнь. Они жили, греясь теплом друг друга. А когда появились дети, тогда они ощутили и другую любовь. Странно, но именно Камалам стала главой дома. А он был лишь «отец», который любил выполнять все желания «матери». Всегда по вечерам он был дома и по воскресеньям никуда не ходил. Муж и жена изредка перекидывались словами. «Да» и «нет» — вот и весь их разговор. Ему было достаточно чувствовать тепло ее тела рядом. Это была чудесная жизнь, близость, не нуждавшаяся в словах.

Десять лет назад, когда на плантации началась эпидемия тропической лихорадки, его постигло самое большое несчастье. Сын, а затем и дочь заболели этой страшной лихорадкой. Камалам ухаживала за ними днем и ночью, забывая о еде, без отдыха и сна. Когда же Камалам сама заболела лихорадкой, у нее уже не осталось сил сопротивляться болезни. Среди этих видений, которые ушли в небытие, всплывает лицо Камалам таким, каким он видел его в юности. Кандасвами поворачивается на своем ложе, чтобы

отвлечься от грустных мыслей. Это длинная утомительная ночь. Он слышит удары гонга фабричного сторожа — один за другим... 11... 12... 1... 2... Затем звуки исчезают в пустоте ночи. Наконец от усталости слипаются глаза, и он засыпает.

Вот и прошла ночь. Тишина зарождающегося дня нарушена звуками тамтама. Кандасвами вскакивает со своего ложа, но тут же вспоминает, что ему незачем вставать по этому призыву.

Начался новый день. И его мысли вновь обратились к дорай, который живет в Лондоне.

МАНИККАМ НАХОДИТ ВЫХОД

В невыносимом однообразии барачной жизни Маниккама вдруг охватили мрачные предчувствия. Скорее, он понял это каким-то шестым чувством, дарованным ему. В таких случаях он всегда ждал, что случится что-то неприятное. Именно так и произошло.

В воскресенье в 11 часов утра со стороны соседнего барака послышались хриплые причитания старух. Как обычно, Маниккам не бросился сразу туда, а ждал на своей веранде. Он знал, что слух о подобных происшествиях распространяется быстрее, чем можно вообразить. Он видел мужчин и женщин из других барачков, собирающихся у соседнего здания, где возникла суматоха. Из общего гула голосов он расслышал ясно лишь два слова: «Дедушка Муруган! Дедушка Муруган!» «А, он отправился на тот свет!» — пробормотал Маниккам.

Муруган был дряхлым стариком лет семидесяти. Он жил с сыном в выходящей во двор части барака. Уже долгое время ему нездоровилось, и лекарь с плантации снабжал его какими-то цветными микстурами. Поэтому Маниккам не так уж был далек от истины, когда решил, что старик «отошел». Но почему возникла эта неподобающая суматоха, когда к человеку пришла смерть, чтобы избавить от мучительных страданий на краю могилы? Несколько молодых бездельников прибежали к Маниккаму. Они говорили все сразу в крайнем возбуждении:

- Брат, брат, старый Муруган умер, когда ел рис.
- Что за чепуха! Как может пища стать ядом?
- Он подавился.

— Тогда для него пришло время упокоения, а для нас наступит ад.

Да, неожиданная смерть на плантации в те дни, да и теперь, всегда нарушала спокойствие. В ее приходе, как в землетрясении, было что-то мрачное и зловещее. Она потрясла все население плантации. Женщины и дети сидели за закрытыми дверями. Им казалось, что дух умершего бродит поблизости даже днем. Кроме того, они знали, что покойника должны вскрывать. А для всех них это слово означало то же, что резать на части живого человека.

Ожидались и другие неприятности. Целую неделю старики должны были сидеть до поздней ночи, читая отрывки из священных книг, чтобы держать в отдалении страждущий дух умершего.

Маниккам решил, что нужно любой ценой прекратить весь этот шум и суматоху. Поэтому он уговорил нескольких стариков и плантационного цирюльника сообщить неприятную новость начальнику, мастеру решать подобные дела. Тот принял депутацию, выслушал внимательно каждое слово из подробного рассказа о происшествии и задумался.

— Хорошо,— сказал он,— пришлите ко мне Маниккама немедленно.

Через пятнадцать минут Маниккам уже стал перед начальником со сложенными приветственно руками и склоненной кудлатой головой:

— Аппу, вы звали меня?

— Да. Ты знаешь, что случилось в бараке?

— Да, аппу.

— Что же вы там собираетесь делать?

— Похоронить его, аппу.

— Это не так-то легко! Если вы похороните его теперь, то потом, когда весть о его странной смерти широко распространится по всей округе, придется его выкапывать.

— Аппу, тогда пошлите меня к лекарю.

— А что ты ему скажешь, Маниккам?

— Я приведу его сюда, аппу.

— Очень хорошо. Только держи язык за зубами. Я не хочу, чтобы тело старого Муругана осквернили вскрытием. Ты понял?

С благословения начальника Маниккам помчался в амбулаторию плантации. После дневного обхода лекарь сидел в своей комнатке и приготовлял мик-

стуру. Как только тень Маниккама появилась на полу комнаты, лекарь поднял голову:

— Что тебе, Маниккам?

Он ответил не сразу. Стоял и ожесточенно скреб голову.

— Так что же тебе надо, Маниккам?

— Дорай, что за лекарство вы давали моему деду?

— Что, Маниккам? Кто он — твой дед?

— Старый Муруган, аяя.

— Почему это тебя интересует?

— Свами, после принятия этого лекарства его замучила икота и он умер.

— У меня нет времени на шутки. Скажи мне правду.

— Я говорю вам истинную правду, свами. Он страдал от лихорадки, затем начал пить ваше лекарство. Это вызвало икоту. Сэр, скажите, пожалуйста, когда человек становится таким старым, разве нужно ему давать лекарства... Я имею в виду что-то... что приведет к концу... я хотел сказать — остановит...

Маниккам замолчал и поскреб голову. Лекарь понял, куда он клонит:

— Не мели вздора, Маниккам.

Теперь наконец лекарь понял смысл разговоров в бараках и забеспокоился:

— Муруган был очень стар?

— Да, дорай. Семьдесят или больше.

— В семьдесят лет человек должен умирать, Маниккам.

— Но не после приема лекарства, дорай. Мы должны найти выход.

— Ты имеешь в виду вскрытие?

— Да, дорай.

— Маниккам, предоставь это мне. А сейчас я хотел бы пойти взглянуть на старика.

Придя в дом умершего, лекарь увидел тело Муругана на полу, накрытое рваным одеялом. Старухи сидели вокруг и причитали. При виде лекаря сразу прекратились стенания и причитания. После короткого осмотра тела лекарь пошел к старшему кангани.

Начальник поздоровался с медиком совершенно спокойно.

— Я потерял старого Муругана, доктор, — сказал он печально.

Хотя это замечание не выражало ничего, лекарь сообщил, что Муруган умер вскоре после принятия микстуры.

— Старческий возраст, начальник,— убеждал он.

— Но люди говорят, что он еще вчера был здоров и бодр.

— В старческом возрасте смерть может наступить неожиданно. Но у Маниккама на этот счет есть свое, особое мнение, и это плохо.

Старший кангани был застигнут врасплох этим сообщением. Но он подозревал, что Маниккам хитрит, как всегда. А Маниккам стоял в некотором отдалении, глубокомысленно почесывая голову.

— Эй, Маниккам

— Аппу?

— Что ты сказал дораи?

— Я слышал, что медик дает какие-то лекарства старикам, когда их уже невозможно вылечить.

— Ну и глуп ты, Маниккам! Я думал, что в твоей дурной голове есть хоть капля здравого смысла. Не говори больше подобных вещей.

— Аппу, я только спросил свою жену, не могло ли случиться такое с моим дедом.

— Замолчи! Хватит!

— Аппу...

— Это опасные разговоры,— начал лекарь.— Кто-нибудь пустит дальше этот слух, и у нас будут неприятности.

— Верно,— сказал начальник с деланным спокойствием.

— Но когда человек умирает от старости, так чего же беспокоиться?

— Так мы похороним его, аппу?

— Идите и хороните его. Но чтоб никаких разговоров в бараках,— сказал лекарь.

— Маниккам, помалкивай и делай, что доктор дораи сказал.

Маниккам заторопился в бараки, оставив «больших людей» в разгаре беседы.

— Хорошо, что мы так решили,— заговорил начальник.— Вы правильно сказали, что люди так любят болтать...

— Да, начальник. Вскрывать человека — очень неприятное дело. Из-за ничего все здесь пойдет вверх дном.

— Да, к тому же это отразится на вас и на мне.
— А Маниккам — великий болтун, не правда ли?
— Я за ним присмотрю, — сказал старший кангани.
Лекарь удалился, вполне довольный заверениями, данными ему управляющим.

Печально зазвучали тамтамы перед домом старого Муругана. Под плач, стенания и пение гимнов разукрашенный гроб с покойником отнесли к месту его последнего упокоения — среди чайных кустов.

Вечером, когда старший кангани послал за Маниккамом, тот сидел у огня рядом с женой.

— Послушай, — сказал он посыльному, — скажи апу, что я не совсем здоров и не смогу прийти. А утром пораньше я буду у него.

— Но ты выглядишь вполне здоровым. Почему бы и не пойти, брат?

— Видишь ли, я немного выпил. Ты скажи, что я болен, а наш начальник все поймет.

Посыльный ушел. Маниккам сидел, улыбаясь сам себе, окрыленный своим успехом. Но секретом этого успеха он не сможет поделиться даже с женой.

НАЙНАППЕН ОТПРАВЛЯЕТСЯ НА ПОБЕРЕЖЬЕ

Это был старый барак с десятью комнатами в ряд и общей верандой. Покрытая гудроном крыша, стены из выщербленного кирпича и крошечные окошечки — все это выглядело уныло и жалко. Некоторые даже предполагали, что здесь водятся злые духи.

Большинству жильцов далеко за сорок. Наиболее выдающиеся среди них — фабричный сторож, корзинщик и кангани Найнаппен. Кроме сторожа и корзинщика, все остальные уходили на работу рано и возвращались с заходом солнца. Их отношения скорее походили на те, которые складываются среди пассажиров скорого поезда. Они смотрели друг на друга с полным безразличием и отчужденностью.

Корзинщик сидел перед верандой, плел свои корзины и напевал себе под нос старомодный мотив, чтобы не чувствовать отвратительные запахи, идущие от канавы. Он вкладывал всю душу в свое занятие, ибо оно кормило его. На другой стороне улицы храпел до 5 часов дня на своем топчане фабричный сторож. К ночи он оживал. Тогда он стучал в

свою колотушку (*удукку*) и напевал монотонным голосом отрывки из древних сказаний.

Среди этого странного люда выделялся Найнаппен. Жили они с женой уединенно. Ему было под шестьдесят. Он был в неизменном коричневом сюртуке и красном тюрбане, тонкие свисающие усы и дешевые сережки с тусклыми красными камнями дополняли его облик. Белое дхоти, повывавшее много на своем веку, он носил выше лодыжек.

Его жене Каруппае давно было за сорок. Это была высокая, худая женщина сварливого характера, питавшая слабость к красным сари. Найнаппен никогда не участвовал в спорах и ссорах ни дома, ни в поле. Он умел держаться в стороне от всего этого. Если дома возникало какое-то недоразумение, он говорил жене: «Отстань, бестолковая женщина». И продолжал заниматься своим делом.

Каждое воскресенье Найнаппен работал по контракту. Он приглашал пятерых парней — «только чтобы помогать ему», как он выражался. В 2 часа пополудни он давал каждому пять сухарей и чистой холодной воды из ближайшего ручья. Это и был обед. В 5 часов дня они получали по пять десятицентовых монет, ибо цифру пять он считал счастливой.

Однажды у него гостили дочь с мужем. «Если они останутся еще на два дня,— думал он,— семейный бюджет затрещит по швам». Поэтому он решил привлечь и зятя на воскресную работу по упомянутому выше контракту — «только посмотришь, как там».

Он начал заострять мотыги для прополки. Клал их острием на большой кусок железа и точно рассчитанными движениями отбивал края молотком. При этом его мысли вертелись все время вокруг листьев бетеля в небольшой жестяной коробочке. Прошлым вечером он сжевал только один листик. Оставшиеся двенадцать теперь сжуют, наверное, жена, дочь и зять. Вспомнил и о единственной сигаре, оставшейся от пачки, которую он купил месяц назад. Он берег ее на крайний случай, она могла понадобиться в трудную минуту.

Подошло время идти на плантацию. С подходящим почтением он позвал: «Брат, пойдем поработаем в поле».

Зять согласился, вместе с ними решила идти и дочь. К концу дня Найнаппен пришел в хорошее

настроение. В конце концов, почему бы его родственникам и не помочь ему? И что значат какие-то там листики бетеля?

Пообедали они в 6 часов вечера, чтобы сэкономить на ужине. Найнаппен заметил, что сушеная рыба была порезана на неравные куски. «Неэкономно»,— подумал он. И по-своему Найнаппен дал понять это жене:

— Слушай, жена, куски рыбы такие большие, что и в рот трудно положить.

Дочь лучше знала отца:

— Мама, разве ты не знаешь, что у отца плохие зубы? Большие куски рыбы положи зятю.

Найнаппен философски размышлял: «Когда чего-нибудь слишком много — тоже нехорошо».

В прошлом месяце, когда Найнаппен покупал продукты, он, выбирая сушеную рыбу, рассматривал ее на свет, прикидывая вес и толщину. Уже тогда он рассчитал, сколько из нее выйдет кусков. Ее хватит на месяц, решил он.

Так кусочками сушеной рыбы Найнаппен измерял время своей жизни и скопил несколько тысяч. У него и в мыслях не было, что таким образом он обворовывает себя и свою жену. Найнаппен принимал все меры предосторожности, чтобы оградить себя от случайностей, которые могли бы отнять у него сбережения. Он ни с кем не водил компании, не ходил на поклонение к святым местам, никогда не ел и не пил у родственников.

На шестидесятом году управление плантации уволило его с работы по возрасту и сообщило, что пенсию он получит уже в порту перед отправкой на родину.

Найнаппен собрал свои пожитки в старенький сундучок и отправился в путь. Никто не провожал его до железнодорожной станции, чтобы пожелать доброго пути. Найнаппен был грустен, жена плакала. И некому было успокоить ее или разделить его печаль. Ведь они прожили в этом бараке на плантации сорок лет, почти всю жизнь. И отъезд стал невыносимым испытанием.

Как-то вечером месяц спустя сюда прибежала с соседней плантации заплаканная дочь. Ударяя себя в грудь, она билась головой о закрытую дверь пустого дома и причитала:

Какие же громы и молнии разрушили этот дом,
о мой отец!

Скажи мне хотя бы одно слово, отец,
В этом покинутом доме...

Да, Найнаппен так и умер там на побережье, вдали от плантации, где он провел всю жизнь.

НОВОЕ ОРУЖИЕ

Он наказал себя и таким образом отомстил обществу за несправедливость, которую оно причинило ему и его товарищам. Методы, которые он применил, имели что-то от морализирования и мученичества, так что могли попасть в заголовки на первых полосах газет или привлечь большие толпы народа к месту происшествия.

Из-за недоброкачественной пищи в тюрьме он объявлял голодовку и таким образом демонстрировал внешнему миру, что борется с антиобщественными явлениями. Если ему недоплачивали за работу, он забирался на верхушку дерева и отказывался спуститься вниз до тех пор, пока сам премьер-министр не явится сюда и не пообещает уладить дело. Если он не был уверен, что чья-то рука или сердце смогут загладить его обиду, то с письмом в кармане он отправлялся на крышу самого высокого здания, бросался оттуда и разбивался насмерть, обличая таким образом испорченность нравов.

Эти формы борьбы мог применять только городской житель. Но его двойник на плантации использовал более тонкое и эффективное оружие.

Рама был избранным вождем рабочих на плантации Мидлтон. В его обязанности входило думать об их благополучии и добиваться улучшения жизни. Он хорошо понимал свой долг и стремился сделать все, чтобы покончить со «старым» и ввести «новое».

Время от времени он сообщал управляющему о «самых неотложных нуждах рабочих». Управляющий не принимал срочных мер, как ожидалось. Тогда Рама передавал дело в районное отделение своего профсоюза. Там он тоже сталкивался с неприятными отсрочками из-за бумажной волокиты.

Тем временем молодой щеголь с плантации захотел разрешить спор путем прямых действий, что при-

вело к «подозрению в нападении» на канакапилле. Имена полдюжины молодых людей, просто первых попавшихся, были сообщены полиции пострадавшим. Несчастные парни были взяты под стражу, на них завели дело, а потом выпустили под залог. Им было предъявлено обвинение в «угрозах, нападении на человека и незаконных сборищах», а управляющий уволил их с работы еще до решения суда.

По мнению Рамиа, двойное наказание за один и тот же проступок — большая несправедливость. Именно тогда он и решил привлечь внимание к «несправедливости», существующей на плантации. После серьезных размышлений, не уведомив свой комитет и даже не сказав ничего жене, он отказался от услуг плантационного цирюльника.

Первые три недели прошли незамеченными. На четвертую выросла борода. С ее появлением Рамиа стал вести себя иначе. Он никогда не просил поесть, а ел лишь тогда, когда ему предлагали. Он больше не грубил жене, не ласкал детей. В доме, где он жил, на участке, где работал, и в храме, где он проводил собрания, Рамиа имел вид мученика. А его борода росла подобно грозовой туче.

Люди на плантациях заметили это и стали говорить о его бороде. Жена и дети Рамиа начали относиться к нему с невероятной почтительностью. А обстановка в доме стала напряженной.

— Наш профсоюзный деятель не сбреет бороду до тех пор, пока мы не добьемся справедливости, — говорили молодые люди, которых уволили с работы.

Эти новости дошли, наконец, до ушей управляющего.

Однажды в рабочий день, когда Рамиа зашел в контору плантации, управляющий хмуро спросил:

— Итак, Рамиа, ты хочешь со мной вести борьбу?

— Нет, аяя. Как я могу бороться с дорай?

— Тогда почему ты отращиваешь бороду?

Наступило тягостное молчание.

— Очень хорошо, — сказал дорай, — ты можешь выступить против меня. Мне наплевать на твою бороду. С сегодняшнего дня я не буду глядеть на твое лицо.

Управляющий с грохотом захлопнул окно конторы, так что разговор окончился. Рамиа пошел домой в приподнятом настроении.

Слух об этом происшествии распространился, как лесной пожар. Молодые сборщицы чайного листа оживленно обменивались мнениями о бороде Рамиа. А если поблизости проходила его жена, они замолкали и сочувственно смотрели ей вслед. Однако дети на плантации, как и везде, относились равнодушно к заслуженным людям. Когда проходил Рамиа, они кричали: «Птичье гнездо! Птичье гнездо!»

Дело в суде затягивалось, отрастала и борода Рамиа. Тем временем заместитель начальника департамента труда созвал совещание, чтобы изучить возможности разрешения конфликта. Он заметил у Рамиа бороду и спросил у представителя профсоюза:

— Что, рабочим еще нравятся бороды?

— Сэр,— ответил юрист плантационной компании,— это вызов моему клиенту. Этот человек объявил всем на плантации, что не сбреет бороду до тех пор, пока не выиграет дело.

— А если он не выиграет дело? — прервал заместитель начальника департамента труда.

— В том-то и загвоздка, сэр,— сказал представитель профсоюза.— Это не вызов, это моральный протест. Независимо от того, будет выиграно дело или нет, в конце концов он все равно сбреет бороду.

— А, понятно. Это называется «оказывать моральное давление».

— Но это раздражает, сэр,— добавил юрист.

— Раздражает? Вы хотите сказать, что рабочий не имеет права носить бороду? Когда Рамиа зашел к управляющему, тот захлопнул окно перед самым его носом.

— Что мы можем сделать, сэр? Вся плантация знает, что этот хитрец отращивает бороду, чтобы досадить нам,— сказал юрист.— Скверное оружие!

— Нет, сэр,— возразил представитель профсоюза.— Наши друзья здесь не придадут этому большого значения, хотя такая форма протеста привлекает внимание к скверным делам, которые творятся на плантации.

— Вы можете доказать это? — загремел управляющий.

— Конечно. Поэтому мы здесь.

— Чего же вы ждали все это время?

— Мы не ждали. Когда Рамиа пришел к вам в контору...

— Рамиа пришел в контору, чтобы продемонстрировать свою бороду,— сказал юрист.

— Рабочий даже не может отрастить себе бороду! Куда же идет эта страна?

— Вот именно, сэр,— поддержал его юрист.— Наступили времена, когда управляющему и дышать нельзя. Только он вздохнет, профсоюзный лидер тотчас отращивает бороду и объявляет всем рабочим, что он не сбреет ее до тех пор, пока дораи не перестанет дышать. А вы, джентльмены, называете это производственным конфликтом. Что за порядки!

После часовой дискуссии совещание закончилось, так и не приняв никакого решения.

Рамиа пошел домой довольный, что его борода сыграла такую роль, которую не могли бы сыграть и сотни речей.

Кеннет де Ланеролл

«Южная река»

¹ Саронг — кусок хлопчатобумажной ткани или батика, оборачиваемый вокруг бедер в виде длинной юбки. Из ланкийцев его носят только сингалы-мужчины, хотя в Индонезии, откуда он попал в Шри-Ланку в незапамятные времена, саронг является составной частью традиционного женского гардероба. — *Здесь и далее примеч. ред.*

² Джатаки — повествования о предшествующих рожденьях Будды.

³ В тропических странах, включая Шри-Ланку, до сих пор сохраняется подсечно-огневой метод земледелия.

⁴ Тодди — легкое вино, получаемое в результате брожения пальмового сока.

⁵ Мудальяр — правительственный чиновник.

⁶ Котте — в средние века государство на острове Шри-Ланка, в настоящее время — район города Коломбо.

⁷ Бюргеры — потомки от смешанных браков между португальцами и голландцами с одной стороны и местным населением — с другой.

⁸ Гампола — город в Центральной провинции, горной части страны.

⁹ Весак — день рождения Будды, его просветления и достижения им нирваны.

¹⁰ Описываемый здесь автором конфликт между мусульманами и сингалами-буддистами был единственным крупным столкновением между двумя религиозными общинами в колониальный период.

¹¹ Хамбантога — прибрежный город на юго-востоке страны.

¹² Галлон — около 4,5 литра.

¹³ Карри — мясное блюдо с пряностями и рисом.

¹⁴ Бетель — вид перца, а также смесь, возбуждающая нервную систему человека, приготовляемая из пряных листьев этого растения, мелко истолченных орехов арековой пальмы и небольшого количества извести. Употребление бетеля, широко распространенное в странах Южной Азии, относится к вредным привычкам, так как приводит к раку горла.

¹⁵ Гуава, или гуайява — тропическое вечнозеленое плодородное дерево семейства миртовых.

¹⁶ Тамаринд — тропическое вечнозеленое дерево семейства бобовых.

¹⁷ Перахеры — массовые праздничные шествия, традиционные для буддистов.

¹⁸ Мальдивская рыба — вяленая рыба, экспортируемая с Мальдивских островов; в большом количестве ввозится на Шри-Ланку, используется при приготовлении карри и других блюд.

¹⁹ Ведды — малочисленная этническая группа, населяющая джунгли Шри-Ланки; во многом сохранила первобытный уклад жизни.

²⁰ Маниока, или кассава — широко распространенная в тропиках продовольственная культура; возделывается ради клубней, из которых получают различные виды муки и крупы, в том числе тапиоку, или маниоковое саго.

²¹ Геккон — вид ящериц, широко распространенный в тропиках и субтропиках, встречается также в южных районах СНГ; благодаря своеобразным присоскам на пальцах легко передвигается по вертикальной поверхности.

²² Панда́л — навес, или павильон, сооружаемый по торжественным случаям из досок, ткани и циновок.

²³ Арак — водка, приготовленная из сока кокосовой пальмы.

²⁴ Мавры — одна из этнических групп, населяющих Шри-Ланку; потомки арабских купцов и мореплавателей; так иногда в Шри-Ланке называют мусульман.

²⁵ Здесь и далее игра слов, основанная на близости по звучанию двух сингальских слов, транскрибируемых как «хета», одно из них означает «шестьдесят», а другое — «завтра» («хэ-та»).

²⁶ Кети — сосуд из скорлупы кокосового ореха.

²⁷ Ланкийские женщины и девушки обычно купаются в реке или совершают омовение у источника в платье или другой одежде.

²⁸ Артокарпус — дерево семейства тутовых.

²⁹ «Майна, майна... ела ли ты рис?» (сингал.).

³⁰ Джафна — название округа и его административного центра на севере Шри-Ланки, где получила широкое развитие табачная промышленность, снабжающая своей продукцией всю страну.

³¹ Биди — мелкие сигары; благодаря дешевизне пользуются спросом в странах Южной Азии.

³² Бхикку — буддийский монах.

³³ Ката́рагама — известное место паломничества для индусов и буддистов на юге Шри-Ланки. Там находится храм, посвященный грозному и жестокому богу Катарагаме.

Кумаран Велупиллаи

«Люди зеленого царства»

¹ Провинция Ува расположена в юго-восточной части страны. — *Здесь и далее примеч. ред.*

² Район Шри-Ланки, где проживает основная масса ланкийских тамиллов.

³ У тамиллов, проживающих в Шри-Ланке, большую роль играет культ богинь-матерей. Почти в каждой деревне есть своя мать-покровительница, или амман. Они известны под многими

местными названиями: Мариамман, Калиамман, Муттимариамман и др.

⁴ Ароматические палочки делаются из сандалового дерева и покрываются составом, приготовленным из индийских трав.

⁵ П а н д а р а м — священнослужитель, астролог.

⁶ К а н г а н и — надсмотрщики на чайных плантациях. Старший кангани осуществляет также функции бригадира, распорядителя всех работ.

⁷ В Шри-Ланке, как и в соседней Индии, стиркой белья занимаются прачки-мужчины — дхоби, которые являются неизменными участниками ряда ритуальных церемоний.

⁸ Составные части жвачки из бетеля, широко распространенной среди населения острова.

⁹ Т е а т р « к о л а м » — одна из наиболее древних форм ланкийского народного театра.

¹⁰ Г а н е ш а — один из богов индуистского пантеона; изображается в виде толстого человека с головой слона; почитается как покровитель торговли, наук и искусств.

¹¹ А р у н т х а т х и — утренняя звезда, олицетворяющая собой образец супружеской верности.

¹² Д о р а и — здесь начальник.

¹³ П о н г а л — индуистский праздник урожая, отмечается 14 января.

¹⁴ Д и п а в а л и (Дивали) — индуистский праздник огней, отмечается в октябре — ноябре.

¹⁵ П у р а н ы — древнеиндийские сказания.

¹⁶ Старший кангани руководил группой от 25 до 100 завербованных рабочих. Он отвечал перед управляющим плантацией за все производимые работы.

¹⁷ Шри Пада — сингальское название Адамова пика, места поклонения верующих различных религий.

¹⁸ С а р а с в а т и — индуистская богиня мудрости и искусства.

¹⁹ А с у р ы — существа, нередко противопоставляемые в индуистской мифологии богам.

²⁰ М а р г о з а — дерево, цветущее ранней весной. Почитается как дерево — охранитель царей династии Пандья.

²¹ П а р в а т и — жена бога Шивы.

²² Э с а л а п е р а х е р а — праздник в честь главной буддийской реликвии Шри-Ланки — Зуба Будды, отмечается в июле — августе.

²³ А д и в э л — индуистский праздник, посвящен богу Субраманье, отмечается в июле — августе.

²⁴ В течение длительного времени рабочий даже по окончании контракта не мог покинуть плантацию, если за ним числились долги кангани-вербовщику. Старшему кангани и управляющему плантацией принадлежало право решать вопрос о продлении контракта или о выдаче рабочему разрешения перейти на работу к другому плантатору, если тот соглашался выплатить долги рабочего прежнему хозяину. Документ на это, как и сама система, назывался *тунду*, этим фактически закреплялась полукрепостная зависимость плантационного рабочего.

²⁵ Чтобы уменьшить расходы по найму и доставке рабочей силы из Индии, было создано в 1904 г. Цейлонское береговое агентство, взявшее под свой контроль миграцию рабочих. Агент-

ство также оформляло документы на въезд и выезд, выдавало подъемные и пенсионные деньги.

²⁶ С в а м и — уважительное обращение.

²⁷ К а н а к а п и л л е — писарь, счетовод.

²⁸ «Махабхарата» — древнеиндийский эпос (VI—II вв. до н. э.). Повествует о легендарной борьбе двух царских династий — Каурявов и Пандавов.

²⁹ К а д а и — лавочник.

³⁰ Т х а л е й в а р — лидер, руководитель.

³¹ П а н ч а я т — орган местного самоуправления в странах Южной Азии.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Шри-Ланка, или, как она официально называлась до 1972 г., Цейлон,— небольшая по сравнению с соседней Индией страна. Занимаемая ею территория составляет всего лишь 65,6 тыс. кв. км. Однако по европейским меркам это не столь уж малое государство, если принять во внимание, что площадь Нидерландов, например, равна 41,2 тыс. кв. км, а Швейцарии — 41,3 тыс. кв. км. И численность ланкийского населения превышает 17 млн. человек, в то время как в Нидерландах или в Швейцарии проживают соответственно 14 и 6 млн. человек.

Хотя Шри-Ланка, как и другие страны мира, всегда жила непростой, полной противоречий жизнью, стороннему наблюдателю, еще не вникшему в нелегкие будни ланкийского труженика, она представляется безмятежным краем, поражающим взор пышной, изумрудно-зеленой растительностью, а воображение — затерянными среди джунглей памятниками древней и средневековой культуры — храмами, дагобами — куполообразными культовыми сооружениями, не уступающими по высоте самым крупным египетским пирамидам, и гигантскими скульптурами Будды, высеченными из камня.

Очарованный дивной природой острова, Антон Павлович Чехов, посетивший Шри-Ланку в 1890 г., назвал ее «земным раем», а известный русский востоковед Эспер Эсперович Ухтомский, сопровождавший в 1890—1891 гг. будущего российского императора Николая II во время его путешествия по странам Азии, — «Афродитой, родившейся из серебряной пены полуденных морей». Ничего удивительного в том нет, что они, жители северных широт, были покорены буйством красок этой тропической страны. Несколько позднее великий индийский поэт и философ Рабиндранат Тагор, выросший в славящейся своими ландшафтами Бенгалии, в одном из своих стихотворений упоминает о Шри-Ланке как о «жемчужине в Индийском океане».

Как ни красив этот остров, однако исторические судьбы ланкийского народа, проживающего там, были нелегкими. В древних хрониках постоянно говорится о междоусобицах, на-

бегах воинственных соседей, восстаниях доведенных нуждой до крайности крестьян. А в более позднюю эпоху Шри-Ланка стала колонией европейских держав — сначала Португалии, затем Голландии и, наконец, Англии, которые на протяжении четырех с половиной столетий нещадно грабили природные ресурсы и подвергали жесточайшей эксплуатации как местное население, так и ввозимую в Шри-Ланку рабочую силу из Южной Индии. Лишь в 1948 г., на год позднее, чем Индия, эта страна добилась политической независимости и за прошедший с тех пор период сумела многого добиться как в экономической, так и в социальной областях.

Следует сказать, что из аграрной страны Шри-Ланка превратилась в аграрно-промышленную, а по уровню грамотности населения занимает одно из первых мест среди стран зарубежного Востока. Вместе с тем до сих пор остаются нерешенными такие острые социальные проблемы, как крайне низкий жизненный уровень основной массы трудящихся и безработица. Именно нерешенность этих проблем и служит той главной социальной базой, которая питает различные националистические течения в современной политической жизни Шри-Ланки, переживающей с 1983 г. трагедию межнационального конфликта, сопровождаемого кровавыми акциями, чинимыми как тамильскими, так и сингальскими террористами.

Между тем даже в колониальный период Шри-Ланка считалась спокойной в социально-политическом отношении страной — и это несмотря на то, что остров с древнейших времен привлекал к себе переселенцев из многих стран мира, принадлежавших к разным расам и религиозным общинам. Аборигенное, или, как теперь чаще называется оно в научной литературе, автохтонное, население в настоящее время представлено лишь несколькими десятками семей веддов, по-прежнему проживающих в джунглях и во многом сохранивших традиционный уклад. Остальное население, если подойти к этому вопросу строго, — пришлое. Сингалы, составляющие основную массу жителей острова — свыше 70 процентов, появились на острове в середине I тысячелетия до н. э., тогда же, когда и первые тамилы, на которых приходится около 20 процентов общей численности ланкийцев.

Тамилы, проживающие в Шри-Ланке, не являются единым в культурном или политическом отношении этносом, а делятся на две основные группы, различающиеся по своему происхождению и занимаемому ими месту в социально-политической структуре ланкийского общества. Одну из них образуют так называемые ланкийские тамилы, предки которых обосновались в Шри-Ланке одновременно с сингалами и населяют главным образом северные и северо-восточные районы страны. Вторая группа представ-

лена индийскими тамилами, как правило, потомками индийских рабочих, которые с начала прошлого века стали наниматься для работы на плантациях, расположенных преимущественно во внутренних предгорных и горных районах острова. Из других этнических групп можно назвать бюргеров — потомков от смешанных браков между европейцами (в основном португальцев и голландцев) и местным населением, мавров, чьи предки — арабские купцы и мореплаватели — появились на острове еще в эпоху средневековья, и малайцев.

Если учесть, что все эти этносы до сих пор сохраняют свою самобытность, еще не утратили традиционных культурных ценностей и в обыденной жизни продолжают придерживаться многих древних установлений и обычаев, то Шри-Ланку можно смело назвать раем для этнографов. И не случайно эта страна издавна привлекала внимание не только зарубежной, но и нашей отечественной науки в лице таких ее представителей, как основатель русской индологической школы Иван Павлович Минаев, Людмила Александровна и Александр Михайлович Мерварты, посетившие остров во время своей поездки по странам Южной Азии в 1915—1918 гг., Валентин Иванович Кочнев, который одним из первых советских востоковедов приступил к изучению Шри-Ланки после окончания Великой Отечественной войны, и ленинградский ученый Нина Георгиевна Краснодембская, внесшая весомый вклад в развитие этнографического направления советского ланковедения.

Предлагаемые вниманию читателей произведения ланкийских авторов Кеннета де Ланеролла и Кумарана Велупиллаи посвящены бытоописанию двух упомянутых выше этносов — сингалов и индийских тамиллов. Оба автора не являются профессиональными писателями, как, впрочем, и большинство других представителей ланкийской литературы. Первый из них — педагог, второй — журналист. Но им обоим удалось в высокохудожественной форме донести до читателя свои чувства и образы, которые ассоциируются у них с теми этническими группами, к которым они сами принадлежат: у одного — с сингалами, у другого — с индийскими тамилами.

Очерки Кеннета де Ланеролла хронологически привязаны ко второму десятилетию нашего века. Раскрывая перед читателем пестрый мир впечатлений мальчика из сингальской семьи, писатель воспроизводит уклад жизни сельского общества в тот период ланкийской истории, когда буржуазная цивилизация все настойчивее ломала привычные для сингалов нормы бытия, порождая у многих из них неуверенность в завтрашнем дне. С грустью в сердце вспоминая далекое прошлое, герой произведения Ланеролла, признавая неизбежность перемен, в то же

время не может не сожалеть по поводу утраты многого из того, что окружало его в детстве. Спокойный, размеренный ритм деревенских будней, милые, добрые, во многом наивные люди, бесхитростные забавы — как всего этого стало не хватать ему, когда он стал взрослым! И читатель, поддаваясь очарованию детского восприятия мира и как бы сам переносясь в мир детских чувств и настроений, едва ли сможет избежать ностальгии, поскольку у каждого остается в прошлом то, чего невозможно восполнить в последующей жизни: и испытываемые в ранние годы каждодневные радости познания нового, еще неведомого, и то душевное тепло, которое дарят нам близкие, старшие по возрасту люди, и, наконец, безграничная вера в добро, которое в детском представлении всегда и везде должно неизбежно одерживать победу над злом. И в этой вере в добро, в той любви, с которой описываются персонажи книги, будь то важный по местным понятиям чиновник, торговец, прачка или безграмотный крестьянин, и в по-детски чистом восприятии окружающего кроется гуманистическая сущность этого произведения.

Есть еще одна особенность у очерков Ланеролла — их научно-познавательная ценность. Автор подробно останавливается на таких деталях быта жителей описываемой им деревни, расположенной на юге Шри-Ланки, которые являются специфичными для данной местности и в других районах не встречаются. Это, в частности, относится к блюдам, которые можно отведать только там — и нигде более. Интересно данное произведение и в лингвистическом отношении. Хотя эта книга, как и очерки Кумарана Велупиллаи, написана на английском языке, в текст вводится множество сингальских слов, к тому же из местного, южноланкийского диалекта и не употребляемых в других районах, также населенных сингалами. Так что, как мы видим, она представляет определенный интерес и для ученых — как этнографов, так и филологов.

Второе включенное в данный сборник произведение — очерки К. Велупиллаи — характеризуется более широкими хронологическими рамками, так как знакомит с жизнью индийских тамиллов на различных этапах исторического развития Шри-Ланки — и в колониальную эпоху, и в период независимости. Содержащийся в нем фактологический материал, вне зависимости от художественной ценности этой книги, представляет для нашего читателя большой познавательный интерес, поскольку индийские тамилы составляли и до сих пор составляют основной контингент рабочих плантаций, дающих натуральный каучук, продукты кокосовой пальмы и, главное, знаменитый во всем мире ланкийский, или цейлонский, чай. В течение многих десятилетий они были объектом жесточайшей эксплуатации английского и националь-

ного (ланкийского) капитала, и только после аграрных реформ 1972 г. и особенно 1975 г., в результате которых все плантации площадью свыше 20 га были национализированы, положение их изменилось к лучшему, хотя и поныне они относятся к группам населения с самым низким уровнем дохода.

Создавая плантаторам несметные богатства, сами они оставались безвестными тружениками, тяжелая судьба которых мало кого волновала. Живя на территории плантаций в течение довольно длительного времени фактически в изоляции от окружающего сингальского населения, они сохраняли свою самобытную культуру, принесенную ими из Индии, и жили своим собственным укладом, резко отличавшимся от образа жизни остального населения Шри-Ланки. Они придерживались своих обычаев и представляли собой пролетариат еще в то время, когда в остальных областях острова, в сущности, не было рабочего класса. Однако еще довольно долго индийские тамилы стояли в стороне от политической и экономической борьбы и только с двадцатых годов нашего столетия стали все шире вовлекаться в рабочее движение и вместе с остальными отрядами рабочего класса Шри-Ланки участвовать в политической жизни страны.

Велупиллаи, хорошо знакомый с особенностями труда и быта плантационных рабочих, в серии ярких очерков и рассказов поведал о тех сторонах жизни индийских тамиллов, которые не могли попасть в поле зрения постороннего наблюдателя и поэтому оставались неизвестными значительной части населения даже самой Шри Ланки, пока не была опубликована его книга.

Хотелось бы сказать несколько слов и о том, кто обычно остается «за занавесом», а именно о переводчице этой книги. Илья Васильевич Сучков, чьей инициативе мы обязаны знакомству с обоими ланкийскими писателями,— наш журналист, много лет по роду своей работы проживший в Шри-Ланке, изъездивший ее всю, как говорится, и вдоль и поперек и побывавший в самых отдаленных уголках этой страны, даже в укрытых под пологом тропического леса селениях таинственных веддов. Им самим написано несколько книг об этой стране, в которых он делится с читателем своими впечатлениями и наблюдениями. Но, не удовлетворяясь этим, он активно переводит с английского на русский и произведения ланкийских писателей, с тем чтобы сделать еще более близкой россиянам страну, которую сам он давно уже и на всю жизнь полюбил всем своим сердцем.

В заключение возьму на себя смелость выразить надежду, что данный сборник, включающий в себя два произведения ланкий-

ских авторов, живо написанных, энергично ведущих читателя от одного эпизода к другому, представит интерес не только для широкой читательской аудитории, всегда с неизменным интересом встречающей каждую новую публикацию о Востоке, но и для специалистов-востоковедов самого различного профиля, поскольку, как уже отмечалось нами, содержит богатый фактологический материал, оригинальный по своему характеру и нигде более не встречающийся.

Ю. Н. Маслов

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Кеннет М. де Ланеролл.</i> ЮЖНАЯ РЕКА	3
<i>Кумаран Велупиллаи.</i> ЛЮДИ ЗЕЛЕННОГО ЦАРСТВА . . .	81
Примечания	182
<i>Ю. Н. Маслов.</i> Послесловие	186

Литературно-художественное издание

Кеннет М. де Ланеролл, Кумаран Велупиллаи

НА ЗЕМЛЕ СИНГАЛОВ И ТАМИЛОВ

Утверждено к печати Институтом востоковедения РАН

Заведующий редакцией *Я. Б. Гейшерик*. Редактор *Э. О. Секар*. Младший редактор *Л. А. Минина*. Художник *Л. Л. Михалевский*. Художественный редактор *Б. Л. Резников*. Технический редактор *В. П. Стуковнича*. Корректор *Л. М. Кольцина*

Сдано в набор 27.11.91. Подписано к печати 22.07.92. Формат 84×108^{1/2}. Бумага типографская № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. п. л. 10,08. Усл. кр.-отт. 10,29. Уч.-изд. л. 10,79. Тираж 2500 экз. Изд. № 7253. Зак. 556.

ВО «Наука»
Издательская фирма «Восточная литература»
103051, Москва К-51, Цветной бульвар, 21

3-я типография издательства «Наука»
107143, Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

4-75

Кешвет М. де Ланерола родился на юге острова Шри-Ланка, вот почему с таким знанием, любовью и симпатией рисует он в своей книге «Южная река» жизнь и быт южноланкийской деревни. После окончания университета он работал диктором, а затем ведущим учебной программы английского языка на радио Коломбо; более тридцати лет учительствовал, имел степень магистра филологических наук. В конце своей педагогической карьеры стал директором «Колледжа Кингвуд» в городе Канди.

Кумаран Велупиллаи — известный ланкийский журналист. Главные персонажи его книги «Люди зеленого царства» — рабочие чайных плантаций Шри-Ланки. Эти очерки классик сингальской литературы Мартин Викрамасингхе назвал маленькой энциклопедией жизни и быта тамиллов.

